

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 3 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Семейное
предпринимательство:
правовое регулирование
и государственная поддержка

Реализация
наследственных прав
в условиях применения
репродуктивных технологий

Презумпции в нормах
об установлении отцовского
происхождения ребенка

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 3 (220)
март 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 18.03.2025
Объем 17,55 усл. печ. л. (13,92 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 3 (220)
March 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

18.03.2025
Volume: 17,55 conventional printer's sheets (13,92 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Болдырев В. А. Семейное предпринимательство: правовое регулирование и государственная поддержка	9
Комиссарова Е. Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка	21
Гуляева О. Н. Манипулятивное поведение в потребительских правоотношениях	31
Шония Г. В., Челнокова Г. Б. Аттестация прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ	41

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Головин А. Г. Ответственное делегирование власти народом в Российской Федерации: ключевые понятия конституционно-правовой концепции	50
Чечельницкий И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях	66
Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений	86

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России	98
Корнакова С. В. Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ	120

ГЕНОМ / GENOME

Михайлова И. А. Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий	131
---	-----

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права	142
--	-----

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Boldyrev V. A. Family Entrepreneurship: Legal Regulation and Government Support	9
Komissarova E. G. Presumptions in the Rules on Paternity Establishment	21
Gulyaeva O. N. Manipulative Behavior in Consumer Legal Relations	31
Shoniya G. V., Chelnokova G. B. Certification of Prosecutors and the Investigative Committee Personnel	41

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Golovin A. G. Responsible Delegation of Power by the People in the Russian Federation: Key Concepts of the Constitutional Law Concept	50
Chechelnitский I. V. The Institution of Commissioners for Human Rights: Ways to Improve the Efficiency of Functioning in modern conditions	66
Lungu E. V. Constitutional Human Rights and Freedoms in the light of Digitalization of Public Relations	86

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

Maslov V. A. The Impact of a Special Military Operation on Crime in Russia	98
Kornakova S. V. Problems of Legislative Consolidation of the Duty of Proof and the Presumption of Innocence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation	120

ГЕНОМ / GENOME

Mikhailova I. A. Implementation of Inheritance Rights in the Context of the Use of Reproductive Technologies	131
--	-----

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Kornev A. V., Lazarev V. V. Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law	142
--	-----

Семейное предпринимательство: правовое регулирование и государственная поддержка

Резюме. «Семейный бизнес» — правовой концепт с весьма гибким содержанием, подвижность которого объясняется сложностью определения границ самой семьи. В составе легального категориального аппарата его можно использовать как средство дополнительного воздействия на ценностную сферу человека. Легальной фиксации значения такого концепта — превращения на уровне федеральных законов в юридическое понятие с определенным содержанием — не требуется. Активное государственное стимулирование семейного бизнеса путем создания широких преференций может иметь отрицательные последствия, связанные со злоупотреблениями, в том числе с маскировкой бизнеса под семейный. Для поддержки семейного предпринимательства предпочтительно использование юридической модели публичного конкурса, проводимого по критериям, определенным региональными властями. На федеральном уровне целесообразно формирование фонда поддержки семейного бизнеса, который бы участвовал в финансировании конкурсов и их проведении совместно с властями регионов. Возможен и более основательный, требующий широкого общественного обсуждения подход: в условиях кризиса института семьи, обострения демографических проблем учреждение на основании федерального закона Семейного фонда могло бы стать важной институциональной предпосылкой для поиска путей их решения. Организация конкурсов для семейного бизнеса могла бы стать одним из главных направлений деятельности такого фонда.

Ключевые слова: предпринимательское право; семейное право; семья; семейно-демографическая политика; семейное предпринимательство; многодетность; прибыль; убытки; экспектация; развод

Для цитирования: Болдырев В. А. Семейное предпринимательство: правовое регулирование и государственная поддержка. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.009-020

Family Entrepreneurship: Legal Regulation and Government Support

Vladimir A. Boldyrev

Northwest Branch of the All-Russian State University of Justice
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Family entrepreneurship is a legal concept with a very flexible content, the flexibility of which is explained by the difficulty of determining the boundaries of the family itself. As part of the legal categorical apparatus, family entrepreneurship can be used as a means of additional influence on the sphere of human value. It is not required to legislatively consolidate the meaning of the concept, namely, to turn it at the level of federal laws into a legal term with a well-defined content. Affirmative government stimulation of family entrepreneurship by creating broad preferences can have negative consequences associated with abuse, including disguising the business as family. To support family entrepreneurship, it is preferable to use the legal model of a public competition held according to criteria determined by regional authorities. At the federal level, it is advisable to form a foundation to support family business that would participate in financing competitions and their holding in collaboration

with the regional authorities. A more thorough approach requiring wider public discussion is also possible: in the context of the crisis of the institution of the family and aggravating demographic problems, an institution based on the federal law of the Family Foundation could become an important institutional prerequisite for finding ways to solve them. The organization of competitions for family businesses could become one of the main activities of such a foundation.

Keywords: business law; family law; family; family and demographic policy; family entrepreneurship; large families; profit; losses; exposure; divorce

Cite as: Boldyrev VA. Family Entrepreneurship: Legal Regulation and Government Support. *Lex russica*. 2025;78(3):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.009-020

Введение

Позитивное право является одним из инструментов проведения в жизнь положений государственной семейно-демографической политики. Проблема использования данного инструмента заключается в сложности наблюдения за последствиями принятых решений: возможность оценить достигнутый эффект наступает лишь на дистанции многих лет. Правотворческая деятельность, результаты которой входят в противоречие с официально-концептуальными документами, свидетельствует о конфликте установок, исходящих от государства и общества. Такой конфликт может служить фактором нестабильности браков. Многодетность и созидательный труд, являясь идеалами в официально провозглашенной системе российских духовно-нравственных ценностей¹, в экономических укладах индустриального и постиндустриального общества находятся в состоянии острого конфликта.

Эффективность решения задач социумом зависит от того, насколько формируемая картина мира — информационно-речевая модель — соответствует реальности и отражает приоритеты членов общества. Важнейшим элементом информационно-речевой модели мира, предлагаемой социумом человеку, является система концептов и терминов, используемых для объяснения происходящих процессов.

Влияние концептов на мышление и деятельность человека входит в предмет когнитивных

наук и изучается в рамках междисциплинарных исследований языка. В то же время закономерности формирования и действия терминологического аппарата позитивного права на поведение человека входят в предмет юриспруденции. Как отмечает Д. Е. Богданов, междисциплинарный подход в изучении правовых феноменов должен быть основан на категориальном аппарате правовой доктрины².

Механизм трансформации концептов, обеспечивающих возможность и эффективность мыслительного процесса, в юридическую терминологию находится на стыке наук и требует междисциплинарного подхода, использования комплекса методов, характерных как для юридических, так и когнитивных исследований, учета социологических данных и закономерностей человеческой психологии. Именно мультидисциплинарный подход к исследованию предпринимательской деятельности позволит получить синергетический результат научных изысканий³.

«Семейное предпринимательство», будучи правовым концептом, активно обсуждается в науке. В данной междисциплинарной работе мы ставим цель выяснить, может ли легальное определение семейного предпринимательства способствовать регулированию общественных отношений, связанных с ведением бизнеса, и упрочению института семьи. Придерживаясь дифференцированного подхода к регулированию предпринимательской деятельности⁴, по-

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 11. С. 105.

³ Ершова И. В., Шишмарева Т. П., Енькова Е. Е. Правовой статус самозанятых как субъектов предпринимательства: проблемы и перспективы реформирования // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2021. Т. 14. № 11. С. 1650. См. также: *Перспективы легализации семейного предпринимательства: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 23.*

лагаем, что достижения в области психологии, экономики и социологии помогут определить точку наиболее эффективного приложения усилий государства и будут способствовать выбору правильной стратегии правотворчества в данной области.

«Семейное предпринимательство» как юридический концепт

Проблема границ семьи, отсутствие легального ее определения находятся в сфере внимания правоведов несколько десятилетий. В условиях отсутствия однозначного понимания числа элементов в такой системе, как семья, сложно дать определение самому семейному бизнесу⁵. Когда границы регулируемой и наблюдаемой системы неочевидны, статистическое наблюдение и учет ее состояний затруднены. Тем не менее в отсутствие определения семейного бизнеса можно видеть, что профессиональными юристами, предпринимателями и государством соответствующий концепт принят.

Концепты «существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности»⁶, а вот о значении терминов договариваются. «Понятие уже концепта, который включает в себя, помимо собственно понятия как инструмента логического мышления, его наивный аналог (метафорические и исторические термины)»⁷.

О существовании концепта можно говорить, если он является частью национального мента-

литета или национального сознания⁸, единицей коллективного сознания, отправляющей к высшим духовным ценностям, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой⁹. Будучи важнейшей категорией целого ряда гуманитарных наук, концепт представляет собой неоднородное образование¹⁰.

Как отмечает Е. В. Добровольская, «концепт “семья”, несомненно, является общечеловеческим концептом, следовательно, описание его концептуализации должно быть в сопоставительном аспекте с другой или другими языковыми картинками»¹¹. Понятийное поле семьи формируют термины родства и свойства¹², а в современной лингвистике обсуждается концептосфера семьи¹³.

Семантическое поле концепта «семейное предпринимательство» находится на пересечении семантических полей концептов «предпринимательская деятельность» и «семья». В правовой плоскости мы отчетливо наблюдаем подчинение отношений, связанных с осуществлением семейного предпринимательства, нормам частного (гражданского и семейного) права.

Семейный характер бизнеса: констатация в условиях конфликта

Говоря о семейном бизнесе как об объекте правового регулирования, мы будем вынуждены отметить весьма непростую ситуацию, когда нормы основных подотраслей гражданского

⁴ Кванина В. В., Громова Е. А., Спиридонова А. В. Государственная поддержка женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 60.

⁵ Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки // Семейный бизнес & качество правовой среды : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2022. С. 22.

⁶ Беккелдиева А. Т., Беккулова Д. К., Мурзубраимова Д. У., Зулпукарова А. К. Определение термина «концепт» в современной лингвистике // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-6 (78). С. 82.

⁷ Маликов И. Г. О соотношении терминов «концепт» и «понятие» в современной когнитивной лингвистике // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 77.

⁸ Керимова Ч. Э. Термин «концепт» в современной когнитивной лингвистике // Филология. 2016. № 3 (3). С. 79.

⁹ Шулятиков И. С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 101.

¹⁰ Касьян Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 2 (17). С. 52.

¹¹ Добровольская Е. В. О типах концептов в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2020. № 1. С. 72–73.

¹² Добровольская Е. В. Указ. соч. С. 73.

¹³ Касьян Л. А. Указ. соч. С. 52.

права — вещного, обязательственного, наследственного и корпоративного права — образуют правовой режим, в рамках которого долговременное стабильное функционирование предприятия осложнено. И это притом что неделимость предприятия логически вытекает из его понимания как совокупности вещей и прав, объединенных единой экономической целью¹⁴.

Необходимость нотариально удостоверенного согласия супруга на совершение ключевых сделок¹⁵ в процессе бизнеса ставит под вопрос важнейший признак предпринимательской деятельности, отраженный в ст. 2 ГК РФ, — ее самостоятельный характер. Поскольку сделки по распоряжению долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью подчиняются требованию о получении согласия супруга¹⁶, приходим к выводу, что сегодня корпоративное управление подчинено семейно-правовой логике.

Законный режим имущества супругов — режим совместной собственности (п. 1 ст. 33 СК РФ) — является основой требований о разделе бизнес-активов, находящихся в поле пристального внимания ведущих экономических изданий¹⁷. Это объясняется не столько свойственным человеку любопытством, интересом к личным и семейным проблемам других, сколько существующей у представителей бизнес-сообщества необходимостью прогнозировать ход собственных дел с поправкой на знания о проблемах конкурентов и партнеров. Пересечение проблематики семьи, точнее ее распада, и бизнеса видно здесь как нельзя лучше.

Наконец, нельзя не сказать о разделе имущества, оставшегося после смерти предпринимателя, ибо для семейного бизнеса в идеале характерна преемственность, а она обеспечивается механизмами правопреемства, прежде всего универсального (общего). В России культура межпоколенческой передачи бизнеса

только начинает формироваться. Сложность формирования следует, например, из содержания норм, регулирующих отношения по поводу назначения нотариусом, ведущим наследственное дело, доверительного управляющего для «лежачего» наследства: закон прямо называет в числе оснований его назначения переход в порядке наследственного правопреемства прав на предприятие и корпоративных прав (п. 1 ст. 1173 ГК РФ). Установлены и особые правила раздела наследственной массы для входящего в нее предприятия: правом на его преимущественное получение обладает наследник-предприниматель, а при отсутствии в числе наследников предпринимателя по общему диспозитивному правилу раздел соответствующего имущества не производится: возникают идеальные доли, призванные создать правовую основу управления соответствующим делом несколькими наследниками (ст. 1178 ГК РФ). На деле смерть основателя нередко приводит к разрушению бизнеса из-за неумения наследников договориться о порядке ведения бизнеса и нежелания уступить в решении вопроса о распределении имущества предприятия на основании соглашения.

Когда свобода предпринимательской деятельности связана условием о согласии супруга на отчуждение общего имущества, смерть основателя бизнеса приводит к череде корпоративных споров с участием наследников и бывших партнеров, а развод становится причиной краха построенного бизнеса и надежд, причем не только его владельцев, но и работников, можно говорить об относительном обособлении проблематики на стыке классической цивилистики и семейного права, имеющей крайне высокую степень напряженности разногласий экономического и межличностного характера.

Юридический концепт «семейное предпринимательство» существует в условиях широ-

¹⁴ Дерюшева О. И. Раздел (выдел) недвижимого имущества супругов // Российское правосудие. 2011. № 5 (61). С. 85–86.

¹⁵ Сделки, требующие в силу закона соблюдения нотариальной формы или подлежащие обязательной государственной регистрации, а также сделки об отчуждении имущества, права на которое подлежат государственной регистрации (абз. 1 п. 3 ст. 35 СК РФ).

¹⁶ Определения Верховного Суда РФ от 31.07.2024 № 302-ЭС24-6555 по делу № А19-24434/2022 ; от 13.07.2023 № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Речь идет о таких изданиях, как Forbes, РБК, «Финам», «Деловое обозрение». См.: Самые громкие разводы чиновников и предпринимателей // URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/249172-samye-gromkie-razvody-chinovnikov-i-predprinimatelei> (дата обращения: 09.09.2024) ; Громкие разводы // URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/21/02/2014/570417fe9a794761c0ce6f02> (дата обращения: 09.09.2024) ; Топ-5 «разводов» предпринимателей // URL: <https://uldelo.ru/articles/2023/03/01/>

кого распространения в обществе семейных, наследственных и корпоративных споров, участниками которых являются члены не только функционирующих, но и разрушающихся, а также разрушенных первичных ячеек общества. Оценка семейно-правовых состояний — весьма неоднозначной категории юридических фактов — бывает необходимой для защиты интересов лиц, участвующих в гражданском обороте, и не должна дестабилизировать этот оборот¹⁸. В случае если государство вводит преференциальный, стимулирующий режим для бизнеса, должен существовать простой механизм проверки заявленных получателями преференций обстоятельств, в том числе подтверждения юридически значимых состояний.

Понять для целей юридических и экономических, когда семья как первичная ячейка общества существует, а когда прекратила существовать, какой бизнес правильно считать семейным, а какой нет, далеко не всегда просто. Бесцеремонные попытки разобраться в этом, тем более основанные на установленных нормах права процедурах, никакого позитива в осложнившиеся отношения не внесут: сами алгоритмы констатации того, что бизнес является семейным, должны быть щадящими и этически выверенными.

Совместная деятельность как фактор стабильности брака

К современному браку применима теория социального взаимодействия, согласно которой в

основе выбора лежит оценивание качеств возможного партнера — определение того, кто может обеспечить больший выигрыш при меньших собственных затратах¹⁹. В этом случае качества партнера (статус, возраст, внешние данные, психологические характеристики, ценности и убеждения) — блага, подлежащие обмену и имеющие «рыночную цену»²⁰.

Сохранение заключенного брака, его успешность зависят не только от качеств супругов — большую роль начинают играть появившиеся у них дети. Бездетные разводятся чаще, чем супруги, имеющие детей, причем чем больше в семье детей, тем относительно реже она распадается²¹. Психологами отмечается, что сам процесс ведения совместного бизнеса становится средой для саморазвития и самореализации²² и чем больше детей в бизнес-семье, тем выше ее сплоченность²³. Если появление детей в семьях оценивается исследователями статистическими методами, наиболее вероятно, решается задача демографического характера.

Л. А. Хачатрян отмечает, что решение демографической проблемы России возможно, если каждая семья будет иметь трех детей²⁴. Парадоксален вывод автора, согласно которому социальный институт брака отмирает и одновременно изменяются подходы к трактовке этого понятия²⁵. Как видится, во-первых, приведенное заключение не учитывает цикличность процессов в природе и социуме. Во-вторых, методологически верно и внутренне непротиворечиво было бы говорить не об отмирании, а об изменении содержательного наполнения брачных, а как следствие, и семейных отношений.

---

b-top-5-razvodov-predprinimatelei-b (дата обращения: 09.09.2024) ; Развод в бизнесе — рейдерский захват или честный раздел имущества? // URL: <https://www.finam.ru/publications/item/razvod-v-biznese-reyderskiy-zakhat-ili-chestnyy-razdel-imushchestva-20240724-1724/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁸ Османова Д. О. Правовой статус бывшего супруга (супруги) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 92.

¹⁹ Хачатрян Л. А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1 (5). С. 90.

²⁰ Хачатрян Л. А. Указ. соч. С. 90.

²¹ Лагойда Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 89.

²² Мурзина Ю. С., Русяева И. А. Какие отношения в семейном бизнесе способствуют прибыльности предприятия? // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 114.

²³ Мурзина Ю. С., Русяева И. А. Тип семейных отношений у предпринимателей сферы малого семейного бизнеса // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 39.

²⁴ Хачатрян Л. А. Указ. соч. С. 98.

²⁵ Хачатрян Л. А. Указ. соч. С. 99.

Эмансипацию женщин можно считать одним из главных факторов разрушения семьи²⁶. Однако это не означает, что свободная, предприимчивая женщина в условиях достигнутого понимания ролевых обязанностей в семье не может быть успешным участником, а то и лидером данной малой социальной группы. Поиск вариантов консенсуса ролей матери и хозяйки, с одной стороны, предпринимателя и руководителя, с другой стороны, осуществляется в разных направлениях, в том числе в исследовании феноменов семейного и даже женского предпринимательства²⁷.

Причинами конфликтов могут быть как материальные проблемы, так и чрезмерная занятость одного из супругов в профессиональной деятельности²⁸. Убыточный, малоприбыльный бизнес или общее дело, выжимающее из супругов все силы, также могут стать причинами разводов.

Институт брака — союза мужчины и женщины — предстает как явление интерсубъективной природы, базовые параметры которого в России заданы на конституционном уровне (п. «ж1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Интерсубъективные сущности создаются взаимодействием многих, а не верованиями или чувствами отдельных личностей²⁹. Далеко не безграничная возможность управлять отношениями между людьми, рождая нормы позитивного права, сегодня понятна государству более, чем в советский период³⁰. Сфера интерсубъективного формируется не только под действием социальных норм — она находится под влиянием генетических, климатических, экономических и многих других факторов. Формируется эта сфера и на уровне семьи, преимущественно нуклеарной, в процессе совместной жизни супругов. Их вовлеченность в совместную работу, в сотрудничество, эффективность которого подтверждается позитивным подкреплением — доходом, способна оказывать серьезное воздействие на

информационную модель мира всех членов семьи, включая детей.

Непроста ситуация с позитивным подкреплением, когда идет речь о предпринимательской деятельности: вероятность отрицательного эффекта — убытков — известна даже из ее легального определения в ст. 2 ГК РФ, содержащего указание на рисковый характер предпринимательства. Статистика прекращения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей не создает повода для иллюзий о предпринимательстве как активности, способной давать исключительно позитивные эмоции. Вместе с тем мы не склонны считать, что брак зиждется только на положительных эмоциях: избавление системы от стрессов тоже может причинить вред³¹.

Тем не менее, поскольку крах бизнеса может стать фактором, увеличивающим вероятность прекращения отношений между супругами, следует задаться вопросом о среднестатистической продолжительности его жизни. При этом было бы неправильным чрезмерно полагаться на статистические данные, ибо их интерпретация чаще всего затруднена, а ущербные толкования прошлого формируют наш взгляд на происходящее и ожидания от будущего³². Статистические данные могут рассматриваться как предупреждение о возможных исходах, а не как основа для принятия категоричных решений, нацеленных в далекое будущее.

Срок жизни бизнеса в различных культурах

Со статистическими данными, характеризующими семейный бизнес, дела обстоят неважно, прежде всего по причинам методологического характера. Как было сказано, сложно организовать статистическое наблюдение за явлением, точные параметры которого неизвестны. Именно поэтому правильнее говорить о сроке жизни

²⁶ Лагойда Н. Г. Указ. соч. С. 89.

²⁷ Ершова И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex russica. 2022. Т. 75. № 8. С. 14.

²⁸ Лагойда Н. Г. Указ. соч. С. 89–90.

²⁹ Харари Ю. Н. Номо Деус. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2022. С. 171.

³⁰ Болдырев В. А., Кархалев Д. Н. Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 162–179.

³¹ Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. С. 69.

³² Канеман Д. Думай медленно... решай быстро : пер. с англ. М. : АСТ, 2021. С. 262.

бизнеса малого и среднего, имеющего более или менее точные параметры в конкретной юрисдикции: это даст ценный материал, который лечь в основу выводов и предложений.

Отмечается, что в мировой практике около 50 % малых предприятий закрываются в первые два года деятельности, а успешными через 10 лет остаются только 15 % из них³³. Проверка статистических данных столь общего характера крайне трудна, ибо «никто не ведает, что происходит в мире в целом, и это — самое главное»³⁴. Поэтому целесообразно принять во внимание показатели конкретных стран. Известнейший когнитивист Даниэль Канеман отмечал, что в США вероятность выживания мелких предприятий в течение пяти лет составляет 35 %, а субъективно оценивается самими предпринимателями как составляющая 60 %, т.е. шансы положительного развития ситуации превышают ее участниками почти вдвое³⁵. К настоящему времени в США 68 % предприятий закрываются в первые пять лет, а десятилетний рубеж пересекают лишь 13 %. Средняя продолжительность жизни малых и средних предприятий в Японии и европейских странах — 12 лет, в КНР — 3,7 года³⁶. Правительство России планирует увеличить «продолжительность жизни» малого бизнеса с 9 до 13 лет³⁷.

Анализ официальных статистических данных, размещаемых ФНС России, показывает чрезвычайно высокую интенсивность процессов создания новых обществ с ограниченной ответственностью и их прекращения по различным основаниям, среди которых превалирует прекращение по решению регистрирующих органов³⁸. Организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью,

по нашим наблюдениям, часто используется для ведения бизнеса, в который вовлечены люди, связанные кровными узами и узами брака. Один и тот же бизнес как явление экономического порядка можно вести под разными юридическими личинами, меняя подходы к оформлению хозяйственных операций, экспериментируя с организационно-правовыми формами. Такой динамике способствуют сегодняшняя правовая и налоговая политика государства, сложившиеся стратегии выделения новых бизнесов из состава существующих.

Зарубежные специалисты обращают внимание на то, что преемственность в бизнесе не следует воспринимать как нечто само собой разумеющееся: значительная часть владельцев отказываются от первоначальных планов, связанных с обеспечением преемственности, и в итоге закрывают бизнес³⁹. Широкомасштабное исследование, проведенное в Германии, показывает несоответствие между намерениями и реальным поведением лиц, связанным с преемственностью⁴⁰. В Китае отмечают необходимость повысить гибкость управления в семейном бизнесе, чтобы изучить возможности использования наработанных моделей поведения в последующих поколениях⁴¹.

Представление о семейном бизнесе как деле, наследуемом из поколения в поколение, не имеет под собой прочной статистической основы. В странах бывшего коммунистического блока, где соответствующие традиции только начинают формироваться, рассуждать об этом можно только очень осторожно.

Не следует также забывать, что контроль наследников над фирмой не гарантирует унаследованных талантов или деловых навыков, а

³³ Худояров Р., Низаметдинов А. Малый и средний бизнес в условиях глобализации мировой экономики // Центральноазиатский журнал образования и инноваций. 2023. Т. 2. № 6-2. С. 190.

³⁴ Талеб Н. Н. Указ. соч. С. 354.

³⁵ Канеман Д. Указ. соч. С. 262.

³⁶ Худояров Р., Низаметдинов А. Указ. соч. С. 190.

³⁷ Злобин А. В правительстве пообещали увеличить «продолжительность жизни» малого бизнеса // Forbes. 23.10.2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/499039-v-pravitel-stve-poobesali-uvelicit-prodolzitel-nost-zizni-malogo-biznesa> (дата обращения: 12.04.2024).

³⁸ Болдырев В. А., Бодункова С. А. Прекращение юридических лиц и правовая политика: от анализа данных к прогнозированию последствий // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 42.

³⁹ Pahnke A., Schleppehorst S., Schlömer-Laufen N. Family business successions between desire and reality // Journal of Business Venturing Insights. 2024. Vol. 21. Article No. e00457. P. 1.

⁴⁰ Pahnke A., Schleppehorst S., Schlömer-Laufen N. Op. cit. P. 7.

⁴¹ Wu S., Chirico F., Fan D., Ding J., Su Y. Foreign market exit in family firms: Do historical military and cultural frictions matter? // Journal of World Business. 2024. Vol. 59. Iss. 1. Article 101504. P. 13.

скорее сигнализирует о простом родстве⁴². Справедливо указывается на проблему непотизма в семейном бизнесе: очень часто преимущество в продвижении по карьерной лестнице предоставляется с учетом происхождения, а не проявленных профессиональных качеств⁴³. Ввиду того что вопрос о справедливости в постсоциалистическом обществе стоит остро, с этой позиции российский семейный бизнес весьма уязвим.

По-видимому, ставки на семейное предпринимательство как инструмент, дающий системный и стабильный эффект, возможны преимущественно в обществах с архаичными устоями. Так, в Пакистане семейный бизнес широко распространен и играет важную роль в экономике: около 80 % бизнеса является семейным и обеспечивает занятостью такую же долю людей⁴⁴. Вместе с тем даже там, отмечая низкий уровень устойчивости семейного бизнеса (только 50 % семейных предприятий существуют более пяти лет), исследователи полагают, что для выживания и процветания из поколения в поколение семейным фирмам необходимо проявлять финансовую ответственность и активно реструктуризоваться по мере развития семьи и бизнеса⁴⁵. Уровень экономического развития Пакистана, его культурные особенности заставляют задуматься над вопросом, не является ли активная поддержка семейного бизнеса культивированием архаики. Для других экономических укладов и культур выбор ведения совместного бизнеса как основы процветания семьи, по-видимому, оказывается эффективным и желательным как частный случай, учитывающий потребности и навыки супругов и их потомков.

Изменчива не только экономика, но и ролевые ожидания. Более того, изменчивы представления общества и его отдельных членов о счастливой семье. Г. Лагонда отмечает дина-

мичность как одно из психологических свойств брачных экспектаций (ожиданий), хорошо проявляющуюся в лонгитюдных исследованиях, означающую, что в зависимости от фазы жизненного цикла меняются и ожидания, адресованные брачному партнеру⁴⁶.

Внутренние процессы и мотивация поведения семейных компаний плохо поддаются анализу. Исследуя корпоративную социальную ответственность, готовность решать социальные и экологические проблемы, коллектив авторов отмечает, что многие успехи и добрые дела малых и средних семейных фирм остаются незамеченными широкой общественностью, поскольку эти фирмы, как правило, не афишируют даже их⁴⁷.

Несемейные компании являются более гибкими, поскольку им не нужно учитывать эмоциональные или поколенческие аспекты в стратегиях⁴⁸. В то же время семейные предприятия уделяют больше внимания проблематике корпоративной социальной ответственности, хотя делают это необязательно по этическим соображениям: скорее потому, что достигают тем самым больших положительных результатов для семьи и компании на дистанции времени⁴⁹. Нацеленность семейного бизнеса на достижение стратегических целей и устойчивое развитие, готовность делать вложения в будущее объясняются как тем, что решение соответствующих задач должно происходить в течение нескольких поколений, так и особенностями мотивации оперативного менеджмента. Управляющий персонал несемейного бизнеса, длительность отношений с которым зачастую меньше, чем для семейного бизнеса, имеет ориентацию на текущий, сиюминутный успех по причинам репутационного и материального характера⁵⁰.

⁴² *Miroshnychenko I., Vocalelli G., De Massis A., Grassi S., Ravazzolo F.* The COVID-19 pandemic and family business performance // *Small Business Economics*. 2024. Vol. 62. P. 217.

⁴³ *Киселев А. С.* Семейное предпринимательство как инструмент социальной поддержки малообеспеченных категорий граждан в России // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 9. С. 9–14.

⁴⁴ *Jamil M., Stephens S., Md Fadzil A. F.* Sustainability in family business settings: a strategic entrepreneurship perspective // *Journal of Family Business Management*. 2024. P. 5.

⁴⁵ *Jamil M., Stephens S., Md Fadzil A. F.* Op. cit. P. 2.

⁴⁶ *Лагонда Г.* Брачные экспектации как психологическая основа супружеских отношений // *Развитие личности*. 2010. № 3. С. 96.

⁴⁷ *Stock Ch., Pütz L., Schell S., Werner A.* Corporate Social Responsibility in Family Firms: Status and Future Directions of a Research Field // *Journal of Business Ethics*. 2024. Vol. 190. P. 200.

⁴⁸ *Stock Ch., Pütz L., Schell S., Werner A.* Op. cit. P. 201.

⁴⁹ *Stock Ch., Pütz L., Schell S., Werner A.* Op. cit. P. 216.

⁵⁰ *Miroshnychenko I., Vocalelli G., De Massis A., Grassi S., Ravazzolo F.* Op. cit. P. 215–216.

Сказанное о семейном бизнесе приводит к выводу, что его популяризация может дать позитивный эффект. Однако она должна осуществляться с учетом экономических и культурных особенностей стран и регионов, не создавать безусловные и тотальные преференции. Как показала российская практика, создание льготных режимов для широкой группы субъектов может приводить к опасным формам мимикрии в предпринимательской деятельности — маскировке крупного бизнеса под малый и средний путем дробления, приводящего в итоге к экономическим и налоговым потерям.

Полагаем, что наиболее эффективным методом популяризации семейного бизнеса может быть грантовая поддержка по результатам публичных конкурсов, проводимых региональными властями на основании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, учитывающих гл. 57 ГК РФ. Их проведение не станет стимулом к массовым злоупотреблениям, но создаст систему информационных поводов для широкого освещения успехов конкретных семейных предприятий, популяризации идеи крепкой семьи.

Критерии того, какой бизнес считать семейным, на наш взгляд, не должны устанавливаться федеральными властями. Этому есть формально-юридическое и этнокультурное обоснование. Действительно, согласно п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита брака и создание условий для достойного воспитания детей в семье относятся к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов. При этом в регионах, границы которых образованы с учетом национальных особенностей страны, культурные представления о том, какие обязательства возникают между близкими и дальними родственниками, могут серьезно различаться. Более того, неодинаковы традиции отслеживания дальнего родства. По-видимому, в регионах, где традиции накопления и сохранения знаний о дальних родственниках (их круге, обычаях и семейной истории) более глубокие, параметры восприятия бизнеса как семейного не будут такими же, как в регионах, где принято поддерживать связь преимущественно с родственниками близкими. В любом

случае критерии оценки предпринимательства как семейного должны быть простыми и щадящими, а сама оценка — производиться только на момент проведения конкурса.

Место для нормативного правового регулирования отношений по поводу конкурсов, проводимых по критериям, установленным региональными властями, на наш взгляд, имеется. Подобно тому как необходимость поддержки российской науки привела к созданию специального фонда на основании отдельного закона⁵¹, возможно формирование фонда поддержки семейного бизнеса, который бы участвовал в финансировании региональных конкурсов и совместно с властями регионов определял их победителей.

Возможен и более основательный подход. Не будучи сторонниками казуистического правового регулирования (посвящения отдельных федеральных законов конкретным участникам гражданского оборота, наделенным общественно значимыми функциями), тем не менее в условиях кризиса института семьи и национальных демографических проблем полагаем возможным учреждение на основании федерального закона Семейного фонда. Одной из его компетенций может стать организация конкурсов для семейного бизнеса.

Заключение

Когда профессиональным сообществом не предложено органичного и последовательного нормативного решения проблемы определения семейного бизнеса, его не следует считать самостоятельным объектом частноправового регулирования. Тем не менее поиск правотворческих решений в данном направлении целесообразен, а использование соответствующего концепта в правовой науке и медиапространстве для популяризации семейных ценностей обосновано.

Современные знания, накопленные естественными и социальными науками о стремлении человека к воспроизводству моделей поведения тех членов общества, которые считаются успешными⁵², требуют кардинального переосмысления роли регуляторов, лишь ча-

⁵¹ Федеральный закон от 02.11.2013 № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5630.

⁵² Дубынин В. А. Мозг и его потребности. От питания до признания. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. С. 63–65.

стично связанных с нормами позитивного права. Изучение системы методов стимулирования к деторождению и сохранению семьи предпринимчивого человека, успешного в глазах значительной части общества, а значит, подающего пример, установление эффективности для этих целей нормативного правового регулирования могут стать приоритетными направлениями социальных исследований.

«Семейный бизнес» — правовой концепт с весьма гибким содержанием, подвижность которого объясняется сложностью определения границ самой семьи, — может использоваться

в составе легального категориального аппарата как дополнительное средство позитивного воздействия на ценностную сферу человека. Легальная фиксация значения такого концепта, превращение его на уровне федеральных законов в юридическое понятие с вполне определенным содержанием, а также активное государственное стимулирование семейного бизнеса путем создания широких преференций могут иметь отрицательные последствия. Использование юридической модели публичного конкурса, проводимого по критериям, определенным региональными властями, в данном случае предпочтительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беккелдиева А. Т., Беккулова Д. К., Мурзубраимова Д. У., Зулпукарова А. К. Определение термина «концепт» в современной лингвистике // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-6 (78). С. 81–86.

Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки // Семейный бизнес & качество правовой среды : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2022. С. 19–34.

Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 102–123.

Болдырев В. А., Кархалев Д. Н. Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 162–179.

Болдырев В. А., Бодункова С. А. Прекращение юридических лиц и правовая политика: от анализа данных к прогнозированию последствий // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 42–54.

Дерюшева О. И. Раздел (выдел) недвижимого имущества супругов // Российское правосудие. 2011. № 5 (61). С. 78–91.

Добровольская Е. В. О типах концептов в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2020. № 1. С. 69–75.

Дубынин В. А. Мозг и его потребности. От питания до признания. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 576 с.

Ершова И. В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex russica. 2022. Т. 75. № 8. С. 9–22.

Ершова И. В., Шишмарева Т. П., Енькова Е. Е. Правовой статус самозанятых как субъектов предпринимательства: проблемы и перспективы реформирования // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 14. № 11. С. 1648–1659.

Канеман Д. Думай медленно... решай быстро : пер. с англ. М. : АСТ, 2021. 653 с.

Касьян Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 2 (17). С. 50–53.

Кванина В. В., Громова Е. А., Спиридонова А. В. Государственная поддержка женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 52–65.

Керимова Ч. Э. Термин «концепт» в современной когнитивной лингвистике // Филология. 2016. № 3 (3). С. 78–80.

Киселев А. С. Семейное предпринимательство как инструмент социальной поддержки малообеспеченных категорий граждан в России // Lex russica. 2023. Т. 76. № 9. С. 9–20.

Лагойда Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 86–96.

Лагонда Г. Брачные экспектации как психологическая основа супружеских отношений // Развитие личности. 2010. № 3. С. 84–98.

Маликов И. Г. О соотношении терминов «концепт» и «понятие» в современной когнитивной лингвистике // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 76–78.

Мурзина Ю. С., Русяева И. А. Какие отношения в семейном бизнесе способствуют прибыльности предприятия? // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 95–122.

- Мурзина Ю. С., Русяева И. А. Тип семейных отношений у предпринимателей сферы малого семейного бизнеса // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 30–42.
- Перспективы легализации семейного предпринимательства / А. В. Барков, Л. А. Баркова, Т. В. Белова [и др.]. М. : Проспект, 2023. 296 с.
- Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2023. 768 с.
- Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2022. 496 с.
- Хачатрян Л. А. Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 1 (5). С. 89–100.
- Худояров Р., Низаметдинов А. Малый и средний бизнес в условиях глобализации мировой экономики // Центральноазиатский журнал образования и инноваций. 2023. Т. 2. № 6-2. С. 188–193.
- Шулятиков И. С. Термин «концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 98–102.
- Jamil M., Stephens S., Md Fadzil A. F. Sustainability in family business settings: a strategic entrepreneurship perspective // Journal of Family Business Management. 2024. P. 1–19.
- Miroshnychenko I., Vocalelli G., De Massis A., Grassi S., Ravazzolo F. The COVID-19 pandemic and family business performance // Small Business Economics. 2024. Vol. 62. P. 213–241.
- Pahnke A., Schleppehorst S., Schlömer-Laufen N. Family business successions between desire and reality // Journal of Business Venturing Insights. 2024. Vol. 21. Article No. e00457. P. 1–9.
- Stock Ch., Pütz L., Schell S., Werner A. Corporate Social Responsibility in Family Firms: Status and Future Directions of a Research Field // Journal of Business Ethics. 2024. Vol. 190. P. 199–259.
- Wu S., Chirico F., Fan D., Ding J., Su Y. Foreign market exit in family firms: Do historical military and cultural frictions matter? // Journal of World Business. 2024. Vol. 59. Iss. 1. Article 101504. P. 1–16.

REFERENCES

- Barkov AV, Barkov LA, Belova TV et al. Prospects for the legalization of family entrepreneurship. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Bekkeldieva AT, Bekkulova DK, Murzubraimova DU, Zulpukarova AK. Definition of the term «concept» in modern linguistics. *Aktualnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world]*. 2021;10-6(78):81-86. (In Russ.).
- Bogdan VV. Family business in social networks: butterfly effect. In: Ershova IV, Levushkin AN (eds.). Family business & quality of the legal environment. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Bogdanov DE. Postmodernity in Russian Private Law: Interaction of Legal and Judicial Doctrine. *Lex russica*. 2021;74(11):102-123. (In Russ.).
- Boldyrev VA, Bodunkova SA. Termination of legal entities and legal policy: from data analysis to prediction of consequences. *Journal of Russian Law*. 2024;28(2):42-54. (In Russ.).
- Boldyrev VA, Karkalev DN. Soviet Family and Demographic Policy in Landmarks of Law in Great Patriotic War Period. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;17(3):162-179. (In Russ.).
- Deryusheva OI. Division (allotment) of estate of spouses: judicial practice. *Rossiyskoe pravosudie [Justice]*. 2011;5(61):78-91. (In Russ.).
- Dobrovolskaya EV. Types of Concepts in Cognitive and Linguistic-Cultural Studies. *Vestnik of the Russian New University. «Man in the Modern World»*. 2020;1:69-75. (In Russ.).
- Dubynin VA. The brain and its needs. From nutrition to recognition. Moscow: Alpina Nonfiction; 2021. (In Russ.).
- Ershova IV, Shishmareva TP, Enkova EE. Legal Status of the Self-Employed as Business Entities: Problems and prospects of Reform. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021;14(11):1648-1659. (In Russ.).
- Ershova IV. Female Entrepreneurship: from Empiricism and Doctrine to Legal Regulation. *Lex russica*. 2022;75(8):9-22. (In Russ.).
- Harari YN. Homo Deus. A brief history of the future. Moscow: Sinbad Publ.; 2022. (In Russ.).
- Jamil M, Stephens S, Md Fadzil AF. Sustainability in family business settings: a strategic entrepreneurship perspective. *Journal of Family Business Management*. 2024;15(1):1-19.
- Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Tr. from Eng. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
- Kasyan LA. Term concept in modern linguistic: its different interpretations. *Yugra State University Bulletin*. 2010;2(17):50-53. (In Russ.).
- Kerimova ChE. The term of concept in cognitive linguistics. *Philology*. 2016;3(3):78-80. (In Russ.).

- Khachatryan LA. Modern marriage is the result of the evolution of family and marriage relations. *The Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology.* 2011;1(5):89-100. (In Russ.).
- Khudoyarov R, Nizametdinov A. Small and medium-sized businesses in the context of the globalization of the world economy. *Central Asian Journal of Education and Innovation.* 2023;2(6-2):188-193. (In Russ.).
- Kiselev AS. Family Entrepreneurship as a Tool of Social Support for Low-Income Categories of Citizens in Russia. *Lex russica.* 2023;76(9):9-20. (In Russ.).
- Kvanina VV, Gromova EA, Spiridonova AV. The governmental support for female entrepreneurship. *Woman in Russian Society.* 2020;4:52-65. (In Russ.).
- Lagonda G. Marriage exhibits as the psychological basis of marital relations. *Personality Development.* 2010;3:84-98. (In Russ.).
- Lagoyda NG. The problem of marriage stability and the growth of the number of divorces in modern society. *The Buryat State University Bulletin.* 2017;2:86-96. (In Russ.).
- Malikov IG. Modern cognitive linguistics: correlation of terms «concept» and «notion». *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education.* 2011;2:76-78.
- Miroshnichenko I, Vocalelli G, De Massis A, Grassi S, Ravazzolo F. The COVID-19 pandemic and family business performance. *Small Business Economics.* 2024;62:213-241.
- Murzina YuS, Rusyaeva IA. Type of family relations among entrepreneurs in the field of small family business. *National Psychological Journal.* 2022;1(45):30-42. (In Russ.).
- Murzina YuS, Rusyaeva IA. What relationships in the family business contribute to the profitability of the enterprise? *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology.* 2021;6(4(24)):95-122. (In Russ.).
- Pahnke A, Schleppehorst S, Schlömer-Laufen N. Family business successions between desire and reality. *Journal of Business Venturing Insights.* 2024;21. Article № e00457. P. 1–9.
- Shulyatikov IS. The term «concept» in modern linguistics. *Herald of Vyatka State University for the Humanities.* 2015;12:98-102. (In Russ.).
- Stock Ch, Pütz L, Schell S, Werner A. Corporate Social Responsibility in Family Firms: Status and Future Directions of a Research Field. *Journal of Business Ethics.* 2024;190:199-259.
- Taleb NN. Anti-fragility. How to benefit from chaos. Trans. from English by N. Karaev. Moscow: CoLibri; ABC-Atticus Publ.; 2023. (In Russ.).
- Wu S., Chirico F., Fan D., Ding J., Su Y. Foreign market exit in family firms: Do historical military and cultural frictions matter? *Journal of World Business.* 2024;59(1):1-16. Article 101504.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
д. 5, Александровский парк, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация
vabold@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Northwest Branch of the All-Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
vabold@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 20 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 октября 2024 г.
Принята к печати 15 февраля 2025 г.*

*Received 20.04.2024.
Revised 14.10.2024.
Accepted 15.02.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Е. Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация

Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка

Резюме. Опираясь на общетеоретические знания о роли и месте презумпций в правовом регулировании и учитывая особенности их действия в семейном праве, автор обращается к презумпциям, закрепленным в нормах об установлении происхождения ребенка. Методологическую основу для промежуточных и итоговых выводов составил теоретический посыл, согласно которому для установления материнского происхождения законодатель не использует презумпции по причине явности материнства. Как технико-юридические инструменты, встроенные в нормы об установлении происхождения ребенка, презумпции участвуют в установлении отцовского происхождения, но не во всех случаях. Об этом свидетельствует дихотомия правил, указывающих на добровольный и принудительный порядок отыскания отцовства. Инструментальная роль презумпций имеет значение для добровольного порядка установления отцовского происхождения. Этот порядок основан на браке родителей, а при отсутствии брака — на совместном заявлении матери и внебрачного отца. Принудительный (судебный) порядок установления отцовского происхождения не предполагает использования презумпций: он строится на началах состязательности. В условиях появления достоверных источников доказательств отцовства деление на добровольный и принудительный порядки сохраняет актуальность. Поэтому предмет исследования ограничен описанием добровольного порядка установления отцовского происхождения, в котором задействованы нормативные презумпции. Этот порядок не ориентирован на простое отражение биологической или генетической реальности: ее наличие в таком порядке всегда предполагается и не предусматривает отыскания каких-либо доказательств. Так выражено культурное видение должного добровольного порядка установления отцовства, отражающее политические и биоэтические стандарты человеческого воспроизводства.

Ключевые слова: происхождение ребенка; добровольный и принудительный порядок установления отцовства; брак; признание отцовства; совместное согласие матери и внебрачного отца; кровное (биологическое) родство; материнство; отцовство; презумпция брака; презумпции отцовства; генетическое происхождение

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 21–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Presumptions in the Rules on Paternity Establishment

Elena G. Komissarova

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Abstract. Based on general theoretical knowledge about the role and place of presumptions in legal regulation and taking into account the peculiarities of their action in family legal regulations, the author refers to normative presumptions enshrined in the rules establishing the origin of a child. Methodologically, intermediate and final conclusions regarding the problem constituted a theoretical message, according to which the lawmaker does not use presumptions to establish maternity due to the objective nature of motherhood. As technical and legal tools built into the rules on establishing the origin of a child, presumptions are involved in establishing paternity, but not in all cases. This is evidenced by the dichotomy of rules indicating a voluntary and compulsory procedure for the paternity establishment. The instrumental role of presumptions has implications for the voluntary order

© Комиссарова Е. Г., 2025

of establishing paternal descent. This procedure is based on the marriage of the parents, and, if the marriage did not take place, on the joint statement of the mother and the illegitimate father. The compulsory (judicial) procedure for establishing paternity does not imply the use of presumptions, since it is based on the principles of competition. In the context of the emergence of reliable sources of evidence of paternity, the division into voluntary and compulsory order remains relevant. Therefore, the subject of author's research is limited to a description of the voluntary procedure for establishing paternity, in which normative presumptions are involved. This order is not focused on a simple reflection of biological or genetic reality — its presence in this order is always assumed and does not provide for finding any evidence. This is how the cultural vision of the proper procedure for establishing voluntary paternity is expressed, reflecting the political and bioethical standards of human reproduction.

Keywords: child's origin; voluntary and compulsory paternity procedures; marriage; paternity recognition; joint consent of the mother and illegitimate father; blood biological relationship; motherhood; paternity; the presumption of marriage; presumptions of paternity; genetic origin

Cite as: Komissarova EG. Presumptions in the Rules on Paternity Establishment. *Lex russica*. 2025;78(3):21-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.021-030

Введение

Последнее двадцатилетие принесло устойчивую уверенность в том, что в порядке установления материнского и отцовского происхождения ребенка нет ничего застывшего и логика научного описания этого порядка может быть любой. Итог таких взглядов оказался весьма спорным, обнажив недооценку одних юридических инструментов, переоценку других и добавление новых (фактические презумпции). В число недооцененных попали брачная и отцовские презумпции, встроенные в «тело» семейно-правового института, поименованного как «установление происхождения детей» (гл. 10 СК РФ).

Общепринятое знание о нормативных презумпциях как инструментах юридической техники выражено в известном тезисе о том, что они есть там, где присутствует недостаточная определенность относительно факта существования тех или иных значимых для права явлений¹. Имея второе наименование — «вероятностные предположения, названные в законе», они помогают явлению попасть в разряд юридических или при необходимости быть из них исключенным. Однако совместить эти формализованные и потому общеизвестные дефиниции в их дословном смысле с тем, что реально зафиксировано в семейно-правовых нормах об установлении происхождения ребенка, как и описать эти нормы в контексте культурно значимых идей, пока получается плохо.

Общеизвестно, что нормативные презумпции далеко не вторичный и не второстепенный инструмент этого института. В современном семейном праве с их помощью отношениям родивших и рожденных придается узнаваемая законом детско-родительская форма, указывающая на лиц, законно признанных матерью и отцом рожденного ребенка. Благодаря презумпциям порядок установления отцовского происхождения имеет нормативно удобочитаемый вид, подразделяясь на добровольный (по браку и воле безбрачного отца) и принудительный, где первый порядок построен на презумпциях, второй — на судебном отыскании кровного (биологического) родства с помощью средств доказывания, установленных законом.

Эти ценностные аспекты презумпций в их совокупном семейно-правовом значении нечасто обсуждаются в науке семейного права и потому блекнут перед достоверностью генетических тестов. На самом деле дилемма «презумпция или результат ДНК-теста» не решается простым ответом на вопрос, что лучше. Объективный ответ можно получить только в том случае, если будут затронуты все аспекты отцовских презумпций.

Добровольный и принудительный порядок установления отцовского происхождения

То, что юридический порядок установления отцовского происхождения является дуалистичным, в науке семейного права отмечено не еди-

¹ Булаевский Б. А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 128.

ножды². Но последствия такой разделенности обсуждаются мало, в основном в целях отдельного описания добровольного порядка, который синонимизирован с административным, и судебного порядка со всей его доказательственной проблематикой. Не углубляясь в рассуждения о том, что судебный порядок на самом деле является столь же административным, как и добровольный, только в первом случае основанием для внесения записи в государственный реестр является запись о браке родителей или совместное заявление матери и внебрачного отца, а во втором — судебное решение, обратимся к последствиям такого деления.

Для семейного законодательства вопрос об установлении материнского и отцовского происхождения ребенка — это всегда вопрос о последствиях. Фактическое материнство и отцовство как естественное состояние, возникающее сразу после рождения ребенка, должно получить юридическую закрепленность. Вопреки распространенным подходам, эта закрепленность не исчерпывается фактом совершения актовой записи о рождении. Закон учреждает специальный порядок установления материнского и отцовского происхождения ребенка. Акт государственной регистрации рождения, совершаемый в сфере государственного управления, является его публично-правовым следствием. Но не только. Порядок установления материнского и отцовского происхождения подчинен также и самозначимым семейно-правовым последствиям. Они выражены в фактах родительской идентификации в виде указания на тех лиц, которые будут заботиться о ребенке и оберегать его интересы.

Во всех странах этот порядок устроен согласно «правилу трех». Первое правило основано на явности материнского происхождения, которое по общему правилу устанавливается исходя из презюмируемой законом антропологической (природно-родственной) данности (беременность и роды). Это правило активно во всех случаях, включая последствия гестационной беременности, исход которой также подчинен идее биологического приоритета. Иное, как исключение, возможно только в том случае, если гестатор согласен на запись родителями

лиц, давших согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона в целях его вынашивания и рождения.

Второе гласит, что отцовское происхождение не является бесспорно очевидным. Оно во всех случаях должно быть установлено. Рождение ребенка как в браке, так и вне брака должно быть установлено по закону, т.е. «мыслью и словом законодателя». Желая особо подчеркнуть роль законодателя в этом вопросе, историк и философ права П. Лежандр утверждал, что термин «установить происхождение ребенка» является не просто юридическим, а «неоспоримо юридическим»³.

Третье правило гласит о том, что первое и второе становятся активными только после того, как медицинский факт рождения ребенка состоялся. Это значит, что деторождение и установление происхождения ребенка для закона не являются равными величинами. Обратное видение этого соотношения вызвало серьезное расхождение научных взглядов на то, каким быть порядку установления материнского и отцовского происхождения и какие идеи должны его направлять. При этом точка отсчета для рассуждений у разных авторов оказалась нефиксированной. Одни стартуют от чудес технологического зачатия, другие — от намерений лиц стать родителями, третьи — от якобы легальных соглашений, которые могут повлиять на распределение родительских статусов, и т.д.

Чтобы не повторять этих заблуждений, обобщим вышесказанное: вопрос о должном порядке установления происхождения ребенка имеет заданные семейно-правовые границы. Они предрешены гуманными и культурными соображениями о том, что рожденный ребенок нуждается в уходе и заботе и потому оказывается автоматически связанным с теми лицами, которые дали ему жизнь. Установить этих лиц — значит гарантировать ребенку устойчивый и непрерывный уход, заботу и будущее благополучие. Поэтому для семейного законодателя нормативной точкой отсчета в определении должного порядка установления материнского и отцовского происхождения является такое юридическое событие, как рождение ребенка.

² См.: Юрченко О. Ю. Некоторые вопросы установления отцовства в добровольном порядке // Современное право. 2012. № 9. С. 90–94; Никиташина Н. А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 34–51.

³ Legendre P. Leçons IV. L'inestimable objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident. Paris : Fayard, 1985. P. 135.

Древняя мудрость, не потерявшаяся в современности: родителя делает родителем родившийся ребенок. Это и предрешило тот нормативный алгоритм, согласно которому активация критериев, необходимых для установления происхождения ребенка, начинается от родителей, давших ребенку жизнь, а не от ребенка. Сначала идентифицируются родители в форме установления материнского и отцовского происхождения, и на этой основе персонифицируется ребенок.

Другая мудрость, пришедшая из глубины веков, гласит: «Женщина становится матерью, потому что рождает, отцы — потому что установлены». Установить отца — это, в отличие от материнского происхождения, не подчиниться природной определенности, а установить нормативно должное.

Источников установления отцовского происхождения по закону три: брак родителей; факт подачи совместного заявления внебрачного отца и матери ребенка; судебное установление отцовства при отсутствии воли со стороны внебрачного отца. Группировка этих трех источников позволяет увидеть, что они указывают на добровольные способы установления отцовского происхождения (по браку и по согласию матери с внебрачным отцом) и на принудительные, когда суд вправе принимать во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ). И если в добровольном порядке установления отцовского происхождения презумпции выполняют «функцию освобождения лица от доказывания родства»⁴, то правила судебного установления отцовства, основанные на отсылке к любым доказательствам, не оставляют места для презумпций: истина добывается в состязательном процессе.

Добровольные способы установления отцовского происхождения законодательно основаны на действии презумпций. Должное, культурное и гуманное в добровольном отыскании отцовства достигается именно с помощью презумпций. Основополагающей является презумпция брачная. Брачное состояние отца и матери, давших ребенку жизнь, является источником доказательства, из которого следует презумпция о том, что мать, отца и ребенка связывает кровное (биологическое) родство. Так повелось

со Средних веков, когда церковные каноны сделали брак обязательным условием взрослого существования в надежде, что брак скрепляет семью и тем самым усиливает государство. Эти канонические правила дали жизнь правилам светским, согласно которым отец тот, на кого указывает брак. Они отражают типичность того положения, при котором факт брачности родителей не позволяет усомниться в присутствии фактов кровного родства.

Второй добровольный способ установления отцовства, когда кровное родство презюмируется без брака, но по согласию внебрачных родителей, считается вспомогательным, но самостоятельно значимым в силу того, что он дает возможность установить отцовство без связи с основным способом (по браку). В данном случае закон исходит из того, что простота и доступность признания отцовства лицом, не состоящим в браке с матерью ребенка, не могут быть нейтрализованы специальными процедурами отыскания кровного родства, и интересы ребенка, рожденного у родителей, не состоящих в браке, должны быть так же защищены, как и рожденного в браке. Тем самым закон поддерживает ориентир на кровную (биологическую) модель происхождения, используя согласие матери на добровольное внебрачное отцовство. Согласие внебрачного отца признать рожденного ребенка своим исключает необходимость находить биологические доказательства того, что отец, давший согласие, и кровный отец — это одно и то же лицо.

Законодателю можно поставить в вину то, что, следуя неукоснительно презумпции брака или согласию внебрачного отца, он поддерживает отцовство, которое на самом деле может оказаться отделенным от биологии. Но такой риск, когда юридически установленное происхождение отражает не биологическую реальность, а всего лишь ее правдоподобие, оправдан. Законодатель не может спорить с установленной им брачной презумпцией и предоставленным внебрачному отцу правом на признание отцовства. Для того в добровольном порядке установления отцовского происхождения и задуманы презумпции, чтобы упростить и одновременно сделать культурным его отыскание без вмешательства в частную жизнь семьи.

На фоне не самой жизнерадостной статистики, указывающей на сегодняшнюю хруп-

⁴ Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М. : Инфра-М, 2013. С. 155.

кость семей, безбрачный выбор если не большинства, то многих, научная задача описания силы брачной презумпции и ее ценности для установления происхождения ребенка не лишена трудностей. Но оборот на историческое прошлое и ориентир на семейные ценности, поддерживаемые государством, облегчают ее решение.

Историческая сохранность презумпций в порядке установления происхождения ребенка имеет множественные оправдания. Обычно на виду оказывается одно: презумпции освобождают от доказывания, упрощают и облегчают процесс установления материнского и отцовского происхождения. О том, что презумпции открывают путь внебрачному отцу к добровольному отцовству, являются системообразующими элементами в обустройстве норм об установлении происхождения ребенка, имеют ценностный эффект в виде наполнения норм об установлении происхождения культурной составляющей, направленной на поддержание ценностей гетеросексуального брака и билинейной системы происхождения ребенка, сохранение приверженности модели брачной семьи, упоминается нечасто. И уж совсем редкими являются взгляды на презумпции в этом институте как на инструменты, которые позволяют не только не искать биологическую истину, но и «стирать» случаи расхождения биологической и юридической реальностей в пользу последней.

Описывая логический функционал презумпций в праве, Б. А. Булаевский высказал однозначное утверждение о том, что, кроме введения в закон конструкций, основанных на предположении, наличие презумпций в нем может объясняться и так называемыми политическими соображениями, во многом «пренебрегающими» фактическим положением дел⁵. Эти соображения исходят из того, что лица, заключившие брак, одновременно демонстрируют намерение заботиться о рожденных в нем детях и следовать правилам брачного поведения.

Исторически большинство семейных институций были связаны с браком. Так повелось со времен римского права, стремившегося огра-

ничить разрушительные элементы семьи, основанной не на браке, и подчеркнуть, что родительство в браке служит защите стабильности и интересов не только самой семьи и государства в целом. Эллинистическое, а после строгое христианское, видение модели семьи было связано с «правильной» семьей — той, которая основана на браке. Аксиоматичность такого утверждения существенно поблекла, но это не значит, что идея брака ушла из культурных и политических стандартов. На ней базируются семейная политика государства и законодательство, следующие философской идее о значимости брака в обществе как важной «консервативной составляющей», присутствие которой уберегает от наиболее радикальных разрывов с настоящим⁶. Эту цель брака всегда подчеркивали дореволюционные авторы и неизменно отмечали советские ученые, отводя брачному союзу «значительную воспитательную роль путем внедрения в сознание масс правильных представлений об отношении к браку и семейным обязательствам, предотвращающих нарушение закона»⁷.

Не без оснований юристы именуют брачную презумпцию «правилом чистой линии», имея в виду тот факт, что наличие брака определить проще, чем отцовство супруга, которое признается кровным в силу того, что брак в православной традиции предполагает обязательство верности. Поэтому брачная презумпция — простой и удобный способ дать ребенку законного отца с предположением о том, что противоречий с биологической реальностью нет. Как и любая презумпция, брачная позволяет придерживаться вероятного, чтобы не ввергать участников отношений в поиск доказательств, которые, как уже было сказано, при состоянии лиц в браке необязательны.

Впрочем, ценностный эффект брачной презумпции и презумпций отцовства, следующих из добровольного признания внебрачного отца, нашел не так много последователей, и максима о том, что нормативный порядок установления происхождения ребенка не во всех случаях предполагает отыскание кровной (биологической) связи между ребенком и предполагаемым отцом, оказалась на периферии пробле-

⁵ Булаевский Б. А. Логические основания построения презумпций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1 (11). С. 19–22.

⁶ Гаджиев К. С. Политическая философия и социология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 217.

⁷ Бошко В. И. Очерки советского семейного права / перераб. и доп. д-ром юрид. наук, проф. В. А. Рясенцевым. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. С. 48.

мы. В роли направляющих выступили суждения о том, что закон во всех случаях рождения ребенка обязан установить биологическую и (или) генетическую истину.

Разделение порядка установления отцовского происхождения на добровольный и принудительный началось только в советском законодательстве. Строгость церковных канон, указывающих на брак как основу семьи, не предполагала принудительного назначения отцовства вне брака. Брачное отцовство добровольным не считалось: титул отца шел от Бога. По Божьему закону «муж и жена составляли одну плоть»⁸. Религиозное порицание внебрачного рождения полностью исключало принудительное признание отцовства: «закон стоит на точке зрения действительного происхождения дитяти от предполагаемого отца <...> всё иное не может служить достоверности отцовства»⁹. Только в 1902 г. было разрешено устанавливать внебрачного отца, но не для воспитания ребенка, а для содержания матери в период беременности и родов и последующего содержания рожденного ребенка.

В современном законодательстве порядок, заданный советскими нормами, сохранился. Как и прежде, добровольный сводится к действию презумпций, поддерживающих видимость кровного (биологического) родства или его подобие, не имея цели отыскать биологическую или генетическую реальность как таковую. Также построено законодательство о происхождении во всех европейских странах, являющее собой свод «правил-отражений, заключающих в себе политические и культурные представления о семье в целом»¹⁰.

Не искать биологическую реальность везде и всегда при установлении добровольного отцовского происхождения — это часть законодательной логики всех европейских стран. Законодатели озабочены не поиском того, «что есть на самом деле», а тем, как вписать ребенка в постоянные семейные отношения, гарантируя

соблюдение его наилучших интересов и жизнь с предсказуемым будущим. Поэтому сама по себе биологическая реальность, оставаясь ценной и значимой как ориентир для регулирования порядка установления происхождения ребенка, при добровольном установлении отцовства отдельной ценности в глазах закона не имеет. Его интерес в том, чтобы порядок установления абстрактного отца схематически подчинялся культурным, политическим и идеологическим императивам, отражая должное. Смысл должного состоит в том, что ребенок, рожденный в браке или добровольно признанный внебрачным отцом, априори является продолжателем генеалогической линии тех, кто его считает своим, с предположением о том, что факт его рождения воплощает в себе одновременно три реальности: биологическую, социальную и юридическую.

Этот культурно-политический момент учения об отцовских презумпциях часто ускользает от внимания представителей науки семейного права, стремящихся приписать порочность тому положению, при котором биологическое и юридическое начала в устанавливаемом происхождении ребенка расходятся.

Тот факт, что презумпция брака на самом деле может превосходить и иногда действительно превосходит биологию, которой в реальности может и не быть, в науке обсуждается нередко. Катализаторов для такого движения научной мысли два. Первый состоит в том, что дихотомический порядок установления отцовского происхождения, в котором есть добровольность и принудительность, лишь признается, но последствия признания на сферу действия презумпций не экстраполируется. О презумпциях обычно рассуждают в отрыве от этой дихотомии. Это дает жизнь второму катализатору: презумпции в праве происхождения не рассматриваются как проводники культурных ценностей. Поэтому взгляды о том, что презумпции можно изменить¹¹ или

⁸ Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 134.

⁹ Загоровский А. И. Курс семейного права. М.: Зерцало, 2003. С. 441.

¹⁰ Cornu G. Droit civil. La famille. Paris: LGDJ, 2016. P. 277.

¹¹ См.: Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 29 (41). С. 58–60; Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 294; Толстова А. Е., Бахматова Н. Г. Основания и правовые последствия установления отцовства и материнства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 62.

вовсе отменить, потому что «они лгут»¹², время от времени актуализируются. При этом логика дихотомического построения норм об установлении отцовского происхождения, о которой было сказано выше, остается неучтенной, открывая путь для прославления «бумажного родства» во всех случаях — не только в судебном порядке, но и в добровольном, невзирая на то, что порядок использования «интеллектуальных» результатов генетического тестирования на этапе установления происхождения ребенка закреплен императивно. По смыслу закона эта экспертиза может быть проведена лишь тогда, «когда нет законных оснований ее не проводить», с обязательным соблюдением условий доступа к ней. Такой порядок, когда «во имя целостности семьи доступ к генетической экспертизе на стадии установления происхождения ребенка ограничен законом»¹³, во многом является интернациональным¹⁴.

Ограничение доступа к тестированию при установлении отцовского происхождения и к последующему использованию его результатов — лакмусовая бумажка, показывающая, что генетическая реальность не предназначена для того, чтобы быть единственным основанием для установления отцовского происхождения. Исключением является судебный порядок установления отцовства, где генетический тест в совокупности с другими доказательствами обладает реальной доказательственной силой и позволяет укрепить убеждение суда в существовании генетической последовательности между отцом и ребенком.

Против такого представления о месте генетических экспертиз на стадии установления отцовского происхождения, а соответственно, и против существующей законодательной тактики, основанной на следовании презумпциям, выступили В. А. Болдырев и К. Г. Сварчевский, убежденные в том, что «рождая правовые

нормы (о презумпциях. — Е. К.), кардинально противоречащие природе человека или человеческого социума, законодатель разрушает общество сильнее любой технологии»¹⁵.

В такой постановке проблемы, где не учтена законодательная логика действующих норм об установлении происхождения ребенка, намного больше эмпирики, интенций и здравого смысла, нежели культурных и политических ориентиров на должное. Тогда как этические вопросы о порядке устройства таких норм на фоне совершенствующегося метода анализа крови, который (начиная с XIV в.) позволял устанавливать «истину» происхождения против того, что можно было подтвердить презумпцией отцовства, поднимались еще в середине XX в. Тогда на защиту законодателя встал французский юрист и политик Р. Саватье. Желая предупредить ученых, судей и законодателя о рисках, связанных с новыми концепциями в праве происхождения, он поставил резонный и на тот момент риторический вопрос, «что случилось бы с Гражданским кодексом, если бы наука, сделав еще один шаг вперед, определила метод, позволяющий с уверенностью установить отцовство мужчины по отношению к ребенку»¹⁶.

Основная мысль Р. Саватье сводилась к предостережению от искушений выходить «за те рамки, когда традиционные ценности нашей христианской морали и человеческой личности могут оказаться подорванными». Итог суждений ученого нельзя не взять на вооружение сегодня: право происхождения в частном праве — это отчасти право на жизнь, интересы ребенка, спокойствие в семьях, связь и привязанность, моральные чувства и заранее установленный порядок, а не только место реальной биологической истины.

С появлением тестов ДНК эти суждения обретают вторую жизнь. Отцовское происхож-

¹² Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–158.

¹³ Говзман А. А. Некоторые проблемы установления отцовства по законодательству Германии и США // Междисциплинарный вектор развития современной науки: теория, методология, практика : сборник статей III Междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск, 2020. С. 180.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 93–102.

¹⁵ Болдырев В. А., Сварчевский К. Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 38.

¹⁶ Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd. Paris : Dalloz, 1952. P. 127.

дение сохраняет свои особенности, оставаясь загадкой, которую можно «разгадать» только двумя способами: с помощью «заранее установленного порядка», частью которого являются презумпции, или с помощью теста ДНК. Но это лишь общий посыл. Как уже было сказано, презумптивный способ установления отцовства является синонимом добровольного. Это значит, что когда мы рассуждаем о «всесилии теста ДНК», который, по убеждению отдельных авторов, может и должен стать приоритетным источником установления отцовского происхождения, мы невольно идем в сторону двух следствий.

Первое предполагает отказ от действующего нормативного порядка установления отцовского происхождения, основанного на добровольности и принудительности. Именно следование этому порядку привело к установлению правил о том, что в большинстве случаев экспертиза является излишней при том условии, что совокупный эффект фактических обстоятельств и отцовских презумпций присутствует. Этот косвенный набор доказательств отцовского происхождения остается актуальным в силу его культурно-идеологической значимости для действующего семейного правопорядка.

Второе следствие заставляет отвернуться от всего, что в нормах о происхождении ребенка побуждает поступить «как лучше». Этот эмпирический подход, основанный на презентации чувственных ощущений, что важнее — «бесплезность» уже известных правовых решений или священная сила генетической правды, доставленной «экспертизой любопытства» в виде достоверных итогов теста ДНК, уводит науку семейного права с юридического пути.

Привлекательный и смелый в своей конкретике и простоте, прагматичный взгляд В. А. Болдырева и К. Г. Сварчевского, кроме угрозы действующей семейно-правовой догматике, несет с собой еще и такое негласное следствие, как отчуждение норм о происхождении ребенка от семейных ценностей в пользу технаучки. Такое следствие всегда есть там, где правовое мышление отделяется от нормативной логики и юридических абстракций, становясь выше их. Нет сомнения, что технологические новшества требуют отклика разных наук, но представление их в качестве решения всех проблем права происхождения «во благо абсолютной и бес-

спорной ясности» — это, по мысли антрополога Л. Тайгера, «не более чем поощрение создать быстрый и мощный танк без рулевого управления»¹⁷.

Поставить установление отцовского происхождения только в зависимость от итогов теста ДНК — значит а) расширить сферу государственного вмешательства в частные дела семьи; б) привести отцовство к его абсолютной очевидности, в которой на самом деле далеко не всегда заинтересованы презюмируемые отец и мать; в) нарушить классический алгоритм установления родительского происхождения «от материнской очевидности к отцовской известности за счет презумпций, заменяющих очевидность»; г) повернуть вспять действие алгоритма установления материнского и отцовского происхождения от родителя к ребенку, где точкой отсчета оказывается не акт рождения, а гены и хромосомы ребенка, которые после их обнаружения сопоставляются с генами или хромосомами родителей. Легализовать такую схему в случаях установления (а не простого узнавания) отцовского происхождения может только суд.

Заключение

Стирание границ между тем, что считается «естественным», — фактом, практикой, чувственным опытом, и тем, что считается «культурным», т.е. формализованным в соответствующих институтах, не то, к чему стремится юриспруденция, заинтересованная в создании должного. Если основывать закон и юридическое мышление только на технологическом видении решения проблемы установления отцовского происхождения, есть большой риск попасть в ситуацию идеологического сбоя, когда семейные ценности, пестуемые государством, оказываются вторичными. Отсюда два вывода.

Нормы об установлении происхождения ребенка — это идеологически насыщенные, культурно обусловленные и политически выверенные постулаты, которые на самом деле не столь подвижны и изменчивы, как стремится представить наука семейного права.

Попытки доктринально состарить презумпции в праве происхождения ребенка, признать их «лживым утверждением» и отказать им в том культурном и инструментальном функцио-

¹⁷ Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York : Harper & Row, 1987. URL: archive.org/details/manufactureofevi0000tigr/page/2/mode/2up. P. 3.

нале, который они выполняют исторически, равны предложению сломать действующую нормативную модель происхождения ребенка, где всё взаимосвязано и находится в логическом подчинении одного другому. Тогда как историческая миссия юриста состоит в создании и обустройстве абстрактных решений, близких к идеальному, а не в описании того, что происходит в реальности, и насаждении того, что «проще и удобнее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев В. А. Легальная презумпция отцовства: время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–158.

Болдырев В. А., Сварчевский К. Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм: последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1 (63). С. 30–54.

Бошко В. И. Очерки советского семейного права / перераб. и доп. д-ром юрид. наук, проф. В. А. Рясенцевым. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.

Булаевский Б. А. Логические основания построения презумпций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1 (11). С. 19–22.

Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М. : Инфра-М, 2013. 238 с.

Булаевский Б. А. Презумпции в механизме защиты гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 126–132.

Гаджиев К. С. Политическая философия и социология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2024. 451 с.

Говзман А. А. Некоторые проблемы установления отцовства по законодательству Германии и США // Междисциплинарный вектор развития современной науки: теория, методология, практика : сборник статей III Междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск, 2020. С. 175–180.

Загоровский А. И. Курс семейного права. М. : Зерцало, 2003. 448 с.

Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900.

Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 288–293.

Никиташина Н. А. Классификация презумпций в семейном праве // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 34–51.

Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 93–102.

Толстова А. Е., Бахматова Н. Г. Основания и правовые последствия установления отцовства и материнства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 59–64.

Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 29 (41). С. 58–60.

Юрченко О. Ю. Некоторые вопросы установления отцовства в добровольном порядке // Современное право. 2012. № 9. С. 90–94.

Cornu G. Droit civil. La famille. Paris : LGDJ, 2016. 656 p.

Legendre P. Leçons IV. L'inestimable objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident. Paris : Fayard, 1985. 407 p.

Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd. Paris : Dalloz, 1952. 454 p.

Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York : Harper & Row, 1987. URL: archive.org/details/manufactureofevi0000tigue/page/2/mode/2up.

REFERENCES

Boldyrev VA, Svarchevskiy KG. Evolution of technologies, legal and moral norms: Consequences of the spread of molecular genetic paternity tests. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;1(63):30-54. (In Russ.).

Boldyrev VA. Legal presumption of paternity: time to ask young people. *Perm Legal Almanac*. 2022;5:148-158. (In Russ.).

Boshko VI. Essays on Soviet family law: Revised and supplemented by Dr. Sci. (Law) Prof. V.A. Ryasentsev. Kyiv: Gospolitdat of the Ukrainian SSR; 1952. (In Russ.).

- Bulaevskiy BA. Logical basis of presumptions constructing. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2011;1(11):19-22. (In Russ.).
- Bulaevskiy BA. Presumptions as a means of legal protection of the interests of participants in civil relations. Moscow: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- Bulaevskiy BA. Presumptions in the mechanism of civil rights protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;9(94):126-132. (In Russ.).
- Cherepanin NYu. Presumption of paternity: An issue statement. *Problems of Science and Education*. 2018;29(41):58-60. (In Russ.).
- Cornu G. Droit civil. Famille. Paris: LGDJ Publ.; 2016.
- Gadzhiev KS. Political philosophy and sociology. Moscow: Yurait Publ.; 2024. (In Russ.).
- Govzman AA. Some problems of establishing paternity under the legislation of Germany and the USA. *Interdisciplinary vector of the development of modern science: theory, methodology, practice. Collection of articles 3rd International Scientific and Practical Conference*. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.).
- Krasnozhen ME. Brief outline of church law. Yuriev; 1900. (In Russ.).
- Legendre P. L'inesimabee objet de la transmission. Étude sur le principe généalogique en Occident (Leçons IV). Paris: Fayard; 1985.
- Nekrasova EV. Some features of the emergence of parental rights and duties in Europe. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2019;5(71)3:288-293. (In Russ.).
- Nikitashina NA. Classification of presumptions in family law. *Lex russica*. 2018;3(136):34-51. (In Russ.).
- Romanovskiy GB. Legal regulation of genetic research in Russia and abroad. *Lex russica*. 2016;7(116):93-102. (In Russ.).
- Savatier R. Les métamorphoses économiques et sociales du droit civil d'aujourd'hui. 2e éd., Paris: Dalloz, 1952.
- Tiger L. The manufacture of evil: ethics, evolution, and the industrial system. New York: Harper & Row, 1987.
- Tolstova AE, Bahtamova NG. Grounds and legal consequences of establishing paternity and maternity. *Vestnik St. Petersburgskoy yuridicheskoy akademii*. 2021;4(53):59-64. (In Russ.).
- Yurchenko OYu. Some questions of paternity voluntarily. *Sovremennoe pravo*. 2012;9:90-94. (In Russ.).
- Zagorovskiy AI. Family law course. Moscow: Zertsalo Publ.; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614919, Российская Федерация
eg-komissarova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Process, Tyumen State University, Perm, Russian Federation
eg-komissarova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 20.04.2024.

Revised 13.02.2025.

Accepted 15.02.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.031-040

О. Н. Гуляева

Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Манипулятивное поведение в потребительских правоотношениях

Резюме. Идеи равенства и свободы договора в гражданских правоотношениях являются гармоничными и конструктивными исключительно в условиях их ограничения. Один из факторов, требующих установления границ, — наличие в правоотношениях слабой стороны, в частности потребителя. Статья посвящена изучению манипулирования в отношении непрофессиональных участников гражданского оборота. Автор предпринимает попытку правовой оценки новых методов воздействия на волю потребителя, направленных на формирование мнимой воли для заключения договора (нейромаркетинга). Предлагает определение понятия манипулятивного поведения в правоотношениях, выделяет его признаки. Делается вывод о том, что введение в заблуждение, а также обман потребителя и манипулирование — это различные правовые явления. Обосновывается, что манипулятивное поведение является разновидностью злоупотребления правом. На примере судебной практики Пермского края автор анализирует эффективность возможных способов защиты при манипулятивном воздействии, а именно: ст. 10, 168, 178, 428 ГК РФ. Отмечается предпочтительность признания сделки, заключенной при помощи манипулирования, недействительной по основаниям ст. 10 и 168 ГК РФ.

Ключевые слова: манипуляции; потребитель; слабая сторона; договор присоединения; воля; свобода воли; манипулирование; диспозитивность; свобода договора; заблуждение

Для цитирования: Гуляева О. Н. Манипулятивное поведение в потребительских правоотношениях. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 31–40. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.031-040

Manipulative Behavior in Consumer Legal Relations

Olga N. Gulyaeva

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation
Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The ideas of equality and freedom of contract in civil relations are harmonious and constructive only if they are limited. The presence of a weaker party to the contract, in particular the consumer, constitutes one of the factors requiring the establishment of limitations. The paper is devoted to the study of manipulation in relation to non-professional participants in civil trafficking. The author attempts to evaluate new methods of influencing the will of the consumer, aimed at forming an imaginary will to conclude a contract (neuromarketing). The paper proposes a definition of the concept of manipulative behavior in legal relations and describes its features. The author concludes that misleading, as well as consumer deception and manipulation, are various legal phenomena. It is justified that manipulative behavior is a type of abuse of law. Using the practice of the Perm Krai courts as a case study, the author analyzes the effectiveness of possible methods of protection under manipulative influence, namely: Articles 10, 168, 178, 428 of the Civil Code of the Russian Federation. Preference is noted for recognizing a transaction concluded with the help of manipulation as invalid on the grounds of Article 10 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: manipulation; consumer; weaker party; interconnection agreement; will; free will; manipulation; dispositiveness; freedom of contract; delusion

© Гуляева О. Н., 2025

Cite as: Gulyaeva ON. Manipulative Behavior in Consumer Legal Relations. *Lex russica*. 2025;78(3):31-40. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.031-040

Введение

Гражданско-правовые отношения неразрывно связаны с психофизиологическим состоянием их участников. В частности, воля субъекта, являясь одной из фундаментальных психологических характеристик, оказывает всеобъемлющее влияние на правовые отношения. Статья 1 ГК РФ¹ относит к основным началам положение о приобретении и осуществлении гражданских прав своей волей и в своем интересе. Более того, неразрывно связаны категории воли и дееспособности, сделок, ответственности и т.д. Нельзя не согласиться с утверждением Ю. Л. Сениной: «В гражданском праве категория воли пронизывает буквально все институты»². При этом понятие воли отсутствует в гражданском законодательстве. Позиция о том, что «воля» — это неправовая категория, имеет большое количество достойных аргументов. Однако не считаем возможным научное игнорирование столь важного для частного права явления.

В психологии под волей понимается один из видов психологических процессов человека, который опосредует сознательное управление деятельностью³. Следовательно, в правовом поле воля предопределяет юридически значимое поведение субъекта. Лицу для участия в гражданском обороте необходимо осознавать и контролировать свои действия свободно и самостоятельно, не имея никакого воздействия. Отметим: с философских позиций достаточно сложно однозначно утверждать о свободе воли⁴. Не останавливаясь на философских концепциях, согласимся с тем, что человек непрерывно ощущает влияние внешних и

внутренних факторов и условий при принятии решений и совершении действий, однако эти факторы и условия имеют различную ценность для права.

На сегодняшний день является популярным и законным нейромаркетинг, который направлен на побуждение на уровне подсознания к совершению покупки при отсутствии открытых призывов к этому⁵. В условиях использования современных технологий самостоятельный волевой контроль действий непрофессиональным участником гражданского оборота порой недостижим.

На сложившуюся ситуацию обратил внимание Конституционный Суд РФ: в постановлении от 03.04.2023 № 14-П анализировались отношения, один из участников которых использовал манипуляции (методы манипулирования) в отношении другого⁶.

Манипулирование не является новым явлением для экономических или психологических наук, однако в праве однозначной оценки манипулятивного поведения не выработано. Полагаем, что манипуляции находят применение в различных правоотношениях: обязательственных, корпоративных, семейных и др. Мы ограничиваем исследование потребительскими отношениями, что видится актуальным в свете вышеуказанного постановления Конституционного Суда РФ, а также в связи с тем, что потребитель — слабая сторона отношений, которая наиболее подвержена изучаемому явлению. Кроме того, судебная практика богата на громкие дела с участием потребителей (например, «дело ЦУМа»⁷ является предметом дискуссий многих ученых и практиков),

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

² Сенина Ю. Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 3.

³ Иванников В. А. Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 97–102.

⁴ Волков А. В. Свобода воли в гражданском праве // Юрист-Правоведъ. 2010. № 5. С. 57–62.

⁵ Шендо М. В., Свиридова Е. В. Маркетинговые инструменты манипуляции потребительским сознанием // Вестник АГТУ. Серия «Экономика». 2018. № 3. С. 110–118.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки К. В. Матюшова» // Российская газета. № 93. 28.04.2023.

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

что свидетельствует о потребности в изучении данных правоотношений с новых сторон и в новых реалиях.

Итак, в отношениях, в которых участвует слабая сторона (потребитель), второй участник (субъект предпринимательской деятельности) имеет возможность воздействовать на волю контрагента путем манипулирования, требующего научного осмысления.

Понятие и признаки манипулятивного поведения

В буквальном значении манипуляция — это обращение с объектами с определенной целью⁸. Манипулирование предметами является нейтральным действием, не воспринимаемым негативно. Использование манипуляций в отношении человека воспринимается преимущественно как социально отрицательное явление. Общим признаком манипулирования (и предметами, и людьми) видится цель, а именно совершение действий, в которых заинтересован манипулятор, а не действующий актер. Говоря о цели манипуляции компьютерной мышкой, мы подразумеваем цель передвижения курсора в нужную область экрана. Цель манипуляции потребителем — покупка товара продавца.

С учетом того что человек — разумное существо, деятельность которого определяется его волевыми решениями, в обществе манипуляция понимается как скрытое воздействие на волю лица с целью осуществления им действий, выгодных воздействующему лицу. В приведенном умозаключении можно выделить два признака манипуляции: скрытый характер и воздействие на волю. Лицу, подвергнутому манипуляциям, внедряется потребность совершить выгодные манипулятору действия. При этом субъект не понимает, что подвергается влиянию, он уверен в полном контроле своих действий. Следовательно, открытое физическое или психологическое принуждение не является манипуляцией.

Частично разделяем мнение Е. И. Галяшиной: «Сущность манипуляции заключается во внедрении необходимой манипулятору

информации и ее дальнейшего закрепления в сознании манипулируемого при сохранении ощущения самостоятельного выбора у последнего»⁹. Думается, манипулирующий имеет цель внедрить не информацию лицу (например, о пользе товара), а потребность (т.е. необходимость приобретения товара). Именно в момент осознания потребности субъект принимает решение о ее удовлетворении, что позволяет ему ложно увериться в самостоятельности и контроле выбора. Так, потребитель не желал приобретения сопутствующего товара (например, аксессуара к одежде), но использование манипуляций (системы скидок / эмпатии) позволило сформировать у него мнимую волю на дополнительную покупку.

Итак, в правовом значении манипулятивное поведение (манипулирование) — это воздействие одного из участников правоотношения на другого, при котором воля второго лица формируется под скрытым влиянием, а его юридически значимое поведение соответствует интересам манипулирующего. Основными признаками манипулирования являются 1) цель, 2) скрытый характер, 3) воздействие на волю субъекта.

Манипулятивное поведение может проявляться как в действиях, так и в бездействии участника правоотношения. Безусловно, привычным и более распространенным является манипулирование в форме действий (создание специальной упаковки товаров, распространение запахов, использование знаменитых личностей в рекламе товара и т.д.). Но и бездействием возможно влияние на волю потребителя. Бездействие — это волевой, осознанный и целенаправленный акт, выражающийся в воздержании от речевых и физических действий, влекущий правовые последствия¹⁰. Предположим, что при наличии определенных установок у потребителя отсутствие переубеждения продавцом может повлиять на решение о приобретении товара. Методы манипулирования, по нашему мнению, изучаются преимущественно психологическими науками, т.к. реакции мозга на то или иное воздействие не входят в область правовых исследований.

⁸ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М. : Эксмо, 2015. С. 15.

⁹ Галяшина Е. И. Лингвистические признаки манипуляции: поможет ли экспертиза выявить недобросовестность бизнес-партнера? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 33–35.

¹⁰ Харитонова А. А. Бездействие в гражданском праве: определение понятия // Пролог : журнал о праве. 2021. № 4. С. 35–45.

Правовая природа манипулирования

Порок воли в гражданских правоотношениях является основанием для признания сделки недействительной. Значит, анализ данных оснований выступает приемлемым методом для определения правовой природы манипулирования.

Во-первых, обратимся к статье 178 ГК РФ, посвященной введению в заблуждение.

Верховный Суд РФ отождествляет манипулирование и заблуждение: «При рассмотрении спора о скидке на товар, предоставленной покупателю за приобретение дополнительных услуг третьих лиц, подлежат выяснению обстоятельства, связанные с доведением до потребителя всей необходимой информации, обеспечивающей ему возможность адекватно оценить условия предоставления скидки и наличие собственной выгоды либо неблагоприятных для себя последствий, в том числе не был ли потребитель изначально введен в заблуждение продавцом путем завышения цены автомобиля по договору и создания видимости скидки в целях навязать ему заключение дополнительных договоров на оказание услуг»¹¹.

Полагаем, что в момент приобретения товара со скидкой, обусловленной заключением дополнительных договоров, покупатель осознает и верно оценивает все обстоятельства сделки, что не позволяет установить заблуждение.

Согласимся с Е. В. Богдановым, что в сделках, совершенных под заблуждением, воля сформирована «с неверной оценкой лицом каких-либо внешних обстоятельств»¹². Заблуждение в контексте ст. 178 ГК РФ подразумевает ошибку при волеизъявлении (внешнем выражении воли) в отношении предмета или природы сделки, лица, с которым вступают во взаимодействие, — все эти и иные обстоятельства имеют объективное внешнее проявление. Для доказывания заблуждения есть возможность сопоставить внутреннее ложное восприятие и фактические обстоятельства.

Впрочем, при манипулировании лицо верно воспринимает все обстоятельства правоотношений. Воля и волеизъявление совпадают, субъект осознает природу и предмет сделки, контрагента и т.д. При сравнении восприятия

и фактических обстоятельств отсутствуют различия. Существенно то, что на этапе формирования воли было осуществлено вмешательство. Иными словами, потребитель не заблуждался в цене дополнительных услуг, он ошибался в интерпретации желания их приобрести (фактически воли на приобретение дополнительных услуг не было, но она возникла в связи с внешним влиянием). Суть манипуляции выражается в искажении внутреннего самовосприятия, а не изменения фактов действительности.

Возвращаясь к обстоятельствам дела, толкуемым Верховным Судом РФ, отметим следующее. При использовании методов, связанных с системой скидок и акций, действия продавца направлены не на искажение информации о внешних обстоятельствах (например, о цене товара или контрагенте), а на формирование потребности (реального желания) в приобретении большего количества услуг у продавца.

Таким образом, заблуждение и манипулирование являются близкими по природе, но содержательно различными явлениями.

Кроме того, если манипулятивное поведение всегда опосредовано влиянием третьего лица, то заблуждение может возникнуть и в отсутствие действий другого участника правоотношения. Общеизвестно в этом контексте «дело ЦУМа», в котором в связи с технической ошибкой был заключен договор по существенно заниженной цене. Продавец действительно допустил очевидную опечатку. Среднестатистический потребитель понимает, что одежда в современных реалиях не может иметь стоимость от 19 до 129 руб. (в особенности у данного продавца). Это и другие обстоятельства могли бы послужить поводом для признания договора недействительным на основании заблуждения продавца, но статус субъекта предпринимательской деятельности влечет повышенные риски. Поведение потребителя является извинительным, а потому иск о защите его прав потенциально мог подлежать удовлетворению.

Данный пример отражает отличие заблуждения, которое всегда касается внешних обстоятельств отношений, от манипулирования, направленного на психофизиологические особенности сознания субъекта.

¹¹ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1.

¹² Богданов Е. В. Психологические аспекты гражданско-правовой сделки // Современное право. 2024. № 3. С. 64–72.

Во-вторых, необходимо прокомментировать недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ).

Обман — это целенаправленный процесс введения в заблуждение лица. Судебная практика толкует норму следующим образом: «При совершении сделки под влиянием обмана формирование воли потерпевшего происходит не свободно, а вынужденно, под влиянием недобросовестных действий контрагента, заключающихся в умышленном создании у потерпевшего ложного представления об обстоятельствах, имеющих значение для заключения сделки»¹³.

Манипулятивное поведение также имеет целенаправленный характер и влияет на волю. Кроме того, толкование Верховного Суда РФ позволяет выделить такой вид обмана, как умолчание об обстоятельствах¹⁴, что тоже во многом сходно с манипулированием. Однако манипулирование не допускает использования ложной информации либо ее сокрытия. Манипулятор использует верные факты, но преподносит их под определенным углом, в нужном свете. Доказать обман легче, т.к. преподнесенная информация не соответствует действительности; при этом методы манипуляций не имеют объективных искажений.

Для разграничения умолчания и манипулирования следует обратиться к оценке сокрытой информации. Если ее должен был знать покупатель, но до его сведения она не была доведена, то это обман. А если информация не является общеобязательной (например, себестоимость товара в контексте оценки выгоды сделки), то ее утаивание не может считаться обманом, а в некоторых условиях может выступать манипуляцией.

В-третьих, актуально сравнение манипулирования и злоупотребления правом.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П указано: «...если продавец

злоупотребляет своим положением сильной стороны, манипулирует информацией о конечной цене договора...» Перечисление заставляет предположить, что манипулирование является разновидностью злоупотребления правом.

О. В. Гутников и Е. М. Чагина пишут, что профессиональные участники оборота получают возможность манипулировать поведением потребителя, вводя в заблуждение относительно свойств товаров, в том числе умалчивая о какой-либо информации¹⁵.

Злоупотребление правом подразумевает наличие права: в случае его отсутствия злоупотреблять им невозможно. Манипулирование основывается на праве осуществления предпринимательской деятельности, закрепленном в ст. 34 Конституции РФ¹⁶. Кроме того, статья 2 ГК РФ указывает на цель предпринимательской деятельности — получение прибыли. Разделяем критический взгляд на выделение прибыли в качестве единственной легальной цели предпринимательства: «Фактически российский предприниматель играет роль лица, стремящегося к неэквивалентному, неравноценному обмену»¹⁷. Думается, именно в желании получить наибольшую прибыль участники оборота прибегают к манипулированию.

Итак, продавец обладает правом осуществления предпринимательской деятельности любыми способами, не запрещенными законом, в целях получения прибыли. Следовательно, он использует все возможные методы привлечения покупателей, в том числе манипулирование. Манипулирование не правонарушение, манипулирующий осуществляет свое право, но форма (способ) его осуществления не соответствует цели и сути предоставленного права. Право на осуществление предпринимательской деятельности является взаимовыгодным для потребителей и производителей/продавцов, но в условиях манипулирования баланс интересов нарушается.

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.04.2019 № Ф09-2123/18 по делу № А47-12760/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

¹⁵ Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.

¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁷ Предпринимательское право : учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.] ; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М. : Статут, 2023. С. 78.

Как верно отметили Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер и Р. А. Курбанов, оценка действий субъектов права должна осуществляться не в буквальном положении, а исходя из общих начал или смысла закона¹⁸. Манипулирование не нарушает императивных положений закона, однако противоречит принципам гражданского права, в том числе принципу свободы договора, т.к. покупателю не предоставляется необходимая свобода выбора. Перефразируем в гражданско-правовое известное выражение: «Свобода договора заканчивается там, где начинается свобода воли его участников».

Можно заключить, что манипулятивное поведение является разновидностью злоупотребления правом.

Конкуренция способов защиты при манипулятивном поведении

Защита потребителя, заключившего договор на условиях, которые были определены с использованием манипулирования, возможна различными способами и средствами.

Во-первых, статья 428 ГК РФ предусматривает специальные средства защиты слабой стороны в договоре присоединения. В ранее указанном постановлении Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П отмечается, что использование методов манипулирования является основанием для толкования условий договора как явно обременительных.

Во-вторых, Верховный Суд РФ в постановлении от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»¹⁹ дополнительно к ст. 428 ГК РФ указывает на возможность заявить о недопустимости применения несправедливых договор-

ных условий на основании ст. 10 ГК РФ или о ничтожности таких условий по ст. 168 ГК РФ.

В-третьих, судебная практика содержит примеры применения ст. 178 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения.

Таким образом, защита присоединяющейся стороны договора, подвергнутой манипулированию, возможна при обращении к одной из четырех статей ГК РФ, а также Закону «О защите прав потребителей»²⁰.

При анализе практики судов общей юрисдикции в Пермском крае²¹ были выявлены относительно однообразные нарушения прав потребителей при приобретении транспортного средства, опосредованного манипулятивным поведением продавца в аспекте навязывания дополнительных услуг.

Обстоятельства анализируемых дел были следующими. Потребитель заключает договор купли-продажи автомобиля, по условиям которого он одновременно присоединяется к договору с третьим лицом — обществом. Согласно договору указанное общество должно заключить от имени потребителя договор с профессиональным лицом, оказывающим помощь на дорогах. Отметим: данная помощь имела спорные качественные и ценностные характеристики. Например, по договору общество могло оказать услуги по подвозу топлива, выдаче справки из Гидромедцентра России, поиску эвакуированного автомобиля и т.д. За свои услуги общество требовало от 60 000 до 80 000 руб. А профессиональное лицо, с которым был заключен абонентский договор на оказание помощи, получало периодические платежи от потребителя. В иных обстоятельствах отношения могли выстраиваться между потреби-

¹⁸ Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

¹⁹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

²⁰ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

²¹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 31.08.2023 по делу № 33-9064/2023 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/> ; апелляционное определение Пермского краевого суда от 11.01.2024 по делу № 33-382/2024 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/> ; апелляционное определение Пермского краевого суда от 24.10.2023 по делу № 33-11379/2023 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/> ; апелляционное определение Пермского краевого суда от 21.12.2023 по делу № 33-13675/2023 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/> ; определение Дзержинского районного суда г. Пермь от 15.03.2024 по делу № 2-1253/2024 // URL: <http://dzerjin.perm.sudrf.ru/> ; решение Дзержинского районного суда г. Пермь от 13.11.2023 по делу № 2-4085/2023 // URL: <http://dzerjin.perm.sudrf.ru/> ; определение Дзержинского районного суда г. Пермь от 13.11.2023 по делу № 2-4084/2023 // URL: <http://dzerjin.perm.sudrf.ru/> ; решение Кировского районного суда г. Пермь от 17.05.2023 по делу № 2-378/2023 // URL: <http://kirov.perm.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.07.2024).

лем и обществом непосредственно, т.е. услуги помощи оказывало само общество. В данном случае цена услуг доходила до 200 000 руб.

Потребитель утверждал, что услуги общества были ему навязаны и фактически оказаны не были (он не обращался за помощью на дорогах). Ответчик ссылаясь на то, что услуги были оказаны в полном объеме, а потому возврат денежных средств невозможен. Ввиду сложившихся обстоятельств потребитель требовал, в частности, признать договор недействительным на основании ст. 178 ГК РФ, указывая на навязанность спорных услуг и отсутствие нуждаемости в них.

По смыслу ст. 178 ГК РФ сделка признается недействительной, если воля стороны в ней сложилась вследствие заблуждения, что повлекло наступление иных правовых последствий, чем те, которые сторона действительно имела в виду. Тот факт, что навязанные услуги помощи на дорогах влияли на стоимость автомобиля (в случае отказа от них стоимость увеличивалась), создает препятствия для подобного толкования. Как было отмечено ранее, потребитель не заблуждался во внешних обстоятельствах сделки. Затруднения, вероятно, возникли при формировании воли на сделку, что позволяет квалифицировать поведение продавца как манипулятивное.

Согласимся с А. Ф. Бакулиным в том, что в большей мере природе разногласий соответствует защита по ст. 428 ГК РФ²².

Конституционный Суд РФ в постановлении от 03.04.2023 № 14-П указал, что явно обременительными условиями в контексте ст. 428 ГК РФ являются те, которые определены с использованием манипулирования. Так, в исследуемых ситуациях цена на автомобиль в отсутствие предложенной скидки являлась изначально завышенной, отказ от дополнительных услуг влек невозможность приобретения автомобиля по рыночной цене. Потребитель не вводился в заблуждение и не подвергался обману о цене автомобиля: он мог купить его, но по завышенной цене. В результате у покупателя сложилась мнимая воля на присоединение к дополнительным договорам, в которых продавец и организации, участвующие в данной бизнес-модели, факти-

чески распределяли между собой повышенный доход. Присоединение к договору об оказании помощи на дорогах подразумевало услуги, в которых отсутствовали потребительские ценности, притом что они имели завышенную цену. На основании данных доводов применение ст. 428 ГК РФ является наиболее соответствующим обстоятельствам дела способом защиты.

Тем не менее в проанализированных судебных актах потребители выбирают иные способы защиты, что обусловлено следующим.

М. А. Церковников утверждает, что статья 428 ГК РФ — это «мираж защиты», который самостоятельно не применяется; он отдает предпочтение ст. 10 ГК РФ²³. Согласимся с возможностью обращения к данной статье в целях защиты потребителя, который заключил договор в условиях манипулятивного поведения второй стороны.

Думается, что одним из аргументов в защиту данной позиции являются различия в последствиях применяемых норм. Статья 428 ГК РФ уполномочивает присоединяющуюся сторону на расторжение или изменение договора. Статьи 10, 168, 178 ГК РФ позволяют признать договор недействительным, применить последствия недействительности.

Важны подобные различия в связи с тем, что в анализируемых обстоятельствах договор купли-продажи содержал условие об аннулировании скидки на автомобиль в случае отказа от дополнительных услуг. При расторжении договора по ст. 428 ГК РФ и возвращении потраченных средств отношения с продавцом автомобиля усложняются обязанностью возврата потребителем скидки. При признании договора недействительным подобных рисков не возникает. Безусловно, изменить условие договора купли-продажи автомобиля в судебном порядке также возможно, однако избежать судебных разбирательств и дополнительных трат для потребителя предпочтительно.

Следует отметить противоположную точку зрения Э. А. Демидова: «В современной российской судебной практике проблема запрета злоупотребления правом мало проработана, поэтому судами нормы ст. 10 ГК РФ применяются до сих пор достаточно осторожно»²⁴.

²² Бакулин А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20–27.

²³ Церковников М. А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 42–47.

²⁴ Демидов Э. А. Правовые прецеденты в регулировании злоупотребления субъективными правами и судебная практика // Современное право. 2024. № 4. С. 83–86.

Не умаляя значимости нормы, следует согласиться с наличием затруднений в использовании ст. 428 ГК РФ. Полагаем, что данная статья эффективна в предпринимательских правоотношениях, при которых стороны желают продолжить договорные отношения, но в измененном виде. Для потребительских отношений предпочтительны законодательство о защите прав потребителей и иные общие положения ГК РФ, позволяющие признать договор с обременительными условиями недействительным. В отношениях с профессиональным участником рынка потребителю легче доказать недобросовестность контрагента, чем обращаться к ст. 428 ГК РФ с соответствующим толкованием Конституционного Суда РФ.

Думается, последующее доктринальное развитие темы манипулятивного поведения в правоотношениях будет недостаточным. Обращение Конституционного Суда РФ к поднятой проблеме акцентирует внимание участников оборота, но не разъясняет сущности и разновидностей анализируемого явления. Полагаем, что дальнейшее разъяснение Верховного Суда РФ о манипулировании будет положительно оценено юридическим сообществом, т.к. подобное поведение характерно не только для потребительских правоотношений, но и для договорных²⁵, корпоративных²⁶, трудовых²⁷, процессуальных²⁸ и др.

Заключение

Развитие человеческого общества и науки неизбежно. Нейромаркетинг, изучая влияние на потребительское сознание, дает возможность получения большей прибыли профессиональным участникам оборота, что развивает экономику страны. Кроме того, научные открытия в этой области позволяют использовать новые знания и в иных сферах жизни общества. Однако современное гражданско-правовое регулирование не позволяет контролировать новые возможности профессиональных участников оборота, что влечет нарушение прав и интересов потребителей.

Проанализировав понятие воли и ее значение для права, мы сформулировали определение манипулятивного поведения как воздействия одного из участников правоотношения на другого, при котором воля второго лица формируется под скрытым влиянием, а его юридически значимое поведение соответствует интересам манипулирующего. Выявлены три признака манипулирования: цель, скрытый характер, воздействие на волю субъекта. Сделан вывод о возможности проявления манипулятивного поведения в форме как действия, так и бездействия. Доказано, что манипулирование является разновидностью злоупотребления правом.

В условиях конкуренции способов защиты при манипулятивном поведении были сопоставлены статьи 10, 168, 178, 428 ГК РФ по критерию эффективности. Допуская использование всех указанных способов защиты, приходим к выводу о предпочтительности ст. 10 и 168 ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакулин А. Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20–27.

Бахилин И. В. Последствия манипулирования подсудностью в суде первой инстанции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 58–66.

Богданов Е. В. Психологические аспекты гражданско-правовой сделки // Современное право. 2024. № 3. С. 64–72.

²⁵ Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023.

²⁶ Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М. : Статут, 2021.

²⁷ Лютов Н. Л. Трудовые отношения с коллективным работодателем: перспективы правового регулирования // Lex russica. 2018. № 12. С. 9–17.

²⁸ Бахилин И. В. Последствия манипулирования подсудностью в суде первой инстанции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 58–66.

- Волков А. В. Свобода воли в гражданском праве // Юрист-Правоведъ. 2010. № 5. С. 57–62.
- Галышина Е. И. Лингвистические признаки манипуляции: поможет ли экспертиза выявить недобросовестность бизнес-партнера? // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 33–35.
- Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.
- Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М. : Статут, 2021. 414 с.
- Демидов Э. А. Правовые прецеденты в регулировании злоупотребления субъективными правами и судебная практика // Современное право. 2024. № 4. С. 83–86.
- Иванников В. А. Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 97–102.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М. : Эксмо, 2015. 641 с.
- Люттов Н. Л. Трудовые отношения с коллективным работодателем: перспективы правового регулирования // Lex russica. 2018. № 12. С. 9–17.
- Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. 272 с.
- Предпринимательское право : учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.] ; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М. : Статут, 2023. 482 с.
- Сенина Ю. Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 27 с.
- Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 384 с.
- Харитонов А. А. Бездействие в гражданском праве: определение понятия // Пролог : журнал о праве. 2021. № 4. С. 35–45.
- Церковников М. А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 42–47.
- Шендо М. В., Свиридова Е. В. Маркетинговые инструменты манипуляции потребительским сознанием // Вестник АГТУ. Серия «Экономика». 2018. № 3. С. 110–118.

REFERENCES

- Akinfieva VV, Aristov EV, Afanasyev AB et al. Golubtsov VG (eds.). Business Law. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Bakhilin IV. Consequences of Manipulation of the Jurisdiction in the Court of First Instance. *Electronic supplement to «Russian Juridical Journal»*. 2023;3:58-66. (In Russ.).
- Bakulina AF. Judicial protection of a weak party to an entrepreneurial contract. *The Judge*. 2019;8:20-27. (In Russ.).
- Bannikov RYu, Velichkova OI, Evtukhovich EA, et al. Nosyreva EI, Filchenko M (eds.). *Peregovory v grazhdanskom prave i tsivilisticheskom protsesse*. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Bogdanov EV. Psychological aspects of a civil law transaction. *Sovremennoe pravo*. 2024;3:64-72. (In Russ.).
- Demidov EA. Legal precedents in the regulation of the abuse of subjective rights and judicial practice. *Sovremennoe pravo*. 2024;4:83-86. (In Russ.).
- Galyashina EI. Linguistic signs of manipulation: can the examination help identify the dishonesty of a business partner? *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*. 2024;1:33-35. (In Russ.).
- Gutnikov OV, Chagina EM. Protection of consumers' interests in e-trade regulation. *Law & Business*. 2023;4:8-15. (In Russ.).
- Ivanchikov VA. The Will. *National Psychological Journal*. 2010;1(3):97-102. (In Russ.).
- Kara-Murza SG. Manipulation of consciousness. Century XXI. Moscow: Eksmo Publ.; 2015. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Kharitonova AA. Inaction in civil law: the definition of the concept. *Prologue: Law Journal*. 2021;4:35-45. (In Russ.).

Lomakin DV (ed.). Twenty-five years of Russian joint-stock company law: problems, objectives, development prospects. Moscow: Statute Publ.; 2021. (In Russ.).

Lyutov NL. Labor relations with a collective bargaining employer: prospects of the legal regulation. *Lex russica*. 2018;12:9-17. (In Russ.).

Senina YuL. Category of will in civil law of Russia (in the context of civil law transaction). Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Tomsk; 2006. (In Russ.).

Shendo MV, Sviridova EV. Marketing tools for manipulating consumer consciousness. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2018;3:110-118. (In Russ.).

Tserkovnikov MA. Special protection of a weak party in contract of adhesion. *Zakon*. 2021;9(42-47). (In Russ.).

Volkov AV. Freedom of the will in civil law. *Yurist-Pravoved*. 2010;5:57-62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуляева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, ассистент кафедры гражданского и предпринимательского права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614068, Российская Федерация
o.n.b.t.a.m@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Gulyaeva, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Business Law, Civil and Arbitrazh Procedure, Perm State National Research University; Lecturer, Department of Civil and Business Law, Research University «Higher School of Economics», Perm, Russian Federation
o.n.b.t.a.m@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 27 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 28.08.2024.

Revised 27.09.2024.

Accepted 15.02.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.041-049

Г. В. Шония
Г. Б. Челнокова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Аттестация прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ

Резюме. Статья представляет собой актуальное исследование особенностей проведения аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ в условиях быстрого развития цифровых технологий и сложившейся международно-политической обстановки. Рассмотрен процесс оценки профессиональных качеств и компетенций прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ. Высказано мнение о необходимости усиления внимания к оценке цифровых знаний и умений данной категории работников, учета не только уже приобретенных навыков, но и способности адаптироваться к новым технологиям. Кроме этого, отмечена важность оценки при проведении аттестационных мероприятий знаний прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ в области международного права с учетом событий на международной арене.

Ключевые слова: аттестация; работник; прокурорский работник; работник Следственного комитета РФ; профессионализм; компетенция; оценка; развитие; карьера; квалификация; профессиональные навыки

Для цитирования: Шония Г. В., Челнокова Г. Б. Аттестация прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 41–49. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.041-049

Certification of Prosecutors and the Investigative Committee Personnel

Guri V. Shoniya

Galina B. Chelnokova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper provides an up-to-date study of the features of certification of prosecutors and employees of the Investigative Committee in the context of the rapid development of digital technologies and the current international political situation. The article examines the process of assessing the professional qualities and competencies of prosecutors and employees of the Investigative Committee of the Russian Federation. The article expressed the opinion that it is necessary to strengthen attention to the assessment of digital knowledge and skills of this category of workers, to take into account not only already acquired skills, but also the ability to adapt to new technologies. In addition, the importance of assessing the knowledge of prosecutors and employees of the Investigative Committee in the field of international law during certification events was noted, taking into account events in the international arena.

Keywords: attestation, employee, prosecutor, employee of the Investigative Committee of the Russian Federation, professionalism, competence, assessment, development, career, qualification, professional skills

Cite as: Shoniya GV, Chelnokova GB. Certification of Prosecutors and the Investigative Committee Personnel. *Lex russica*. 2025;78(3):41-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.041-049

Согласно Основному закону нашей страны права и свободы человека являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ¹). Государство гарантирует защиту каждому гражданину, и такие органы, как прокуратура и Следственный комитет РФ, играют в этом одну из ведущих ролей.

Сотрудники органов прокуратуры и Следственного комитета РФ как представители органов государственной власти в сфере правоохранительной деятельности активно противодействуют преступности, обеспечивая в рамках своей деятельности правопорядок и защиту прав граждан. Их роль в поддержании законности и справедливости невозможно переоценить.

Проведение аттестационных мероприятий для прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ является одним из важнейших факторов успешного выполнения ими своих обязанностей. В современных условиях быстрой и повсеместной цифровизации, которая, как показывает практика, приводит к появлению новых способов совершения преступлений (например, киберпреступления), высокой миграции из стран ближнего зарубежья, вооруженных конфликтов и других вызовов, квалификация и профессионализм таких работников как никогда актуальны. Проверка знаний и компетенций данных сотрудников с помощью проведения аттестации обеспечивает необходимую уверенность в их способности эффективно решать стоящие перед ними задачи, защищать права, свободы и интересы граждан.

В научной литературе всегда существовало множество различных толкований понятия «аттестация», что привело к разнообразию под-

ходов к данному вопросу. Однако практически все сходятся во мнении о важности и обязательности систематического проведения аттестации для сотрудников государственных органов власти. Так, с точки зрения Н. В. Магзумовой, аттестация служащих органов власти представляет собой проверку их квалификации, деловых качеств, профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности². Э. Р. Бирюкова дополняет: «Аттестация представляет собой процесс регулярной оценки знаний, опыта, навыков, результатов работы и способностей к выполнению конкретных функций в сфере государственной службы»³.

Согласно письму Министерства труда РФ от 14.06.2016 № 18-1/10/В-3980 «О Методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего» аттестация государственных служащих является основной формой оценки их работы, при которой не только проводится анализ трудовой деятельности и проверяются результаты работы конкретного служащего, но и оцениваются его личностные качества⁴. Интересным представляется мнение Н. А. Машкиной и Л. В. Бычковой о том, что «систематическое проведение аттестации способствует формированию состава высококвалифицированных кадров в каждом конкретном органе власти»⁵. В свою очередь, А. У. Исхаков указывает, что «итоги аттестации являются важным инструментом для поощрения служащих (успешно ее прошедших) и мотивации к дальнейшему профессиональному росту»⁶.

Проанализировав и обобщив вышеуказанные определения категории «аттестация», сто́ит подчеркнуть ее многоплановость. В свя-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. Федеральный выпуск. № 148 (8202). 04.07.2020.

² Магзумова Н. В., Ефименко А. А. Совершенствование системы аттестации государственных служащих // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 8 (58).

³ Бирюкова Э. Р. Аттестация государственных служащих: некоторые проблемы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 153.

⁴ Письмо Минтруда России от 14.06.2016 № 18-1/10/В-3980 «О Методике всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71358518/> (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ Машкина Н. А., Бычкова Л. В. Анализ и совершенствование аттестации государственных гражданских служащих // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2022. № 12-2. С. 68.

⁶ Исхаков А. У., Хизяпова А. А. Проблема совершенствования аттестации государственных и муниципальных служащих // Экономика и социум. 2022. № 12-2 (103). С. 372.

зи с этим представляется верной следующая трактовка данного понятия: аттестация государственного служащего — это процесс проверки и оценки его профессиональных знаний, навыков и компетенций в соответствии с установленными законом критериями и стандартами. Основной целью данного процесса является подтверждение готовности и способности конкретного служащего к выполнению своих профессиональных обязанностей на должном уровне. Кроме того, аттестация помогает определить необходимость в профессиональной переподготовке, повышении квалификации или ротации кадров.

Важно отметить, что вопросы правового регулирования аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ как государственных служащих регулируются Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁷ и Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации»⁸. Однако в указанных нормативных правовых актах отсутствует определение понятия «аттестация», что затрудняет понимание ее сути.

Без сомнения, аттестация — это эффективный метод оценки соответствия сотрудника занимаемой должности. Ее проведение помогает определить уровень знаний работника, его профессионализм, оценить качество проделанной работы (за конкретный период) и его вклад в достижение общих целей, выявить потенциал для дальнейшего развития.

Стоит признать, что, несмотря на достаточно долгую историю института аттестации в системе государственной службы, а также на его законодательное закрепление, в настоящее время всё еще наблюдаются проблемы как организационного, так и правового характера.

Как отмечают некоторые современные ученые, главная проблема в рассматриваемой области заключается в том, что требования к государственным служащим сосредоточены на достаточно ограниченном наборе компетенций. В современной политической и экономической обстановке необходимо учитывать более широкий круг навыков, знаний и умений прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ. С целью более резуль-

тативного выполнения своих обязанностей в рамках проведения аттестационных мероприятий у таких работников стоит проводить оценку их деятельности и имеющихся знаний (навыков) в различных областях, большое внимание уделяя не только направлениям деятельности, но и международному праву, военному праву, цифровизации и IT.

Проведение аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ играет ключевую роль в оптимизации внутреннего управления указанными органами и способствует эффективной реализации их работниками своих основных функций. Систематизация аттестационных мероприятий позволяет повысить качество кадрового состава, выявить кадровый потенциал и минимизировать риски ошибок в системе управления персоналом. Таким образом, можно утверждать, что профессиональная аттестация стала неотъемлемой частью управления персоналом в кадровых службах прокуратуры и Следственного комитета РФ.

Работники рассматриваемых органов во все времена должны были обладать самыми современными знаниями и инновационными методами работы, т.к. они являются ключевыми субъектами борьбы с преступностью. Однако, как уже было указано, в настоящее время внешнеполитических и военных вызовов работники прокуратуры и Следственного комитета РФ обязаны иметь глубокие знания в различных отраслях права (в том числе в международном, военном, гуманитарном праве), инновационных и цифровых технологиях.

Официально процедура аттестации для государственных служащих внедряется в середине 1980-х гг. При этом, несмотря на почти 40 лет существования данного института в нашей стране, четкое законодательное закрепление определения понятия «аттестация государственных служащих» отсутствует до сих пор. Это приводит к неопределенности в оценке квалификации и компетенции государственных служащих, что может отрицательно сказываться как на самом процессе аттестации, так и на качестве и эффективности их работы.

Далее рассмотрим особенности проведения аттестационных мероприятий в прокуратуре и Следственном комитете РФ.

Согласно ст. 129 Конституции РФ «прокуратура Российской Федерации — единая феде-

⁷ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

⁸ СЗ РФ. 2005. № 11. Ст. 103.

ральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции».

Статья 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁹ дублирует положения Конституции о понятии данного государственного органа. В соответствии с указанной статьей основные полномочия прокуратуры включают:

- 1) надзор за соблюдением законодательства, прав, свобод и интересов граждан;
- 2) осуществление уголовного преследования;
- 3) координацию деятельности органов, связанных с уголовным преследованием и борьбой с преступностью;
- 4) участие в рассмотрении дел судами, обжалование незаконных решений;
- 5) представительство и защиту интересов Российской Федерации за рубежом;
- 6) участие в законотворческой деятельности.

Прокуратура не относится ни к одной из ветвей власти в нашей стране, что гарантирует ее независимость и объективность. Органы прокуратуры самостоятельно руководят своей деятельностью, контролируя исполнение законов и соблюдение правопорядка как в общем на всех уровнях (федеральном, региональном, местном), так и в отношении каждого гражданина¹⁰.

Появление Следственного комитета РФ датируется 2011-м годом, после вступления в силу Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»¹¹. Согласно ч. 1 Положения о Следственном комитете Российской Федерации¹² Следственный комитет РФ — это федеральный орган государственной власти, специализирующийся на расследовании различного рода преступлений и осуществлении уголовного судопроизводства. Следственный комитет РФ, как и прокуратура, является органом с особым правовым статусом, не относящимся ни к одной из трех ветвей власти.

Следственный комитет РФ имеет достаточно широкие полномочия в уголовном производстве. Исходя из п. 4 ст. 1, ст. 3, 10 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» можно сделать вывод о том, что основные функции Следственного комитета РФ включают выявление фактов и обстоятельств преступлений, предотвращение преступлений в рамках своих полномочий, разработку законодательных актов, сотрудничество и обмен опытом с зарубежными организациями, оперативное информирование органов власти и общества о своей деятельности и т.д.

За последние пять лет в Следственном комитете РФ произошли значительные структурные и организационно-правовые изменения, направленные на улучшение деятельности данного федерального органа. В частности, было увеличено число следователей и криминалистов, а в 2020 г. были созданы специализированные отделы Следственного комитета РФ, занимающиеся расследованием таких видов преступлений, как киберпреступления, преступления, связанные с нацизмом и фальсификациями истории нашей страны, нарушениями санитарно-эпидемиологических норм (в связи с пандемией коронавирусной инфекции), нарушениями прав участников долевого строительства. Как показала почти пятилетняя практика, внедрение указанных отделов в организационную структуру Следственного комитета РФ обеспечило более эффективное и быстрое расследование преступлений.

Согласно п. 1 ст. 40 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» «прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы». В соответствии со ст. 41 того же Закона «аттестация прокурорских работников проводится для определения их соответствия занимаемой должности, укрепления служебной дисциплины».

Аттестации сотрудников Следственного комитета РФ посвящена статья 21 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», согласно которой «аттестация

⁹ СЗ РФ. 1997. № 4. Ст. 114.

¹⁰ Кара-Сал Б. О. О месте прокуратуры в системе разделения властей // Вестник магистратуры. 2022. № 2-1 (125).

¹¹ СЗ РФ. 2010. № 36. Ст. 1152.

¹² Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 26.02.2024) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 2. Ст. 1473.

сотрудников Следственного комитета проводится в целях определения их соответствия замещаемой должности и уровня их квалификации». В свою очередь, служащие Следственного комитета РФ так же, как и работники прокуратуры, относятся к федеральным государственным служащим, т.к. в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» «служба в Следственном комитете является федеральной государственной службой».

Более широкое описание цели проведения аттестации работников прокуратуры закреплено в Положении о порядке проведения аттестации прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, утвержденном приказом Генеральной прокуратуры РФ от 11.03.2020 № 146¹³, согласно п. 1.3 которого аттестация прокурорских работников проводится с целью оценки уровня их профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности. Проведение аттестационных мероприятий в органах прокуратуры помогает улучшить в целом систему управления кадрами органов прокуратуры, сформировать высококвалифицированный кадровый резерв, повысить ответственность и трудовую дисциплину сотрудников, оперативно и качественно решать вопросы ротации, продвижения сотрудников по карьерной лестнице и присвоения классовых чинов, а также способствует формированию мотивации работников на обучение и приобретение новых навыков.

В соответствии с приказом Следственного комитета РФ от 14.01.2016 № 4 «Об утверждении Положения об аттестационных комиссиях Следственного комитета Российской Федерации»¹⁴ аттестация работников Следственного комитета РФ проводится для оценки их служебной деятельности и уровня квалификации с целью установить их соответствие своим должностям. Результаты аттестации работников Следственного комитета РФ играют ключевую роль при принятии руководством органа решений о продвижении сотрудника на более высокие должности, присвоении квалификационных классов, необходимости в повышении квалификации или дополнительном обучении

по тем или иным направлениям, включении в кадровый резерв, невозможности занимать текущую или иные должности в Следственном комитете РФ.

Как отмечает А. А. Жилинская, «целью практического использования в органах прокуратуры такой технологии оценки кадров, как аттестация, является поиск резервов роста производительности труда, заинтересованности служащих в результатах своей работы, а также создание необходимых условий для развития личности»¹⁵.

Таким образом, в узком смысле основная цель аттестации работников органов прокуратуры и Следственного комитета РФ заключается в подтверждении их профессиональной компетентности.

Аттестация является законодательно закрепленным способом оценки соответствия занимаемой должности прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ, но не единственным. Кроме нее, кадровые службы данных органов могут применять в отношении служащих и другие способы оценки квалификации и профессиональных умений, например мониторинг результатов деятельности за определенный период, квалификационный экзамен, тестирование и т.д. Безусловно, как и аттестация, каждый из вышеуказанных методов имеет свои особенности, преимущества и недостатки. Однако комплексное применение этих методов позволяет более объективно оценить профессиональные навыки прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ.

В положениях об аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ указано, что данная процедура может быть нескольких видов: первичная, очередная и внеочередная. Первичную аттестацию проходят прокурорские работники и работники Следственного комитета РФ, которые имеют высшее юридическое образование (подтвержденное при поступлении на службу дипломом государственного образца) по профилю их деятельности и опыт работы в указанных органах не менее шести месяцев. Очередная аттестация проходит раз в пять лет по графику. При переводе на другую должность аттестация для работников проводится через год.

¹³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347698/ (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194473/723324561fca72440d9fe124f7a3317b2f290aa5/ (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁵ Жилинская А. А. Аттестация служащих органов прокуратуры и основы ее прохождения // Социальное управление. 2020. Т. 2. № 1–2. С. 68.

Внеочередная аттестация в прокуратуре, в соответствии с п. 1.9 приказа Генпрокуратуры России от 11.03.2020 № 146, проводится, если:

- рассматривается вопрос о внесении Генеральным прокурором РФ представлений Президенту РФ о продлении полномочий прокуроров субъектов Российской Федерации;
- рассматривается вопрос о продлении полномочий прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров;
- работника выдвигают на вышестоящую должность в прокуратуре субъекта Российской Федерации.

Внеочередная аттестация сотрудников Следственного комитета РФ, в соответствии с п. 1.6 приказа Следственного комитета РФ от 14.01.2016 № 4, проводится в следующих случаях:

- при представлении к государственной награде Российской Федерации;
- при перерыве службы в системе Следственного комитета (не менее шести месяцев);
- по истечении шести месяцев службы в должностях, назначение на которые осуществляется Президентом РФ;
- при присвоении квалификационного класса заместителю председателя Следственного комитета РФ — руководителю Главного военного следственного управления, его первому заместителю и заместителям.

Общими условиями проведения внеочередной аттестации для прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ являются:

- просьба самих работников;
- систематическое неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей.

Далее рассмотрим особенности этапов процедуры аттестации.

Перед началом проведения аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ устанавливаются конкретные цели, задачи и критерии оценки аттестуемых. Это необходимо для определения того, какие конкретно аспекты их деятельности будут оцениваться комиссией. Особое внимание при этом уделяется формированию определенных требований к кандидатам на должности.

В рамках аттестации прокурорских работников и сотрудников Следственного комитета РФ используются три типа оценок: выполнение должностных обязанностей, уровень квалификации и основные личные качества сотрудника.

Анализ положений о порядке проведения аттестации работников прокуратуры (приказ Генпрокуратуры России от 11.03.2020 № 146) и Следственного комитета РФ (приказ Следственного комитета РФ от 14.01.2016 № 4) позволяет выделить следующие общие стадии аттестации.

1. Формирование аттестационной комиссии, составление и утверждение документов, регламентирующих ее деятельность. Аттестационная комиссия — это совещательный орган. Формирование аттестационной комиссии и документальное закрепление ее полномочий являются первым этапом проведения аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ, т.к. именно от работы аттестационной комиссии зависят эффективность, справедливость и законность всего процесса аттестации. Аттестационная комиссия состоит из председателя, его заместителей, членов комиссии и секретарей. Председатель аттестационной комиссии руководит всем процессом аттестации, утверждает план работы аттестационной комиссии, разрабатывает повестки заседаний, организует работу всех членов комиссии, распределяет обязанности между ними, контролирует их деятельность.

2. Составление и направление в аттестационную комиссию аттестационного листа. Аттестационный лист содержит информацию о работнике, включая основные результаты его деятельности в прокуратуре или Следственном комитете РФ за прошедший период, качество подготавливаемых проектов документов, навыки методической и аналитической работы, а также работы с информационными системами. Помимо этого, аттестационный лист включает указания на недостатки и упущения по службе (если они имеются), выводы об исполнительности, о дисциплинированности и об инициативности работника, основные личные качества. Если при прохождении предыдущей аттестации у работника были обнаружены недостатки, в аттестационном листе указываются предпринятые мероприятия для их устранения.

3. Проведение заседания аттестационной комиссии, анализ документов, обсуждение профессиональных и личностных качеств сотрудника.

4. Принятие решения аттестационной комиссией. По результатам аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ комиссия принимает одно из следующих решений: о соответствии работника занимаемой должности; о неполном служебном

соответствии; о полном несоответствии должности. Отдельным пунктом в Положении об аттестационных комиссиях Следственного комитета Российской Федерации указаны дополнительные выводы и рекомендации, которые могут быть сделаны членами аттестационной комиссии. Среди них:

— представление к государственной награде Российской Федерации за выдающиеся успехи в работе и преданность делу;

— назначение на более высокую должность;

— зачисление в кадровый резерв;

— награждение специальным званием, присвоение нового квалификационного класса;

— материальное или нематериальное поощрение;

— распространение положительного опыта работы сотрудника на других работников;

— направление на учебу, получение дополнительного смежного образования, повышение квалификации.

В случае выявления серьезных недостатков или в случае, если членами комиссии не достигнуто общего решения в отношении аттестуемого, аттестация может быть отложена на срок не более шести месяцев.

5. Исполнение решений аттестационной комиссии. Все решения аттестационной комиссии обязательны к исполнению в соответствии с Положением о порядке проведения аттестации прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации и Положением об аттестационных комиссиях Следственного комитета Российской Федерации. Если работник не соответствует занимаемой должности, его могут перевести на другую должность или уволить в соответствии с ТК РФ¹⁶ и другими нормативными правовыми актами, регулирующими процесс аттестации прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ.

Если работник не согласен с решением аттестационной комиссии и считает, что процедура аттестации была нарушена или в решении содержатся необоснованные выводы, его можно обжаловать.

В случаях, когда решение еще не утверждено, для обжалования решения аттестационной комиссии можно обратиться к председателю. Подача такой жалобы приостанавливает исполнение решения аттестационной комиссии, что

дает возможность работнику продолжать работу на соответствующей должности до окончания рассмотрения жалобы и вынесения нового решения.

Если решение уже утверждено, то работник имеет право обжаловать его в вышестоящих органах (вышестоящий прокурор или Высшая аттестационная комиссия Генеральной прокуратуры РФ) или обратиться в суд. Указанные субъекты проводят собственную независимую проверку по факту жалобы на процесс проведения аттестационных мероприятий и в случае выявления нарушений принимают решение об отмене или изменении решения аттестационной комиссии.

Анализ рассматриваемых положений приводит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства о проведении аттестационных мероприятий. Так, по мнению авторов, в части организационно-правовых мероприятий это разработка более четкого административного механизма обжалования работником сведений, указанных в аттестационном листе, процесса повторной аттестации, перечня условий переноса аттестации.

Реализация системы обратной связи после прохождения аттестации играет важную роль, т.к. дает работникам прокуратуры и Следственного комитета РФ возможность получить конструктивную критику, принять меры по устранению конкретных недостатков и развиваться профессионально.

С целью обеспечения объективности и справедливости оценки деятельности работника прокуратуры и Следственного комитета РФ, по мнению авторов, требуется законодательное закрепление системы объективной оценки деятельности прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ. Подобная система помогает учитывать как количественные, так и качественные показатели работников, которые будут четкими, прозрачными, объективными, доступными и справедливыми, что поможет минимизировать проявления коррупции, произвола и лоббирования интересов отдельных лиц во время аттестации и сделает систему аттестации честной и открытой.

С учетом стремительных темпов цифровизации и увеличения требований к знаниям государственных служащих в области цифровых технологий и инноваций со стороны Президен-

¹⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

та РФ необходимо расширить и усилить оценку сотрудников прокуратуры и Следственного комитета РФ при аттестации в данном направлении. Профессиональные сотрудники прокуратуры и Следственного комитета РФ должны не только обладать традиционными навыками и знаниями, но и быть компетентными в области цифровых технологий.

Важной задачей для прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ в период специальной военной операции России на Украине являются реализация мероприятий по обеспечению безопасности (в рамках компетенции данных органов), защите прав, интересов и свобод человека, быстрое и объективное расследование преступлений, реализация

мероприятий по их предотвращению и т.д. Для успешного выполнения этой задачи необходимо в рамках аттестации оценивать способность прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ работать в условиях повышенной военной и общественной напряженности, принимать взвешенные решения с учетом российского и международного законодательства.

Аттестация прокурорских работников и работников Следственного комитета РФ — это важный этап, который направлен на оценку профессиональных качеств кадров и общее повышение эффективности работы указанных органов за счет исключительно высококвалифицированных сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирюкова Э. Р. Аттестация государственных служащих: некоторые проблемы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 153–155.

Жилинская А. А. Аттестация служащих органов прокуратуры и основы ее прохождения // Социальное управление. 2020. Т. 2. № 1–2. С. 66–72.

Исхаков А. У., Хизьяпова А. А. Проблема совершенствования аттестации государственных и муниципальных служащих // Экономика и социум. 2022. № 12-2 (103). С. 371–374.

Кара-Сал Б. О. О месте прокуратуры в системе разделения властей // Вестник магистратуры. 2022. № 2-1 (125).

Магзумова Н. В., Ефименко А. А. Совершенствование системы аттестации государственных служащих // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 8 (58). С. 52–57.

Машкина Н. А., Бычкова Л. В. Анализ и совершенствование аттестации государственных гражданских служащих // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2022. № 12-2. С. 67–71.

REFERENCES

Biryukova ER. Certification of civil servants: some problems of law enforcement. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;2(194):153-155. (In Russ.).

Iskhakov AU, Khizyapova AA. The problem of improving the certification of state and municipal employees. *Ekonomika i sotsium*. 2022;12-2(103):371-374. (In Russ.).

Kara-Sal BO. The place of the prosecutor's office in the system of separation of powers. *Magister Journal*. 2022;2-1(125). (In Russ.).

Marzumova NV, Efimenko AA. Improvement of the certification system for public employees. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2021;8(58):74-79. (In Russ.).

Mashkina NA, Bychkova LV. Analysis and improvement of certification of state civil employees. *Modern Science: Actual problems of theory and practice. Series of «Economics and Law»*. 2022;12-2:67-71. (In Russ.).

Zhilinskaya AA. Certification of employees of the prosecutor's office and the basics of its passage. *Social Management*. 2020;2(1-2):66-72. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шония Гури Вахтангович, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
shoniyaguri@mail.ru

Челнокова Галина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
gbchelnokova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guri V. Shoniya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
shoniyaguri@mail.ru

Galina B. Shelnokova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
gbchelnokova@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 14 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 18 января 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2025 г.*

*Received 14.10.2024.
Revised 18.01.2025.
Accepted 15.02.2025.*

Ответственное делегирование власти народом в Российской Федерации: ключевые понятия конституционно-правовой концепции

Резюме. В статье аргументирована аксиоматика концепции ответственного делегирования власти народом: 1) народ является источником власти; полномочия у органов и должностных лиц возникают как делегированные из этого источника; 2) народный суверенитет системно взаимосвязан с государственным; делегирование власти народом легитимно формируемым органам является актом подтверждения и укрепления государственного суверенитета; 3) народовластие является правовым и организационным принципом взаимоотношений народа и государства; оно представляет собой правовое состояние — комплексное длящееся правоотношение, дающее основания для конкретных правоотношений, в которых реализуются политические права граждан; 4) демократический способ формирования органов власти является ценным продуктом развития цивилизации, обладающим потенциалом совершенствования в рамках концепции ответственного делегирования власти народом; 5) статус народа как источника власти, носителя суверенитета, правовое состояние народовластия применительно к каждому гражданину выражаются через посредство его личного участия в делегировании власти в рамках демократических процедур; 6) важной целью и принципом являются восприятие каждым гражданином своего участия в делегировании власти народом как конституционной ценности и формирование максимально ответственного отношения к такому участию. К научной дискуссии предложена конструкция профессиодемократии как синтеза подлинной демократии в традиционном понимании и рационального отбора управленческих кадров по продуманным профессиональным критериям, встроенного в механизмы ответственного делегирования власти народом. В ее рамках рекомендовано изменение избирательного законодательства в части расширения доступной для избирателей информации о кандидатах.

Ключевые слова: делегирование власти; власть; народ; народовластие; демократия; источник власти; народный суверенитет; воля народа; публичная власть; управленческие кадры

Для цитирования: Головин А. Г. Ответственное делегирование власти народом в Российской Федерации: ключевые понятия конституционно-правовой концепции. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 50–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.050-065

Responsible Delegation of Power by the People in the Russian Federation: Key Concepts of the Constitutional Law Concept

Aleksey G. Golovin

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the axiomatics of the concept of responsible delegation of power by the people: 1) the people are the source of power, the powers of bodies and officials arise as delegated from this source;

2) popular sovereignty is systemically interconnected with the State; the delegation of power by the people to legitimately formed bodies is an act of confirmation and strengthening of state sovereignty; 3) democracy is a legal and organizational principle of relations between the people and the state; it is a legal state — a complex legal relationship that provides grounds for specific legal relations where the political rights of citizens are realized; 4) the democratic way of forming authorities is a valuable product of the development of civilization, with the potential for improvement within the framework of the concept of responsible delegation of power by the people; 5) the status of the people as a source of power, bearer of sovereignty, the legal state of democracy in relation to each citizen is expressed through his personal participation in the delegation of power in the framework of democratic procedures; 6) an important goal and principle is the perception by each citizen of his participation in the delegation of power by the people as a constitutional value and the formation of the most responsible attitude to such participation. For the purpose of scientific discussion, the construction of professional democracy is proposed as a synthesis of genuine democracy in the traditional sense and the rational selection of managerial personnel according to thoughtful professional criteria, built into the mechanisms of responsible delegation of power by the people. Within its framework, it is recommended to change the electoral legislation in terms of expanding the information available to voters about candidates.

Keywords: delegation of power; power; the people; democracy; democracy; source of power; delegation of power; popular sovereignty; the will of the people; public power; management personnel

Cite as: Golovin A.G. Responsible Delegation of Power by the People in the Russian Federation: Key Concepts of the Constitutional Law Concept. *Lex russica*. 2025;78(3):50-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.050-065

Современное конституционно-правовое понимание народовластия с необходимостью сочетает в себе как традиционные представления о демократических процедурах, лежащих в основе формирования легитимных органов публичной власти в государстве, так и видение «человеческого измерения» демократии в способе организации общественной жизни таким образом, чтобы реализовывалась свобода и ценность участия каждого в управлении делами государства и общества. Как представляется, в наше время исследовать народовластие только лишь с одной из указанных позиций, условно говоря, в объективном или субъективном ее аспектах, уже не вполне достаточно для полноценного отражения этого разностороннего явления в научных построениях. Гиперболизация как формальной стороны (сведение демократии к выборам, референдуму и иным подобным формам периодического волеизъявления), так и ее либерального измерения (преувеличение значимости форм самоуправления или самовыражения гражданского общества и личности в противовес публичной власти), на наш взгляд, является устаревшим подходом, не отвечающим задачам современности и перспективам развития конституционно-правовых концепций.

Изложенные тезисы ни в коей мере не означают умаления нами значимости как устойчивых конституционных демократических про-

цедур, так и тем более прав и свобод человека и гражданина. Речь идет лишь о том, что взвешенный конституционно-правовой подход должен «центрировать» точку зрения и фокус исследования таким образом, чтобы обеспечивался рациональный синтез обоих «полюсов» конституционно значимых ценностей в рамках предлагаемых к научной дискуссии и практическому воплощению концепций понимания современного народовластия. Следует согласиться с Б. С. Эбзеевым, который пишет: «...основная задача отечественной науки о государстве и праве и практики государственного строительства, требующая решения на данном этапе развития России, заключается в том, чтобы найти такую государственно-правовую организацию общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного в развитии государства и прочного правопорядка как необходимого условия поступательного развития общества могла бы соединить с другим императивом эпохи — свободой личности»¹. Такая свобода действительно является неоспоримой ценностью и необходимым императивом современности. Вместе с тем с древних времен известно, что «in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus» («в пользу свободы вопиет всякое право, но всему есть мера»). Свобода личности и гражданского общества обеспечивается силой

¹ Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

действующего в государстве права и системой гарантий, о чем забывать не следует, и ни одна безграничная свобода не должна нести в себе потенциал разрушения общества и правового государства.

В отношении любого явления правовой и общественно-политической действительности можно при исследовании его сущности сосредотачиваться преимущественно либо на негативных, либо же на позитивных аспектах. Представляется исключительно важным и правильным методологический посыл, состоящий в том, чтобы отдавать предпочтение концентрации на положительных сторонах, созидательном потенциале исследуемых явлений и поиске конструктивных факторов и подходов. Именно этим мы руководствуемся в настоящем исследовании.

Теоретической плоскостью, в которой всесторонне может быть рассмотрена и раскрыта сущностная проблематика широкого понимания народовластия, является концепция делегирования власти народом, которая имеет достаточно глубокие исторические корни, уходящие, в частности, в творческое наследие мыслителей XVIII в. В последние десятилетия она разрабатывается в трудах Б. С. Эбзеева и получила признание в работах других исследователей. Например, В. А. Черепанов пишет: «В основе конституционной модели публичной власти, как известно, лежит принцип народовластия, согласно которому носителем суверенитета и единственным источником власти в нашей стране является российский народ»².

При доктринальном толковании конституционной модели убедительной представляется позиция Б. С. Эбзеева о том, что Конституция РФ основана на доктрине делегирования (делегации) народом права на власть, которым пользуются должностные лица, осуществляя принадлежащие им полномочия. Публичная власть — это власть, учреждаемая народом,

действующая от имени народа, им уполномоченная, в связи с чем осуществление власти ее конкретными носителями оправдано постольку, поскольку они выражают интересы народа в принимаемых решениях. Тем самым Конституция легитимировала естественно-правовую концепцию первичной власти народа и производной от нее власти государственных и муниципальных органов, а также определила механизм делегирования власти, принадлежащей народу³.

В свою очередь, мы считаем, что еще большим конструктивным потенциалом, в значительной степени задействующим как раз субъективные аспекты, действия личности с позиций свободы и более осознанной реализации своих прав, обладает развиваемая нами **конституционно-правовая концепция ответственного делегирования власти народом**⁴, предполагающая наличие глубокой взаимной внутренней ответственности личности, народа и государства за функционирование механизма публичной власти.

По справедливому наблюдению И. Г. Дудко, «российская наука конституционного права не только существенно расширяет “предметную локализацию”, но и весьма активно охватывает области правопознания, ранее относимые и развиваемые в теоретической юриспруденции»⁵. Именно с таких позиций в рамках указанной выше концепции в разумных пределах применяется синтез конституционно-правовых и теоретико-правовых подходов, а также задействуется конструктивный потенциал междисциплинарных исследований в части обращения к политической и социальной психологии. Нижеследующая декомпозиция ключевых понятий концепции ответственного делегирования власти народом осуществляется нами в плоскости конституционно-правового исследования с использованием мощного инструментария общей теории систем, применимость кото-

² Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 31.

³ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 25, 30–31; Он же. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 181–198.

⁴ Подробнее о теоретических основах этой концепции см., например: Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1. С. 34–45; Он же. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5. С. 71–88.

⁵ Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 37.

рого к системно-структурному рассмотрению юридических феноменов мы показывали уже давно⁶.

Концепция (от лат. *conceptio* — «совокупность», «система») ответственного делегирования власти народом понимается как совокупность взаимосвязанных идей о сущности, взаимосвязи с народовластием и публичной властью, актуальном значении и перспективах развития механизмов и процесса делегирования власти народом как источником власти, нашедших конституционное закрепление, законодательное развитие и научное осмысление (а в перспективе и признание).

Ответственное делегирование власти также может быть рассмотрено и понято как **система** — упорядоченная совокупность взаимосвязанных правовых, политических, организационных, психологических и иных элементов, сочетание которых формирует и обеспечивает постоянно действующие механизмы легитимного делегирования власти народом формируемым органам публичной власти и должностным лицам. При этом, как свойственно познанию с позиций общей теории систем, она может исследоваться как относящаяся к системам более высокого порядка — организации власти в государстве как таковой, коммуникативному пространству взаимоотношений личности, народа и государства, а также как включающая более частные, видовые объекты-системы — избирательную систему (в широком смысле), референдум, иные демократические процедуры и т.д.

Наконец, ответственное делегирование власти народом мыслится также и как **процесс** — изначально конституированная и нормативно закреплённая последовательность стадий, этапов, в рамках которых совершаются определённые юридически значимые действия (происходят события, истекают сроки), результатом которых становится достижение цели делеги-

рования власти — формирование легитимных органов публичной власти, вступление в должности должностных лиц, обеспечивающих реализацию в рамках своей компетенции делегированных им народом властных полномочий. Наилучшим образом такое понимание может продемонстрировать избирательный процесс.

Делегирование. Этот термин, происходящий от латинских глаголов *legare*, *delegare*, означавших «предписывать», «назначать», «направлять», в современной правовой науке подразумевает процесс передачи кому-либо полномочий, правомочий или же направление каких-либо лиц в том или ином статусе. В таких же смыслах он употребляется в действующем законодательстве⁷. В качестве равнозначного в научных публикациях используется также и термин «делегация» (в ракурсе нашей темы — «делегация власти»), однако во избежание возможной путаницы с делегацией как группой представителей мы предпочитаем в большей степени лингвистически отражающее именно процесс выражение «делегирование».

Рассуждая об указанном процессе, исследователи акцентируют внимание на взаимосвязанности в его рамках народа как отправной точки и представителей, которым властные полномочия отдаются. При этом есть разные варианты такой взаимосвязи. Например, Н. А. Филиппова отмечает: «...будучи способом формирования государственной власти, делегация настаивает на правовом тождестве представителя и представляемого. В этом отношении делегация — институт демократического, а не республиканского устройства государства. Как замечает Карл Шмитт, всякая конституция предполагает определенное понимание единства народа. Но конструируется единство или как тождество народа (и тогда выбор управляющих основан не на их превосходстве, а на делегации себе подобных), или как различие

⁶ Головин А. Г. Основы построения и тенденции развития системы избирательного законодательства в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁷ Например, в ч. 8 ст. 39 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652) содержится формулировка «делегирование членами комиссии своих полномочий иным лицам не допускается»; в ч. 7 ст. 19.2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242) — формулировка «договор не может предусматривать делегирование следующих прав»; в ст. 6.1 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556) идет речь о делегировании экспертов для участия в качестве наблюдателей в заседаниях экспертных комиссий государственной экологической экспертизы.

(и в этом случае народ должен быть представлен избранными)»⁸.

Эта точка зрения интересна, во-первых, пониманием делегирования как способа формирования системы власти в государстве, во-вторых, рассуждениями о двух различных вариантах соотношения делегирующих власть и тех, кто наделяется полномочиями. Здесь сокрыт важный смысл: делегирование происходит не только государственными институтами (как неким, условно говоря, публично-правовым юридическим «личностям» или образованиям), но и конкретным физическим лицам, тоже являющимся неотъемлемой частью самого делегирующего народа.

Что касается делегирования создаваемым четко формализованным властным институтам, то весьма показательны, например, следующие рассуждения. А. И. Хорошильцев, называя одной из «основных функций власти народа по отношению к современному демократическому государству» функцию «формирования, учреждения государства», отмечает, что в рамках ее реализации «народ, учреждая государство, определяет содержание и контуры его свободы, пределы его полномочий, что означает делегирование, передачу государству определенного объема власти»⁹. Здесь внимание акцентировано, по сути, на том, что процесс делегирования опосредует переход полномочий из плоскости власти учредительной, принадлежащей народу как ее источнику, в плоскость власти учреждаемой, что является очень значимым аспектом рассматриваемой концепции.

Власть. Это понятие в самом общем виде принято раскрывать через способность влиять на других, обеспечивая требуемое поведение. Но важным для понимания власти в ее государственно-правовом измерении является свойство упорядочивающего и организующего воздействия на социум. В этом аспекте речь идет о власти политической. В отечествен-

ной теории государства и права традиционно считалось, что государство обладает политической властью, даже выступает формой ее особой организации. Характеризуя политическую власть как обладающую «концентрированной силой, превращающей ее в действенный фактор социального бытия», А. Б. Венгеров писал, что «главное отличие политической власти от власти вообще коренится в ее нерасторжимой связи с той или иной формой и степенью развития государственности»¹⁰. С. С. Алексеев же оценивал политическую власть даже как «самодовлеющую силу» и «жесткий фактор, способный (притом монопольно) действовать с применением насилия, принуждения»¹¹.

Такие характеристики, конечно же, отрицать нельзя, однако в рамках народовластия акцент следует сместить на то, что народ государства сам создает власть, естественно, усматривая в ней не столько негативные факторы (иначе он повсеместно противился бы самому ее существованию), сколько организующие и гарантирующие бытие социума в рамках правового поля.

Именно в этой плоскости лежит упомянутый выше важный вопрос о взаимосвязи двух типов власти — учредительной и учреждаемой. Концепт источника власти означает, что народу имманентно присуща учредительная власть, которая посредством акта конституирования основных параметров государственного строя (принятия конституции государства) и далее посредством демократических процедур трансформируется во власть учреждаемую, делегированную созданным и периодически обновляемым по составам властным институтам — государственным, муниципальным, иным¹².

Гиперболизация негативных черт политической власти плохо соотносится с тем фактом, что народ — ее изначальный источник — с необходимостью создает ее для себя

⁸ Филиппова Н. А. Право публичного представительства // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7 (со ссылкой на: Schmitt C. Verfassungslehre. Munich : Duncker & Humblot, 1928. S. 205–235).

⁹ Хорошильцев А. И. Основные функции власти народа по отношению к государству в современном демократическом обществе // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 6.

¹⁰ Теория государства и права. Ч. 1 : Теория государства. М. : Юрист, 1996. С. 74–75.

¹¹ Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1993. С. 72.

¹² Попутно отметим, что четкая дихотомия на государственные и муниципальные властные институты, долгое время господствовавшая в государственно-правовых представлениях о «всецелой» отделенности местного самоуправления от государственной власти, претерпела диалектическую трансформацию в более полный и всесторонний системный подход с ясным конституированием единой системы публичной власти и появлением третьей «сущности» — таких властных институтов, как органы публичной

с целями организации социальной жизни и обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина (поскольку конкретная система таких гарантий — в развитие конституционно закрепленной — устанавливается в нормативных правовых актах, а их принятие (и тем более реализация) — прерогатива органов публичной власти, за исключением относительно небольшого круга актов, которые в современных государствах принимаются непосредственно народом путем референдума или иных равнозначных форм голосования, но и они реализуются в правоприменительной практике всё тех же органов.

С учетом этого власти учредительная и публичная — неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные видовые понятия власти в целом, выступающие необходимыми атрибутами демократического государства и каналами перманентной коммуникации народа и государства. Соотношение учредительной власти народа (проявляющейся прежде всего в формах прямого народовластия, отправной точкой которых служит голосование народа за принятие или изменение конституции¹³) и стабильной публичной власти (которая выражается в формах избираемых представительных органов, должностных лиц и образуемых ими иных органов) раскрывается в наиболее явном виде как раз через рассматриваемую нами категорию делегирования власти.

Конечно, история знает различные примеры, и идеализировать власть нельзя. Конституционалисты, рассуждая о природе власти, порой обращают внимание на весьма интересный по своей сути социально-психологический феномен: «Власть — явление столь привычное, что в политическом общении (в административно-служебном, семейном обиходе, в образовании

и пр.) она естественно и свободно сооружается согласованным поведением ее носителей и подвластных. Список оснований права на власть нельзя считать исчерпывающим — мало ли найдется мотивов, побуждающих признать над собою чужое господство или господствовать самому! Во всей известной истории человек непременно обнаруживал, воображал, чувствовал власть и присваивал права на нее то себе, то другим субъектам — и вымышленным, и реальным»¹⁴. Однако тем важнее в современном понимании делегирования власти народом создаваемым органам стремиться к усилению осознанного, ответственного отношения к формированию такой власти, которая реализовывала бы наиболее конструктивные сценарии организации общественной жизни.

Обращение к социально-психологическим основаниям власти в обществе и государстве является необходимым методологическим подходом для всестороннего понимания ее сущности в рамках организации всей системы делегирования. Созвучно приведенным выше рассуждениям С. Д. Князева и К. В. Арановского высказывался и В. Т. Кабышев: «В уважении, признании власти заключается ее социально-психологический феномен. Жажда власти, властелюбие, административный восторг, упоение властью — всё это является следствием влияния власти и проявлением психологии властвования»¹⁵. Здесь позволим себе указать на то, что, как представляется, принципиальное отличие конституционно-правовой концепции *ответственного* делегирования власти от как такового делегирования заключается именно в стремлении к купированию негативных аспектов, подобных упомянутым процитированными выше учеными, и повышению конструктивной синергии совместных усилий народа и госу-

---

власти федеральной территории (см.: ст. 10 Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» // СЗ РФ. 2020. № 52. Ст. 8583); именно поэтому мы и написали также об иных властных институтах, не ограничившись лишь государственными и муниципальными.

¹³ Здесь, безусловно, следует оговориться, что этот тезис не относится к октроированным конституциям, тематика которых достойна отдельного исследования. Речь идет о принятии конституционных положений через голосование народа как реализацию его учредительной власти. Заметим, что обращение к общероссийскому голосованию при масштабных конституционных поправках в нашей стране в 2020 г. демонстрирует отношение на государственном уровне (прежде всего со стороны главы государства) к такому способу как к более прогрессивной форме легитимации конституционных установлений в рамках общего механизма делегирования власти народом Российской Федерации.

¹⁴ Князев С. Д., Арановский К. В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16.

¹⁵ Кабышев В. Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2. С. 13.

дарства через формирование и развитие личного ответственного отношения каждого гражданина.

В. Т. Кабышев также писал: «Именно социально-психологический подход к исследованию механизма властвования помогает уяснить природу и сущность процесса властвования. Уяснив это, мы сможем управлять данным процессом, прогнозировать дальнейшее планомерное совершенствование общества»¹⁶. Для этого исключительно важно обращение через призму социальной, политической и правовой психологии к категориям правосознания и правовой культуры в части отношения к власти и ее делегированию.

Народ. Нельзя не вспомнить известное понимание народа как физического субстрата государства¹⁷: без него государства как такового просто не может существовать. Народ и власть входят в число основных признаков государства, а в контексте исследуемой нами проблематики уместно рассматривать их как двуединый признак, совмещающийся в плоскости народовластия и делегирования власти народом. Учреждая публичную власть, народ конституирует саму конструкцию современного демократического государства. Потому он и обладает статусом *источника власти*, каковой является отправной точкой делегирования. Хорошо структурировал это понимание В. А. Черепанов, по мнению которого «источником власти является субъект права, обладающий правовой возможностью учреждать саму власть в целом путем принятия учредительного документа и формировать органы этой власти. В данном определении выделены два основных правомочия субъекта права, при одновременном обладании которыми он может считаться источником власти: а) учреждение власти путем принятия учредительного документа, б) формирование органов власти»¹⁸.

С вышеописанной категорией власти народ связан не только через концепт ее источника,

но и через другой, не менее значимый концепт *народного суверенитета*. Как отмечал академик О. Е. Кутафин, «народный суверенитет выражается прежде всего в том, что народу принадлежит учредительная власть»¹⁹. В свою очередь, В. И. Фадеев писал: «Носителем суверенитета в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который выступает как единый субъект, объединяющий всех граждан, имеющих равную правовую связь с государством независимо от национальной принадлежности, социального положения и других обстоятельств. Признание народа носителем суверенитета означает, что именно народ как единое целое является основой государственности, источником власти в государстве, что он обладает верховенством в решении вопросов устройства государства и общества, учреждении системы публичной власти»²⁰.

При этом народный суверенитет вовсе не безграничен. Б. С. Эбзеев справедливо указывает: «В основе правового государства лежит народный суверенитет; юридический догмат народной воли, выдвинутый в период борьбы с абсолютизмом и как противовес ему, хотя и претерпел в течение более чем двух столетий серьезные изменения (от “Народ в правовой сфере может все” до “Народ в правовой сфере может не все, ибо пределы его суверенитета ограничены правами и свободами человека и гражданина”), продолжает оставаться краеугольной основой современного государства и права»²¹. Народ, обладая учредительной властью и своим суверенитетом, вместе с тем, учреждая конституционные положения, включая нормы о правах и свободах, их гарантиях и защите и делегируя власть легитимным органам, тем самым вводит в правовые рамки и ограничивает не только государственную систему, но и самого себя. В этом смысле современный *народ* — это коллективная правовая личность государства, подобно личности индивидуальной обладающая как правами и

¹⁶ Кабышев В. Т. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юристъ, 2001. С. 320.

¹⁸ Черепанов В. А. Народ как субъект конституционно-правовых отношений: продолжение дискуссии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.

¹⁹ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. С. 230.

²⁰ См.: Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством д-ра юрид. наук, профессора Е. И. Козловой к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., доп., перераб. и уточн. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2009. С. 19.

²¹ Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма.

свободами, так и обязанностями, а также ответственностью.

В исследованиях справедливо обращается внимание и на то, что «народный суверенитет не может выражаться хаотично, он требует правовой организации. В качестве ее базовых основ выступает конституционное регулирование системы и статуса выборных органов государства: порядка их формирования, деятельности и прекращения полномочий»²². Данные тезисы показывают (и мы с этим склонны согласиться), что народный суверенитет, по сути, организован, формализован и целеустремлен через механизм делегирования власти, ибо таковое осуществляется именно в строгих конституционных и законодательных рамках системы формирования и организации деятельности легитимных органов публичной власти, включая их периодическую сменяемость, обновление составов (а периодичность выборов — один из важнейших объективных принципов избирательного права).

Третий концепт, тоже служащий связующим звеном между народом и властью на пути ее делегирования, — это понятие *воли народа*. Процесс делегирования в своей основе является императивным: происходит целенаправленное указание, обязательное по своей природе, т.е. формируется воля народа, которая выражается через конкретное волеизъявление (любое голосование, в том числе за проект конституции или конституционных поправок, за тот или иной вопрос, вынесенный на референдум, за кандидата, список кандидатов на выборах и т.д., опосредует именно волеизъявление участников соответствующей демократической процедуры). С учетом этого в воле народа можно усмотреть, во-первых, взаимосвязь с волей государства, во-вторых, основу легитимации формируемых органов.

На взаимосвязь народной и государственной воли русские государствоведы обращали внимание давно. Как писал ординарный профессор Московского университета А. С. Алексеев еще в 1892 г., «государство существует само

по себе и притом не как абстрактное понятие, а как реальное явление; и воля этого государства не пустая фикция, а очень внушительная действительность, находящая свое выражение в желаниях и стремлениях народа, в его идеалах и практических целях. Эта воля государства не есть только нравственная сила, которая влияет на решения и повеления носителя верховной власти; все устройство государства, все его учреждения рассчитаны на то, чтобы быть проводниками и истолкователями этой воли»²³.

Конечно, в монархическом государстве ракурс видения государственной воли и ее соотношения с чаяниями народа был иным, но стоит ли говорить, что в современном демократическом правовом государстве с республиканской формой правления тезис о взаимосвязи этих двух волей гораздо более актуален? Интересно и то, что он может быть выведен даже за сугубо национальные рамки — на межгосударственный уровень. Как пишет Н. С. Бондарь, «суверенная воля народа, получающая юридическое выражение в государственном суверенитете, является основанием для утверждения и реализации фундаментальных социальных ценностей как в правовой системе государства и национальной системе конституционной демократии, так и в системе международного права, которое представляет собой продукт межгосударственного общения, то есть в конечном счете продукт согласованной воли облеченных в государственную форму равноправных и суверенных народов»²⁴.

Три вышеуказанных концепта являются, по сути, триединой характеристикой народа в его понимании как коллективной публично-правовой личности государства. Их неразрывная взаимосвязь подчеркивается учеными в предметных исследованиях. Например, отмечается, что «воля народа — это его неотъемлемая характеристика как носителя суверенитета и единственного источника власти, то качество, которое позволяет говорить о нем как о деятельном участнике конституционно-правовых отношений»²⁵.

²² Астафичев П. А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

²³ Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. Второе студенческое издание. М., 1892. С. 109.

²⁴ Бондарь Н. С. Конституционное право как фундаментальная ценность демократического правового государства (по мотивам научного наследия академика О. Е. Кутафина) // Lex russica. 2010. Т. 69. № 2. С. 263.

²⁵ Зенин С. С. Воля народа в конституционно-правовой парадигме народовластия // Lex russica. 2017. № 1. С. 32.

При всем этом ни воля, ни суверенитет народа, ни его статус как источника власти не дают оснований для безграничной свободы усмотрения в созидании или разрушении государства, поскольку нерушимым ограничителем призвано выступать право — основной социальный регулятор. Правовой характер государства, современный конституционализм по самой своей сути означают отсутствие хаоса безграничного всевластия народа и наличие упорядоченности делегирования власти народом. Но конституционные установления и правовые нормы в целом — это внешний, объективный ограничитель. Есть ли что-то, что играет в процессе делегирования власти роль внутреннего «балансира»?

Исследователи задаются совершенно справедливыми вопросами на эту тему. Например, Н. М. Добрынин пишет: «Но как определить ту черту, при пересечении которой полномочия и суверенитет народа, будучи сугубо правовыми явлениями, могут трансформироваться в нечто антиправовое?» — и отвечает: «Мы убеждены, что эта черта может быть определена прежде всего путем обращения к вопросам правосознания и правовой культуры. Именно они определяют меру нормальности поведения людей в границах правопорядка и именно ими, их качеством обеспечивается сущность этого правопорядка (степень его конституционности), а равно и мера нетерпимости социума к каким бы то ни было проявлениям произвола, ущемлений, дискриминации»²⁶. Это созвучно нашим рассуждениям о том, что лежит в основе именно ответственного отношения народа и каждого гражданина к делегированию власти.

Ответственное отношение. Интеллектуальные, психологические, волевые, моральные компоненты участия в управлении делами государства, в делегировании власти имеют огромное значение: именно они во многом определяют качество народовластия и служат в совокупности показателем уровня политического развития общества.

Не случайны такие оценки: «Фактически умение делать выбор приоритетов — показатель политической и в публично-правовом аспекте правовой культуры общества. С сожалением можно констатировать, что в этом плане правовая культура российского общества еще далека от совершенства»²⁷. Правовая и политическая культура, правосознание — как индивидуальное, так и общественное — вот те идеальные сферы, в которых формируется и развивается ответственное отношение к делегированию властных полномочий, формированию профессиональных составов органов публичной власти и осознание собственной меры внутренней ответственности за процессы, происходящие в политической, социально-экономической и иных сферах. Противоположность ответственному отношению — отношение безразличное (в хрестоматийных примерах выражающееся в установках вроде «да зачем ходить на выборы, без меня всё уже решено»). Подобное отношение является почвой для накопления социальной напряженности, поскольку порождает недовольство действиями «какой-то власти, выбранной кем-то» — когда граждане фактически отделяют себя от органов публичной власти и от результатов их деятельности.

Дефицит позитивной ответственности граждан за происходящее в стране и обществе обращает на себя внимание. В работах политологов высказываются опасения: «Ослабевают роль и влияние исторических ценностей (особенно важных для России) и традиции / традиционности как фрейма и отправной точки формирования идентичности, уровня патриотизма и личной ответственности граждан»²⁸. Предвидя возражения, уточним, что речь идет не о периодах, когда происходит сплочение общества на фоне существенных угроз (наше время знает такие примеры), а об обычной социальной жизни, повседневности социума, в которой и проявляют себя маркеры чрезмерного индивидуализма и атомизации общества, о которой говорилось уже давно и немало.

²⁶ Добрынин Н. М. О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 45.

²⁷ Сивицкий В. А. Некоторые проблемы реализации права граждан на участие в управлении делами государства на современном этапе // Конституционное право и политика : сборник материалов международного науч. конференции. Юридический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 28–30 марта 2012 г. / С. А. Авакьян, Д. С. Агапов, Н. И. Акуев [и др.] ; отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юрист, 2012.

²⁸ Цветкова О. В. Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 4 (30). С. 98.

В противовес этому в настоящее время серьезное внимание на государственном уровне справедливо уделяется тематике формирования гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности²⁹. Мы, в свою очередь, обратим внимание на то, что социальная ответственность личности проявляется и в политической сфере. Более того, стремясь к новым горизонтам, следует ставить вопрос о концепции *эволюционирующего менталитета* в современном и перспективном информационном обществе, в рамках которого ответственное и неравнодушное политическое участие, заинтересованная вовлеченность в управление делами государства становятся неотъемлемой частью жизни личности в социуме, чему способствует и будет способствовать развитие интерактивных коммуникаций в пространстве «личность — общество — государство» (примерами которых в наше время уже служат развивающийся инструментальный дистанционного электронного голосования, мобильные сервисы и приложения для донесения своей позиции до конкретных органов публичной власти и т.п.). Повышение уровня позитивной ответственности в сфере делегирования власти, осознанности конструктивных коммуникаций с публичной властью служит важным показателем развития современного общества, в том числе в аспекте его политической и правовой культуры.

Именно поэтому мы утверждаем, что категория ответственности делегирования (и прилагательное «ответственное») является атрибутивным свойством предложенной конституционно-правовой концепции; ответственное делегирование отличается от просто делегирования так же, как правовое государство от государства, а развитое гражданское общество от общества.

О гранях соотношения с народовластием. Необходимо сделать также пару оговорок относительно взаимосвязи и взаимных границ понятий народовластия (демократии) и ответственного делегирования власти народом. Эти категории не тождественны. Демократия представляет собой важный принцип организации взаимоотношений народа с государством и соответствующий политический режим³⁰. В видовом отношении демократию принято делить на непосредственную и представительную, каждая из которых реализуется через соответствующие формы (выборы, референдумы, иные формы голосования и деятельность представительных органов соответственно).

Делегирование же власти народом простирается несколько дальше, чем собственно реализация участия в непосредственном народовластии и представительство интересов народа только избранными представительными органами публичной власти. Вся система публичной власти получает свои институцио-

²⁹ Например, в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884 (утратил силу)) говорилось в том числе о создании условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; в Указе Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 6. Ст. 966) одним из показателей названы «условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности»; в новом Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584) в качестве одной из национальных целей указано «воспитание патриотичной и социально ответственной личности».

³⁰ Оговоримся здесь, что этим, конечно же, не ограничивается великое многообразие подходов к сущности демократии в разных ее аспектах и проявлениях: ее рассматривают и как одну из форм государственного устройства, и как политическое мировоззрение, и как политическую ценность, и как политический процесс и т.д. (см. подробнее, например: Нудненко Л. А. Теория демократии. М.: Юрист, 2001. С. 8–13). Однако в цели настоящего исследования не входит подробный анализ столь разнообразных взглядов на демократию; мы ограничиваемся лишь теми аспектами, которые достаточны для понимания соотношения с делегированием власти народом, тем более что, как совершенно справедливо отмечал М. Н. Марченко, «у такого сложного, многостороннего и внутренне противоречивого явления и понятия, как “демократия”, нет и не может быть простого и к тому же “единственно правильного” определения и представления» (Марченко М. Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5. С. 15).

нализацию и легитимность благодаря делегированию власти народом. Таким образом, рассматриваемая концепция *расширяет понимание народовластия*, способствует его эволюции, показывает дополнительные сферы отношений, на которые оно в современном конституционно-правовом поле должно распространяться.

Ключевая мысль заключается в том, что за пределами традиционно понимаемого народовластия в совокупности его механизмов непосредственной и репрезентативной демократии (т.е. вне уже собственно выборного формирования и деятельности представительных органов и избираемых должностных лиц) продолжает действовать комплексный механизм делегирования власти народом, проявляющийся уже в том, что органы и должностные лица, сформированные посредством выборов, в свою очередь, формируют все остальные органы публичной власти, которые тем самым получают свою изначальную легитимность из того же источника — от обладающего учредительной властью народа, делегирующего власть всем органам и должностным лицам.

Такой подход дает понимание того, что волей народа должны определяться содержание и направления деятельности не только представительных органов, но и, например, всей системы органов исполнительной власти. Это, в свою очередь, обуславливает ориентированность деятельности данной системы на повышение качества государственного управления для блага граждан, что концептуально продвигает в настоящее время Правительство РФ через концепцию «Государство для людей», воплощаемую в рамках одноименного федерального проекта³¹ и иных перспективных организационно-управленческих механизмов.

Аксиоматика концепции ответственного делегирования власти народом. В основе развиваемой нами концепции с учетом уже изложенного в настоящей и других работах лежит ряд исходных положений, которые по своей сути могут считаться аксиомами, т.е. утверждениями, не требующими дальнейших дока-

зательств ввиду наличия по ним достаточного научного консенсуса.

1. Народ является источником власти в современных³² демократических государствах. Соответственно, властные полномочия у органов и должностных лиц могут возникать только как делегированные из этого источника.

2. Народный суверенитет системно взаимосвязан с государственным суверенитетом; данная взаимосвязь опосредована статусом народа как носителя суверенитета. Соответственно, делегирование власти народом легитимно формируемым органам выступает актом подтверждения и укрепления государственного суверенитета.

3. Народовластие является правовым и организационным принципом взаимоотношений народа и государства в лице органов публичной власти. По своей природе оно представляет собой правовое состояние — комплексное длящееся правоотношение, дающее постоянные прочные основания для разветвленной системы конкретных правоотношений, в рамках которых реализуются политические права и свободы граждан, функционируют непосредственная демократия и представительные органы.

4. Демократический способ формирования органов публичной власти — это ценный продукт развития человеческой цивилизации, доказавший свою эффективность и обладающий потенциалом дальнейшего совершенствования в рамках развития концепции ответственного делегирования власти народом. Как справедливо отмечала заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Е. И. Козлова в предисловии к моему курсу лекций «Избирательное право России», «выборы представляют собой одну из безусловных базовых ценностей современной российской государственности, незыблемых основ конституционного строя России. Провозгласив свободные выборы наряду с референдумом высшим непосредственным выражением власти народа, Конституция РФ возвела их в ранг необходимого условия существования и функционирования механизма демократии в нашей стране»³³.

³¹ См.: Федеральный проект «Государство для людей» // URL: <https://государстводлялюдей.рф/> (дата обращения: 01.09.2024).

³² Оговорка «в современных» требуется для оставления за скобками теократической теории происхождения государства, которая выполнила свою историческую миссию на определенных этапах, но в настоящее время, пожалуй, уже представляет исключительно исторический интерес.

³³ Козлова Е. И. Предисловие // Головин А. Г. Избирательное право России : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 11.

5. Статус народа как источника власти и носителя суверенитета, правовое состояние народовластия применительно к каждому гражданину трансформируются и выражаются через посредство его личного участия в делегировании власти в рамках демократических процедур принятия государственно значимых решений и формирования органов публичной власти (прежде всего референдума и свободных выборов).

6. Важной целью и принципом является восприятие каждым гражданином своего участия в делегировании власти народом как конституционной ценности и формирование максимально ответственного отношения к такому участию.

С учетом изложенных исходных положений концепция ответственного делегирования власти народом призвана расширять рамки привычного констатирующего понимания народовластия, предлагая новые смыслы и возможные как научно-теоретические, так и практические конструкции построения публичной власти, основанные на эволюционирующих подходах к эффективному делегированию власти.

К научной дискуссии может быть предложена конструкция **профессиодемократии** (на основе лат. *professio* — официального указания занятия, профессии, т.е., как мыслится, демократии, сочетаемой с элементами профессионализации подбора представителей и управленцев) как синтеза подлинной демократии в традиционном ее понимании и рационального отбора управленческих кадров по продуманным профессиональным критериям, встроенного в рациональные механизмы ответственного делегирования власти народом в Российской Федерации³⁴.

Речь ни в коей мере не идет о подмене демократических процедур чисто профессиональной селекцией — имеется в виду только продуманное дополнение соответствующих механизмов такими рациональными, условно говоря, фильтрами и направляющими, которые способствовали бы прохождению в состав формируемых органов публичной власти наиболее компетентных кадров.

Думается, для всех сейчас очевидно, что с момента зарождения права на участие в управлении делами государства эти самые дела пре-

терпели существенную трансформацию в сторону усложнения: невероятно усложнились сфера государственного управления, информационная, цифровая составляющие социального бытия, экономические отношения, в том числе в свете международного разделения труда и глобализации, эволюции финансовой системы, наука и техника, сферы промышленности и энергетики и многое-многое другое, в чем в той или иной степени необходимо разбираться людям, активно участвующим в управлении делами государства. Поэтому требуется определенный, всё более высокий уровень компетентности, чтобы эффективно действовать при управлении такими делами. Вместе с тем если для избирателей желательно хотя бы в целом ориентироваться в тенденциях и происходящих процессах для того, чтобы делать максимально осознанный выбор, то от депутатов и профессиональных управленцев мы ждем уже такого уровня, который позволит даже в самых сложных сферах принимать решения, наиболее продуманные и эффективно служащие задачам повышения качества жизни граждан, развития страны и общества, обеспечения национальной безопасности и правопорядка. Как видится, для решения этих задач своевременно и актуально ставить вопрос о внедрении механизмов, повышающих изначальный уровень компетентности формируемых органов публичной власти, что и приводит к мысли о синтетической конструкции профессиодемократии, органично сочетающей лучшие практики народовластия с требованиями максимальной профессионализации государственного и муниципального управления с целью повышения его качества на благо людей.

Подчеркнем, что элементы профессионального отбора управленческих кадров уже являются реальностью современного подхода к формированию и развитию кадрового резерва (в широком смысле) для государственной и муниципальной службы, государственных и муниципальных должностей («школы» мэров и губернаторов — образовательные проекты для потенциальных управленцев соответствующих уровней, конкурс «Лидеры России», программа «Время героев», развитие института наставничества на государственной службе и т.д.). Можно дискутировать по поводу конкретных пара-

³⁴ Объем настоящей статьи не позволяет в полной мере раскрыть совокупность идей, которые формируют данную конструкцию, а потому здесь мы ограничимся рядом общих рассуждений и одним конкретным законодательным предложением, имея в виду, что в дальнейших исследованиях эта тема будет развиваться и конкретизироваться.

метров и их донастройки, но перспективность такого подхода очевидна. Его можно и нужно совершенствовать, ставить на новые «рельсы», отвечающие сложным реалиям и вызовам развивающейся социальной, экономической и политической действительности. Задача правовой, в том числе конституционно-правовой, науки — найти для этого наилучшие правовые средства и решения.

В частности, может быть предложена к рассмотрению следующая законотворческая идея. В настоящее время в соответствии с ст. 61 и 63 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³⁵ в помещении для голосования либо непосредственно перед ним участковая избирательная комиссия оборудует информационный стенд, на котором размещает, в частности, биографические данные кандидатов в объеме, установленном комиссией, организующей выборы, но не меньшем, чем объем биографических данных, внесенных в бюллетень, а бюллетень содержит, в частности, следующие сведения о каждом из зарегистрированных кандидатов: основное место работы или службы, занимаемая должность (род занятий); если кандидат является депутатом, но работает на непостоянной основе, — сведения об этом одновременно с указанием наименования представительного органа; в установленных случаях — его принадлежность к политической партии, иному общественному объединению.

Этого, по замыслу законодателя, достаточно для понимания избирателями профессиональной сферы деятельности и политической ориентации кандидата. В целом это так: не вызывает сомнений обоснованность указания такой информации. Вместе с тем представляется, что ее круг в части карьерного пути, профессиональных уровня, качеств и достижений кандидатов следовало бы расширить. Подчеркнем:

речь ни в коем случае не идет об ограничении чьего-либо пассивного избирательного права по профессиональному признаку; здесь не затрагивается вопрос избирательных цензов. Но представляется важным, чтобы при выдвижении кандидат указывал о себе больше сведений, отражающих именно его профессиональный опыт, знания и достижения, и именно такая информация — объективная, достоверная и беспристрастная — доводилась до избирателей официальным путем, что будет способствовать формированию более полного представления у граждан об уровне компетентности потенциального депутата, выборного должностного лица. Необходимо проработать четкий перечень данных сведений и обеспечить механизмы, позволяющие избирателям в удобной для них форме иметь заблаговременный доступ к указанной информации. Представляется, что это может способствовать как более осознанному выбору со стороны граждан, так и прохождению в формируемые органы публичной власти более компетентных профессиональных кадров, а кроме того, повышению личной ответственности за профессиональный уровень и качество работы формируемых органов у граждан, реализующих как пассивное, так и активное избирательное право.

Реалии современного информационного общества, развивающегося многополярного мироустройства и весьма сложной геополитики на фоне серьезных вызовов и угроз диктуют особую важность ответственного личного участия каждого гражданина в реализации народного суверенитета, управлении делами государства, обеспечении постоянного конструктивного взаимодействия общества и публичной власти. Именно это и дает концепция ответственного делегирования власти народом, заслуживающая, по нашему убеждению, дальнейшего научного исследования, развития и практического воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. Второе студенческое издание. М., 1892. 485 с.

Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1993. 223 с.

Астафичев П. А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19–23.

³⁵ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

Бондарь Н. С. Конституционное право как фундаментальная ценность демократического правового государства (по мотивам научного наследия академика О. Е. Кутафина) // *Lex russica*. 2010. Т. 69. № 2. С. 260–295.

Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // *Государство и право*. 2022. № 1. С. 34–45.

Головин А. Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 5. С. 71–88.

Головин А. Г. Основы построения и тенденции развития системы избирательного законодательства в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 245 с.

Добрынин Н. М. О сущности российского конституционализма // *Российский юридический журнал*. 2020. № 4. С. 40–51.

Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 3. С. 35–46.

Зенин С. С. Воля народа в конституционно-правовой парадигме народовластия // *Lex russica*. 2017. № 1. С. 24–34.

Кабышев В. Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. № 2. С. 9–17.

Князев С. Д., Арановский К. В. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение // *Конституционное и муниципальное право*. 2007. № 16. С. 21–34.

Козлова Е. И. Предисловие // Головин А. Г. Избирательное право России : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 351 с.

Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юрист, 2001. 444 с.

Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. 544 с.

Марченко М. Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // *Государство и право*. 2014. № 5. С. 14–24.

Нудненко Л. А. Теория демократии. М. : Юрист, 2001. 95 с.

Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством д-ра юрид. наук, проф. Е. И. Козловой к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., доп., перераб. и уточн. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2009. 383 с.

Сивицкий В. А. Некоторые проблемы реализации права граждан на участие в управлении делами государства на современном этапе // *Конституционное право и политика : сборник материалов международной научной конференции. Юридический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 28–30 марта 2012 г.* / С. А. Авакьян, Д. С. Агапов, Н. И. Акуев [и др.] ; отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. С. 158–164.

Теория государства и права. Ч. 1 : Теория государства. М. : Юрист, 1996. 256 с.

Филиппова Н. А. Право публичного представительства // *Конституционное и муниципальное право*. 2010. № 7. С. 17–24.

Хорошильцев А. И. Основные функции власти народа по отношению к государству в современном демократическом обществе // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 2. С. 6–9.

Цветкова О. В. Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2023. № 4 (30). С. 97–103.

Черепанов В. А. Народ как субъект конституционно-правовых отношений: продолжение дискуссии // *Конституционное и муниципальное право*. 2016. № 11. С. 13–18.

Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // *Журнал российского права*. 2020. № 11. С. 30–44.

Эбзеев Б. С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма // *Конституционное и муниципальное право*. 2013. № 11. С. 14–23.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. 336 с.

Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1997. 349 с.

Schmitt C. *Verfassungslehre*. Munich : Duncker & Humblot, 1928. 404 S.

REFERENCES

- Alekseev AS. Russian state law. Lecture summary. Second Student Edition. Moscow; 1892. (In Russ.).
- Alekseev SS. Theory of Law. Moscow: Bek Publ.; 1993. (In Russ.).
- Article-by-article scientific and practical commentary to the Constitution of the Russian Federation drafted by a team of scholars from Kutafin Moscow State Law Academy (Moscow State Law Academy) under the guidance of Dr. Sci. (Law), Prof. E.I. Kozlova. 3rd ed. Moscow: «Rossiyskaya Gazeta» Library; 2009. (In Russ.).
- Astafichev PS. Democracy as a basis for the doctrine of constitutionalism and constitutional system of a contemporary state. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;7:19-23. (In Russ.).
- Bondar NS. Constitutional law as a fundamental value of a democratic rule of law (based on the scientific heritage of academician O. E. Kutafin). *Lex russica*. 2010;69(2):260-295. (In Russ.).
- Cherepanov VA. On legal issues of the alternation of power. *Journal of Russian Law*. 2020;11:30-44. (In Russ.).
- Cherepanov VA. People as a party to constitutional and legal relationship: continued debate. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;11:13-18. (In Russ.).
- Dobrynin NM. On the nature of Russian constitutionalism. *Russian Juridical Journal*. 2020;4:40-51. (In Russ.).
- Dudko IG. Modern concepts in Russian constitutional law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(3):35-46. (In Russ.).
- Ebzeev BS. Constitution, power and freedom in Russia: experience of synthetic research. Moscow; 2014. (In Russ.).
- Ebzeev BS. Constitution, state and personality in Russia: philosophy of Russian constitutionalism. *Constitutional and Municipal Law*. 2013;11:14-23. (In Russ.).
- Ebzeev BS. Constitution. Rule of Law. Constitutional Court. Moscow; 1997. (In Russ.).
- Filippova NA. The Right to Public Representation. *Constitutional and Municipal Law*. 2010;7:17-24. (In Russ.).
- Golovin AG. Constitutional principles of the delegation of power by the people in the Russian Federation: the search for a concept. *The State and Law*. 2022;1:34-45. (In Russ.).
- Golovin AG. Fundamentals of building and trends in the development of the electoral legislation system in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Golovin AG. Interrelationship between civil society and public power in the context of the concept of delegation of power by the people. *Lex russica*. 2022;75(5):71-88. (In Russ.).
- Kabyshev VT. Psychology of authority in the tradition of Russian constitutionalism. *Citizen. Elections. Authority*. 2019;2:9-17. (In Russ.).
- Khoroshiltsev AI. The main functions of the power of the people in relation to the state in a modern democratic society. *Constitutional and Municipal Law*. 2013;2:6-9. (In Russ.).
- Knyazev SD, Aranovskiy KB. Political Representation and Elections: The Public-Legal Nature and Ratio. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;16:21-34. (In Russ.).
- Kozlova EI. Preface. In: Golovin AG. Election Law. Course of Lectures. 2nd ed. Moscow: Norma Pub, 2009. (In Russ.).
- Kutafin OE. Russian Constitutionalism. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
- Kutafin OE. The subject matter of constitutional law. Moscow: Yurist; 2001. (In Russ.).
- Marchenko MN. Democracy as an attribute of a legal state and its imperfections. *The State and Law*. 2014;5:14-24. (In Russ.).
- Nudnenko LA. Theory of democracy. Moscow: Yurist Publ.; 2001. (In Russ.).
- Schmitt C. Verfassungslehre. Munich: Duncker & Humblot; 1928.
- Sivitskiy VA. Some problems of realizing the right of citizens to participate in the management of state affairs at the present stage. In: Avakyan SA (ed.), Agapov DS, Akuev NI, et al. *Constitutional law and politics: Proceedings of the International Scientific Conference*. Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, March 28–30, 2012. Moscow: Yurist Publ.; 2012. (In Russ.).
- Theory of the State and Law. Part 1: Theory of the state. Moscow: Yurist Publ.; 1996. (In Russ.).
- Tsvetkova OV. National and civic identity: problems of formation in Russia. *Citizen. Elections. Authority*. 2023;4(30):97-103. (In Russ.).
- Zenin SS. The will of the people in the paradigm of constitutional law. *Lex russica*. 2017;1:24-34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, начальник отдела мониторинга законодательных инициатив и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
д. 26, Большая Дмитровка ул., г. Москва 103426, Российская Федерация
aggolovin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexei G. Golovin, Cand. Sci. (Law), the RF State Adviser of 3rd class, Head of the Department for Monitoring Legislative Initiatives and Systematization of Legislation, Legal Department, Office of the Federation Council, Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
aggolovin@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 20.04.2024.

Revised 14.02.2025.

Accepted 15.02.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.066-085

И. В. Чечельницкий

Рабочий аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях

Резюме. Предметом статьи являются понятие и функции, а также основные задачи института уполномоченных по правам человека. Автором исследованы имеющиеся в современной юридической науке и практике взгляды на понятие института уполномоченных по правам человека. Предложена дефиниция и разработана классификация функций этого важного института государственной правозащитной деятельности. Выделены его следующие основные функции: защитная, экспертная, медиативная, контрольная, просветительская, эвристическая, аксиологическая, координационная. Проведен анализ основных задач института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях, а также в государствах — участниках БРИКС. Определены четыре основные задачи в деятельности института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: рассмотрение обращений граждан; совершенствование законодательства; правовое просвещение; международное сотрудничество, а также более 10 дополнительных. Анализ нормативных правовых актов и практической деятельности института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации, а также законодательства зарубежных государств об омбудсменах позволил автору выявить современные тенденции развития данного правозащитного механизма и предложить перспективы его совершенствования.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека; омбудсмен; функции; задачи; гражданин; государственный защитник; правозащитная деятельность; право; государство; общество; БРИКС

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 66–85. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.066-085

The Institution of Commissioners for Human Rights: Ways to Improve the Efficiency of Functioning in Modern Conditions

Ilya V. Chechelnitskiy

Office of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to examining the concept and functions, as well as the main tasks of the institution of ombudsmen for human rights. The author examined the views of modern legal science and practice on the concept of the institution of ombudsmen for human rights. The paper provides a definition and a classification of the functions of this important institution of state human rights activities. The author proposes to distinguish the following main functions: protective, expert, mediative, control, educational, heuristic, axiological, and coordinating. The author analyzed the main tasks in the activities of the institution of ombudsmen for human rights in the Russian Federation at the federal and regional levels, as well as in the BRICS member states. The author proposed to identify four main tasks in the activities of the Institute of Ombudsmen for Human Rights in the Russian Federation: consideration of citizens' appeals; improving legislation; legal education; international

© Чечельницкий И. В., 2025

cooperation, as well as more than 10 additional ones. An analysis of the normative legal acts and practical activities of the institution of ombudsmen for human rights in the Russian Federation, as well as the legislation of foreign states on ombudsmen, allowed the author to highlight modern trends in the development of this human rights mechanism and offer prospects for its improvement.

Keywords: Commissioner for Human Rights; Ombudsman; functions; tasks; citizen; public defender; human rights activities; right; State; society; BRICS

Cite as: Chechelnitziy IV. The Institution of Commissioners for Human Rights: Ways to Improve the Efficiency of Functioning in modern conditions. *Lex russica*. 2025;78(3):66-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.066-085

Введение

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются конституционной обязанностью органов публичной власти в современной России. Это важнейшее положение Конституции РФ призвана реализовать мощная правозащитная система органов публичной власти под руководством Президента РФ. Основную роль в данном механизме играют органы исполнительной власти, судебные органы и прокуратура. Однако нередко бывает так, что человек не находит там справедливости. И тогда у него есть дополнительный механизм защиты прав в лице института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации (далее — институт уполномоченных). Обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдение и уважение органами публичной власти — основное предназначение института уполномоченных¹. При этом необходимо согласиться с тем, что далеко не для всех законодательно установленных гарантий существуют добротные механизмы их реализации².

Необходимо отметить, что в соответствии с действующим законодательством институт уполномоченных состоит из двух уровней: Упол-

номоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) и его рабочего аппарата на федеральном уровне и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации с их аппаратами.

Правовой статус Уполномоченного закреплен в ст. 103 Конституции РФ, а также в Федеральном конституционном законе от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»³ (далее — Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ).

Региональный уровень данного института государственной защиты прав человека представлен 89 уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации и нашел правовое регулирование в Федеральном законе от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»⁴ (далее — Федеральный закон № 48-ФЗ), а также в соответствующих законах субъектов Российской Федерации⁵.

На международном уровне правовой статус уполномоченных по правам человека урегулирован утвержденными Генеральной Ассамблеей ООН в 1991 г. Принципами, касающимися статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы)⁶.

¹ См.: Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 25.

² См.: Черников В. В. Гарантии прав человека в полицейском законодательстве России: вопросы закрепления и реализации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 163.

³ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640.

⁵ Закон г. Москвы от 15.04.2009 № 6 «Об Уполномоченном по правам человека в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 29. 26.05.2009 ; Закон Санкт-Петербурга от 17.07.2020 № 357-79 «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>. 22.07.2020 ; Закон Луганской Народной Республики от 28.09.2023 № 1-І «Об Уполномоченном по правам человека в Луганской Народной Республике» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8100202310020003>.

⁶ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы) (утв. Резолюцией от 20.12.1993 48/134 Генеральной Ассамблеи) //

Понятие института уполномоченных по правам человека

Анализу института уполномоченных в современной юридической науке уделяется немало внимания. Он является предметом изучения ученых различных отраслей права⁷, ему посвящены диссертационные исследования⁸.

Вместе с тем без новых общетеоретических правовых доктрин создание качественного законодательства и современная юрисдикционная практика невозможны. Уровень задач,

которые сейчас решает Россия, требует несоизмеримо более высокого уровня организации правовой среды и нормообеспечения инноваций⁹. В этой связи институт уполномоченных как государственно-правовой феномен нуждается в дополнительном научном осмыслении и нормативном совершенствовании.

В юридической науке существует широкая палитра взглядов на понятие института уполномоченных. Обычно он рассматривается как: — совокупность существующих на федеральном, региональном и муниципальном уровне

Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 48-я сессия. Дополнение № 49 (A/48/49). С. 369–370. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 01.09.2018).

⁷ См.: *Москалькова Т. Н.* Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав лиц, находящихся под стражей // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 2–6 ; *Она же.* Обеспечение прав участников уголовного процесса при проведении судебной экспертизы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 18–23 ; *Она же.* Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра ; *Она же.* Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 52–59 ; *Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В.* Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 41–48 ; *Руденко В. В.* Институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 155–163 ; *Матейкович М. С., Романчук И. С.* Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 45–57 ; *Колобова Т. В.* Функция координации органов публичной власти в деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2020. № 12. С. 55–58.

⁸ См.: *Колобова Т. В.* Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021 ; *Кулишенко Е. А.* Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021 ; *Чуксина В. В.* Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016 ; *Галаятдинов Б. С.* Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014 ; *Плотникова А. Э.* Структурно-организационные и функциональные особенности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013 ; *Вершинина И. Ф.* Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009 ; *Эмих В. В.* Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008 ; *Новикова А. Е.* Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007 ; *Мухаметшина С. Ш.* Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007 ; *Семенова А. Ю.* Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006 ; *Буянкина Е. С.* Становление и развитие института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006 ; *Бегаева А. А.* Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004 ; *Майоров А. Г.* Формирование правового института омбудсмена (уполномоченного по правам человека) в России и за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

⁹ См.: *Синюков В. Н., Синюков С. В.* М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке // Lex russica. 2024. № 10. С. 15.

уполномоченных по правам человека, специализированных уполномоченных (уполномоченных по правам ребенка и т.п.) — органов со специфическими целями, функциями и принципами деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации¹⁰;

— совокупность должностных лиц и единых государственных органов, не обладающих статусом органов государственной власти¹¹;

— совокупность независимых лиц, которые замещают государственные должности, осуществляют административно-правовую защиту прав и свобод человека и гражданина в спорах с субъектами государственного и муниципального управления, реализуют иные функции: государственного контроля, межведомственного взаимодействия, координации управленческой деятельности и участия в противодействии коррупции¹²;

— независимые субсидиарные структуры, интегрированные в систему публичного управления, но не обладающие юрисдикционными полномочиями (за редким исключением), создаваемые в целях предупреждения нарушений и защиты основных (конституционных) прав и имплементации общепризнанных стандартов прав человека на внутрисударственном уровне, реализующие в пределах своей компетенции принцип справедливости (в правовом и гуманистическом смысле) с учетом национальных особенностей государства¹³;

— динамичный конституционно-правовой феномен, получивший свою качественную определенность через системное единство норм, касающихся его учреждения, легализации, статутизации, функционирования и целеобусловленного трансформирования в федеральных, региональных и специализированных разновидностях¹⁴;

— взаимосвязанные конституционно-правовые нормы, регулирующие однородные обще-

ственные отношения, возникающие в связи с деятельностью уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации¹⁵;

— комплексная правовая категория, содержание которой определяется через системную совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности, адресованных ему Конституцией РФ, международными правовыми актами, федеральными конституционными законами и федеральными законами Российской Федерации, а также надлежаще обеспеченных соответствующими гарантиями¹⁶;

— самостоятельный и независимый государственный орган, призванный обеспечивать силой особого характера властного воздействия несудебную защиту прав личности¹⁷;

— институт специализированного парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами¹⁸.

Безусловно, каждый подход имеет свои сильные стороны и недостатки. Вместе с тем на современном этапе развития государственной правозащитной деятельности в России под институтом уполномоченного по правам человека следует понимать важнейший независимый элемент системы государственной защиты прав человека, обладающий полномочиями по обеспечению, продвижению, гарантированию и защите прав и свобод человека и гражданина, а также оказанию помощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, действующий на профессиональной основе в соответствии с российским законодательством, нормами и принципами международного права для улучшения государственного управления, обеспечения связи между властью и людьми и создания более справедливого правопорядка в обществе.

Целесообразно выделить следующие основные признаки института уполномоченных:

¹⁰ Семенова А. Ю. Указ. соч. С. 9.

¹¹ Эмих В. В. Указ. соч. С. 8.

¹² Колобова Т. В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. С. 10.

¹³ Чуксина В. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Кулишенко Е. А. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ Плотникова А. Э. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Новикова А. Е. Указ. соч. С. 8.

¹⁷ Мухаметшина С. Ш. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Вершинина И. Ф. Указ. соч. С. 8.

принадлежность к государственному аппарату; специфические цели и задачи; наличие специальных функций; особые полномочия (компетенции, инструменты); наличие специфических направлений деятельности; преимущественно законодательный уровень нормативного регулирования деятельности.

Функции института уполномоченных по правам человека

Под функцией традиционно понимаются значение, назначение чего-либо, направление деятельности в соответствии с назначением какой-либо организации, учреждения; задача, обязанность должностного лица и т.п.¹⁹

Функции института уполномоченных напрямую вытекают из его главной цели — установления более справедливого общественного порядка и оказания помощи людям в защите их прав и свобод. Функции связаны с теми широкими полномочиями, которыми наделил его законодатель. Исходя из современного состояния этого важного института государственной защиты прав человека, представляется возможным выделить как минимум восемь основных его функций: защитную, экспертную, медиативную, контрольную, просветительскую, эвристическую, аксиологическую, координационную.

Защитная функция заключается в реагировании, с одной стороны, на нарушения прав человека от несправедливых действий органов власти, а с другой стороны, в защите самой власти от возможных социальных потрясений, к которым может в конечном счете привести несправедливость в отношении граждан. Касательно первой части данной функции вопросов не возникнет, хотя она тоже не так однозначна: нарушения прав человека допускаются сегодня не только властью, но и частными компаниями, да и другими гражданами. Причем нередко даже более, чем государством. Вторая часть функции обычно не рассматривается исследователями, хотя изначально институт омбудсмана задумы-

вался именно для того, чтобы доносить до главы государства правду о состоянии общественных дел и настроениях. Омбудсмен выполняет важную защитную функцию не только человека, но и государства. Например, в качестве функций Федерального прокурора по правам человека Бразилии выделяется защита правопорядка, демократического режима, общественных интересов и неприкосновенных интересов личности, в частности политических прав, прав налогоплательщиков, а также коллективных прав и интересов, особенно коренных общин, семей, детей, подростков и пожилых людей²⁰. Основной целью Национального учреждения по правам человека ОАЭ являются поощрение и защита прав человека и основных свобод в соответствии с Конституцией ОАЭ, действующим в государстве законодательством, международными договорами, пактами и конвенциями²¹.

Отсюда вытекает вторая важнейшая функция института уполномоченных по правам человека — **экспертная**, которая позволяет проводить мониторинг состояния с правами человека в обществе, выявлять наиболее проблемные вопросы и выработать предложения по решению системных проблем, в том числе при участии главы государства, правительства и парламента. Например, омбудсмен Эфиопии вправе представлять доклад по вопросам недобросовестного управления и о своей деятельности в парламент.

Национальная комиссия по правам человека Индии представляет ежегодный отчет правительству Индии и правительству штата, а также специальные отчеты по любому вопросу, который, по ее мнению, имеет такую срочность или важность, что его не следует откладывать до представления ежегодного отчета. При этом правительство должно обеспечить его рассмотрение с подготовкой меморандума о действиях, предпринятых или предлагаемых по рекомендациям Комиссии, и о причинах неприятия рекомендаций, если таковые имеются²².

Государственный защитник ЮАР также представляет доклад о своей деятельности в

¹⁹ Большой толковый словарь русского языка // URL: <https://gramota.ru/meta/funktsiya> (дата обращения: 17.12.2024).

²⁰ См.: ст. 5 Дополнительного закона Бразилии от 20.05.1993 № 75 «О Федеральной прокуратуре» // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/LCP/Lcp75.htm (дата обращения: 30.11.2024).

²¹ См.: ст. 4 Федерального закона ОАЭ 2021 г. № 12 «О Национальном учреждении по правам человека» // URL: <https://nhriuae.com/en/law-12> (дата обращения: 30.11.2024).

²² См.: ст. 20 Закона Индии 1993 г. № 10 «О защите прав человека» // URL: nhrc.nic.in/sites/default/files/PHRA_Bilingual_2018.pdf (дата обращения: 25.11.2024).

парламент не реже одного раза в год, однако может представлять отчет по отдельным расследованиям и чаще при необходимости²³.

Аналогичные полномочия по подготовке отчетов о состоянии прав человека и действиях, предпринятых в этом отношении на правительственном и общественном уровнях, закреплены за Национальным советом по правам человека Египта²⁴. При этом он наделен законодательными полномочиями давать рекомендации, необходимые для поддержки институционального и технического потенциала в областях прав человека, включая техническое образование и подготовку сотрудников государственных органов, связанных с гражданскими свободами, а также экономическими, социальными и культурными правами, с целью повышения эффективности таких сотрудников²⁵.

Национальное учреждение по правам человека ОАЭ также наделено полномочиями представлять предложения, рекомендации и советы компетентным органам и учреждениям по поощрению, защите и реализации прав человека, выпускать публикации, заявления и доклады, связанные с правами человека²⁶. Кроме того, Национальное учреждение по правам человека ОАЭ должно готовить ежегодные отчеты о своих усилиях и деятельности, включающие раздел о ситуации с правами человека в государстве, а также предложения и рекомендации по защите, поощрению и продвижению прав человека в адрес президента ОАЭ, Кабинета министров и Федерального национального совета²⁷.

Омбудсмен является своеобразным «камертоном справедливости», барометром, показывающим точки возможного социального напряжения, и вместе с тем средством самоочищения системы и «выброса пара» государственным механизмом. Здесь ключевую роль играет независимость института уполномоченных от всех иных органов власти в государстве,

которая позволяет ему не только выявлять проблемы, но и, не боясь говорить о них, доносить информацию до руководства государства и тем самым обеспечивать принятие эффективных государственных решений и мер по защите прав и свобод граждан. Вместе с тем далеко не все национальные правозащитные институты обладают независимостью, а значит, способны в полной мере выполнять экспертную функцию. Так, Китайское общество исследований прав человека находится под руководством и надзором Информационного бюро Госсовета и Министерства гражданских дел Китая²⁸.

Важно отметить и **медиативную функцию** института уполномоченных — посредника между властью и обществом. Уполномоченного по правам человека можно сравнить со своеобразным «мостом» между государством и обществом. Двуединство его статуса выражается в том, что, будучи государственным органом с достаточной степенью самостоятельности, он действует как представитель гражданского общества, призванный надлежащим образом реагировать на нарушения прав человека, допущенные государственными структурами и чиновниками, и применять предоставленные ему меры воздействия²⁹.

Как государственный орган он обладает соответствующими правозащитными полномочиями и работает на профессиональной основе, что, несомненно, отличает его от институтов гражданского общества. Уполномоченный из всех органов публичной власти ближе всего к людям и призван услышать их чаяния, надежды и проблемы. Затем его задача состоит в том, чтобы четко сформулировать социальный запрос в выверенных юридических конструкциях и донести его до органов власти, которые наделены полномочиями принимать решения в форме законотворческой или правоприменительной деятельности.

²³ См.: п. «а» ст. 2 Закона ЮАР 1994 г. № 23 «О Государственном защитнике» // URL: <https://www.gov.za/documents/public-protector-act> (дата обращения: 27.11.2024).

²⁴ См.: ч. 14 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека» // URL: https://nchr.eg/Uploads/publication/en/LawNo_94of2003establishingtheNationalCouncilforHumanRights-EN1681896589.pdf (дата обращения: 30.11.2024).

²⁵ См.: ч. 12 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

²⁶ См.: ч. 3, 14 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

²⁷ См.: ст. 21 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

²⁸ Положения Китайского общества исследований прав человека // URL: <https://en.humanrights.cn/2018/03/22/c7bffe24f55f41b1a6944b42d9fd3f11.html> (дата обращения: 25.11.2024).

²⁹ Новикова А. Е. Указ. соч. С. 3.

На практике это связано с тем, что институты гражданского общества нередко выявляют системные проблемы и несправедливость, однако затрудняются в выработке юридических механизмов для их устранения, а главное — не имеют государственных полномочий по решению этих проблемных вопросов. Функция посредника или медиатора также выражается в разрешении конфликтных ситуаций между гражданами, обращающимися к омбудсмену, например в семейных или трудовых спорах. Так, Государственный защитник ЮАР, реализуя свою компетенцию расследовать по собственной инициативе или по получении жалобы любые предполагаемые недобросовестные действия правительства на любом уровне, должен стремиться по своему усмотрению разрешить любой спор или исправить любое действие или бездействие путем посредничества, примирения или переговоров, а также иными средствами³⁰.

Применяемые государственными органами по содействию правам человека формы и методы защиты прав позволяют говорить о принципиально отличной от других органов, компетентных рассматривать жалобы и заявления частных лиц, посреднической роли данных органов в ситуации, связанной с нарушением прав и личных интересов граждан. При рассмотрении заявлений и жалоб граждан могут использоваться, во-первых, метод примирения сторон (альтернативного урегулирования споров); во-вторых, метод вынесения в установленных законом пределах обязательного решения; в-третьих, метод уведомления стороны, представившей заявление, о ее правах, в частности об имеющихся в ее распоряжении средствах правовой защиты; в-четвертых, возможность направления заявления любому другому компетентному органу; в-пятых, наложение штрафных санкций (в некоторых странах: Индия, Пакистан и др.)³¹.

Не менее важна и **контрольная функция** в деятельности омбудсмента. Реализуя предоставленный законодателем инструментарий, он осуществляет контроль за эффективностью, законностью, а главное — справедливостью

решений, принимаемых в ходе правоприменительной деятельности органов публичной власти. Несмотря на то что у омбудсмента нет властных полномочий по отмене или приостановлению решений иных государственных органов, он может, выявляя нарушения законодательства или принципа справедливости, обращаться в компетентные органы, вплоть до Верховного и Конституционного судов РФ.

Ежегодно по ходатайствам уполномоченных по правам человека в России отменяются сотни незаконных и несправедливых решений государственных органов, в том числе и судебных, а должностные лица привлекаются к ответственности, вплоть до уголовной. Таким образом, применяется дополнительный механизм контроля внутри государственной системы. Контрольная функция омбудсмента реализуется в целях содействия обеспечению прав и свобод человека и гражданина в деятельности субъектов государственного и муниципального управления и восстановлению прав и свобод в случаях нарушений путем проведения самостоятельных либо совместных с компетентными органами и должностными лицами проверок и принятия по их итогам мер восстановительно-корректирующего характера³². Контрольная функция характерна не только для отечественного института уполномоченных, но и для ряда зарубежных государств. Так, в Эфиопии целью деятельности омбудсмента является обеспечение надлежащего, высококачественного, эффективного и прозрачного управления, основанного на верховенстве закона, путем обеспечения соблюдения органами исполнительной власти прав и льгот граждан, предусмотренных законом³³. При этом институт омбудсмента Эфиопии имеет полномочия контролировать, чтобы административные директивы, издаваемые органами исполнительной власти, и практика их применения не противоречили конституционным правам граждан и закону, а также осуществлять надзор с целью обеспечения исполнения органами исполнительной власти своих функций в соответствии с законом и предотвращать недобросовестное управление³⁴.

³⁰ См.: п. «b» ст. 4 Закона ЮАР «О Государственном защитнике».

³¹ См.: Чуксина В. В. Указ. соч. С. 13.

³² См.: Колобова Т. В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. С. 13 ; Галаятудинов Б. С. Указ. соч. С. 8 ; Вершинина И. Ф. Указ. соч. С. 3, 20.

³³ Ст. 5 Закона Эфиопии от 04.07.2000 № 211/2000 «О создании института омбудсмента» // URL: <https://www.legal-tools.org/doc/4b73f9/> (дата обращения: 25.11.2024).

³⁴ Ст. 6 Закона Эфиопии «О создании института омбудсмента».

В Египте контрольная функция национально-правозащитного учреждения — Национального совета по правам человека — реализуется в иной форме. Он наделен полномочиями контролировать применение международных соглашений и конвенций по правам человека, а также представлять соответствующим органам предложения, заметки и рекомендации, необходимые для надлежащего применения таких соглашений и конвенций³⁵.

Контрольная функция является основной для Генеральной (главной) инспекции Исламской Республики Иран. Так, в соответствии со ст. 174 Конституции Исламской Республики Иран Национальная генеральная инспекция осуществляет надзор за надлежащим ходом дел и правильным исполнением закона в административных организациях под надзором главы судебной власти Ирана³⁶. Функциями Генеральной инспекции Ирана являются контроль над надлежащим исполнением законов и ведением дел в административных органах, рассмотрение гражданских исков по всем вопросам, их предварительное расследование и выявление фактов нарушений с последующей передачей дел в судебные инстанции.

Генеральная инспекция находится под непосредственным контролем главы судебной власти, который, в свою очередь, назначается духовным лидером страны и является высшим должностным лицом в судебной иерархии Ирана. При этом Организация Генеральной инспекции Ирана отвечает за контроль и надзор за исполнительными органами власти, государственными учреждениями и организациями, финансовыми ресурсами которых частично или полностью принадлежат правительству³⁷. В соответствии с Законом Ирана 1981 г. «О Национальной генеральной инспекции» ее полномочия включают непрерывную проверку министерств, учреждений, вооруженных сил и внутренних сил, государственных предприятий и компаний, муниципалитетов и учреждений, относящихся

к ним, а также официальных структур, органов революции и организаций, акции которых полностью или частично принадлежат государству или каким-то образом находятся под контролем либо покровительством государства.

Еще одна важная функция омбудсмена — **просветительская**. Она имеет приоритетный характер, поскольку, как справедливо отмечается в современной науке, всякие государства, даже в форме империи, рано или поздно разваливались, если отступали от своих социокультурных оснований³⁸. Институт уполномоченных призван развивать и продвигать в обществе правовые знания, уважение к правам и обязанностям, повышать уровень правовой культуры и правосознания граждан. В современных условиях нужно повышение правовой культуры как населения в целом, так и самих представителей власти. Требуется постоянно разъяснять гражданам их права и обязанности, гарантии и способы восстановления нарушенных прав³⁹.

Для реализации данной функции омбудсмен наделен полномочиями по развитию правового просвещения и участию в правовом образовании граждан. Институт уполномоченного реализует правопросветительские мероприятия и проекты, участвует в государственных программах правового просвещения, развивает отечественное образование с позиций прав и свобод человека и гражданина. Данная функция имеет важнейший превентивный характер, позволяя во многих случаях предотвращать нарушения прав человека, формировать личность, способную эффективно реализовывать свои права и обязанности, а главное — уважительно относиться к правовому статусу иных лиц. Например, Национальное учреждение по правам человека ОАЭ наделено полномочиями распространять культуру прав человека и повышать осведомленность общественности посредством семинаров, конференций и панельных дискуссий по правам человека⁴⁰.

³⁵ См.: ч. 5, 9 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

³⁶ URL: <https://www.iranbestlawyer.com/wp-content/uploads/2020/05/Constitution-of-Iran.pdf> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁷ В Иране заявили о готовности отстаивать права россиян // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16591567?ysclid=m44c8n342t319969084> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁸ См.: Корнев А. В. Инновационная природа права. К постановке проблемы // Lex russica. 2024. № 77 (11). С. 136.

³⁹ См.: Черников В. В. Указ. соч. С. 164.

⁴⁰ См.: ч. 2 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

Эвристическая функция омбудсмена реализуется путем формирования в его деятельности новых гуманитарных смыслов и задач эволюционного развития общества. Когда мы говорим об эвристической функции, речь идет об инновационных возможностях права как универсального регулятора общественных отношений⁴¹. Именно институт омбудсмена имеет компетенцию на основании анализа широкого круга правозащитных правоотношений, в ходе рассмотрения жалоб граждан выявлять системные недостатки действующих государственных институтов и формировать образ лучшего будущего, основанный на устранении существующих несправедливостей, создании достойных условий для жизни людей, более надежной системы их правовой защиты.

В целом ряде государств данные задачи выполняются государством посредством реализации стратегических документов в сфере защиты прав человека. Такие документы приняты в ЮАР, Эфиопии, Бразилии, Египте, Индии, Китае, ОАЭ и др. При этом нередко именно национальные правозащитные учреждения государств в лице омбудсменов или комиссий по правам человека наделены полномочиями по реализации таких плановых правозащитных документов. Например, Национальный совет по правам человека Арабской Республики Египет должен предлагать средства реализации национального плана действий, направленного на дальнейшую защиту прав человека⁴². В компетенцию Национального учреждения по правам человека ОАЭ также входит участие вместе с компетентными органами и учреждениями в разработке национального плана действий по поощрению и защите прав человека в государстве и механизмов его реализации⁴³. Соответствующими полномочиями по реализации национального стратегического документа

в сфере прав человека наделен и омбудсмен Эфиопии⁴⁴. К сожалению, в России подобный стратегический документ в сфере защиты прав человека отсутствует, и его принятие, безусловно, является точкой роста для законодателя.

Аксиологическая функция омбудсмена связана с формированием в обществе, среди людей и органов публичной власти понимания высшей ценности прав и свобод личности, их обязанностей не нарушать права и законные интересы иных лиц, исполнять законы, а также обязанности по защите, соблюдению и гарантированию прав и свобод человека и гражданина, стоящие перед органами власти. Права человека являются высшей ценностью. Хотя они и изменяют свое содержание от одной исторической эпохи к другой, однако сохраняют свое значение на всех этапах истории⁴⁵. В настоящее время аксиологическая функция становится одной из наиболее актуальных, поскольку в научном сообществе и на практике всё чаще звучат голоса сторонников отхода от концепции верховенства прав личности в пользу приоритета обязанностей, ответственности, запретительных и охранительных подходов к разрешению любых правовых конфликтов⁴⁶.

Важно, чтобы в погоне за императивными правовыми технологиями, не были нивелированы значительные достижения отечественной правовой науки и практики за десятилетия эволюции современной России. Представляется, что важнейшая функция омбудсмена — постоянно напоминать о высшей ценности прав и свобод личности и общества. Он в этом смысле выступает как «человек с молоточком» из чеховского «Крыжовника». Например, Национальный совет по правам человека Арабской Республики Египет, в соответствии с законом, учреждается для содействия установлению ценности прав человека⁴⁷. Это чрезвычайно важное

⁴¹ См.: Корнев А. В. Указ. соч. С. 136.

⁴² См.: ч. 1 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

⁴³ См.: ч. 1 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

⁴⁴ См.: п. 1.6.1 Национального плана действий по правам человека в Эфиопии // URL: <https://globalnaps.org/country/ethiopia/> (дата обращения: 22.09.2024).

⁴⁵ См.: Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 57.

⁴⁶ См.: Права человека больше не являются «высшим приоритетом» для правительства, говорит глава Форин-офиса // URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/human-rights-are-no-longer-a-top-priority-for-the-government-says-foreign-office-chief-a6677661.html> (дата обращения: 06.11.2024).

⁴⁷ См.: ч. 12 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

положение, поскольку ценность прав человека на фоне попыток Запада извратить их понимание сегодня очевидна далеко не для всех.

Необходимо выделить также **координационную** функцию института уполномоченных среди иных органов публичной власти, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина. Функция координации омбудсменами управленческой деятельности в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина заключается в организации согласованного эффективного взаимодействия субъектов государственного и муниципального управления при подготовке, планировании реализации и исполнении стратегического документа в области развития и защиты прав граждан⁴⁸. Основная роль омбудсмена состоит в том, чтобы координировать и обеспечивать баланс между законодательной, исполнительной и судебной ветвями государственной власти, следить за соблюдением законности в деятельности государственных органов, должностных лиц, принимать участие в совершенствовании законодательства, выработке стандартов административной и правоприменительной практики, содействовать распространению правовых знаний, повышению правовой культуры населения и государственных служащих⁴⁹. Также можно отметить координирующую роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в отношении уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Вместе с тем координирующую роль в отношении специализированных институтов государственной защиты прав человека на региональном уровне осуществляют и уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Интересно, что в ряде зарубежных государств отмечается также координирующая роль омбудсмена в отношении институтов гражданского общества, занимающихся поощрением и защитой прав человека. Так, Национальная комиссия по правам человека Индии наделена полномочием поощрять усилия не-

правительственных организаций и учреждений, работающих в области прав человека⁵⁰. В компетенцию омбудсмена Эфиопии также входит установление рабочих отношений с федеральными и региональными правительственными и неправительственными организациями в сфере защиты прав человека⁵¹. Национальное учреждение по правам человека ОАЭ координирует действия государственных органов для реагирования на замечания, полученные государством от международных организаций по правам человека⁵².

Национальный совет по правам человека Арабской Республики Египет также законодательно наделен правом координировать действия с международными и местными организациями и агентствами, занимающимися правами человека, по вопросам, которые помогут достичь целей и содействовать развитию отношений таких организаций и агентств с Национальным советом по правам человека Арабской Республики Египет. Кроме того, — и это важнее — он наделен полномочиями координировать действия государственных учреждений, занимающихся правами человека, в том числе Национального совета по делам женщин, Национального совета по делам детей и материнства и других заинтересованных советов и агентств⁵³. Представляется, что данный опыт может быть интересен для совершенствования государственной правозащитной системы России. Координирующая роль в данной сфере сегодня законодательно не определена, что является безусловным пробелом.

Основные задачи института уполномоченных

В науке выделяются различные классификации основных задач в деятельности уполномоченных по правам человека:

— работа с жалобами граждан; разработка законодательных предложений (законодательная инициатива) на основе анализа жалоб и выявление тенденций нарушений прав чело-

⁴⁸ Колобова Т. В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. С. 14.

⁴⁹ Майоров А. Г. Указ. соч. С. 3–4.

⁵⁰ См.: ст. 12 Закона Индии «О защите прав человека».

⁵¹ См.: Закон Эфиопии «О создании института омбудсмена».

⁵² См.: ч. 9 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

⁵³ См.: ч. 6, 9 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

века; информационное воздействие на органы публичной власти, должностных лиц путем направления заключений, рекомендаций, а также публикации решений и официальных докладов; правовое просвещение⁵⁴;

— работа по восстановлению нарушенных прав граждан; по совершенствованию законодательства о правах человека и гражданина и приведению национального законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права; по развитию международного сотрудничества в области прав человека и правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты⁵⁵;

— контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти, местного самоуправления, содействие реализации прав человека, восстановление нарушенных прав граждан, обеспечение защиты прав ребенка, совершенствование законодательства субъекта, информирование жителей субъекта о положении в области обеспечения и защиты прав человека; содействие совершенствованию гражданско-правового образования и правового просвещения, развитию международного сотрудничества⁵⁶;

— защита человека от пыток и жестокого обращения⁵⁷; официальное внесение заключений на законопроекты; обращение в Конституционный Суд РФ в порядке абстрактного нормоконтроля и др.⁵⁸

Вместе с тем основные направления деятельности института уполномоченных определены в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ и Федеральном законе № 48-ФЗ. Представляется, что в целях научного осмысления и практического применения их следует подразделить на основные и дополнительные.

Статьей 1 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ и статьей 1 Федерального закона № 48-ФЗ определены четыре основные задачи уполномоченных:

- рассмотрение обращений граждан;
- совершенствование законодательства о правах человека;
- правовое просвещение;

— международное сотрудничество в сфере прав человека.

Кроме того, на основании законодательства и правоприменительной практики института уполномоченного можно выделить дополнительные задачи, которые по своему значению не уступают вышеназванным:

— оказание помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию (не закреплено законодательно, однако получило широкое распространение в период пандемии, а затем во время проведения СВО);

— сбор и направление гуманитарной помощи гражданам, пострадавшим от последствий чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, вражеских обстрелов в период вооруженных конфликтов;

— координацию деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (для федерального уполномоченного — закреплена в ст. 36.2 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ);

— взаимодействие с общественными наблюдательными комиссиями, сформированными в субъектах Российской Федерации в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания (ст. 36.1 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ, ст. 12 Федерального закона № 48-ФЗ);

— осуществление парламентского контроля путем возбуждения парламентского расследования на основании предложения Уполномоченного о создании парламентской комиссии по расследованию фактов грубого или массового нарушения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (ст. 32 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ; ст. 6 Федерального закона от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»⁵⁹);

— совершенствование административных процедур (ч. 1 ст. 31 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ);

— подготовку и представление ежегодных и тематических докладов (ст. 33 Федерального

⁵⁴ Буянкина Е. С. Указ. соч. С. 10.

⁵⁵ См.: Бегаева А. А. Указ. соч.

⁵⁶ Вершинина И. Ф. Указ. соч. С. 17.

⁵⁷ Чуксина В. В. Указ. соч. С. 18.

⁵⁸ Чуксина В. В. Указ. соч. С. 15.

⁵⁹ СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7.

конституционного закона № 1-ФКЗ, ст. 16 Федерального закона № 48-ФЗ);

— координацию деятельности специализированных институтов государственной защиты прав (уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации, других должностных лиц, уполномоченных осуществлять защиту прав иных категорий граждан в субъекте Российской Федерации; для уполномоченного по правам человека в субъекте РФ — ст. 12 Федерального закона № 48-ФЗ);

— инициирование проведения общественных проверок и общественной экспертизы (ст. 11 Федерального закона № 48-ФЗ);

— участие в оказании бесплатной юридической помощи (ст. 15 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁶⁰);

— защиту прав пациентов психиатрических клиник и граждан, находящихся в стационарных организациях социального обслуживания, предназначенных для лиц, страдающих психическими расстройствами (ст. 46 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁶¹), и др.

Изучение опыта государств — членов БРИКС показывает, что в некоторых государствах институт омбудсмана выполняет и иные задачи. Например, Государственный защитник ЮАР наделен полномочиями проводить расследование по фактам неправомерного или незаконного обогащения или получения любого неправомерного преимущества или обещания такого обогащения или преимущества представителем власти в результате действия или бездействия в связи с делами государственного учреждения или организации, которое приводит к незаконному или неправомерному ущербу для любого другого лица. Необходимо отметить, что подобные расследования могут проводиться и в отношении высших должностных лиц государства⁶².

Безусловно, каждое из приведенных направлений работы омбудсмана по-своему важно,

однако анализ российского и зарубежного законодательства, а также правоприменительной практики показал, что именно четыре основные задачи имеют приоритетное значение и характерны практически для всех институтов государственной защиты прав человека.

Рассмотрение обращений граждан

Главная миссия института уполномоченного — защита прав и свобод граждан — реализуется посредством рассмотрения обращений. Наиболее полно закрепленный законом потенциал правовых средств (начиная от проверок и заканчивая обращениями в судебные органы) реализуется омбудсменом именно при работе над конкретными жалобами. Данное направление деятельности является институционально образующим для исследуемого механизма государственной защиты прав человека, выступает его сущностной парадигмой и целевым предназначением. Реализуя законодательные механизмы по рассмотрению обращений граждан, институт уполномоченных ежегодно оказывает помощь в защите прав и свобод десяткам тысяч граждан⁶³.

Рассмотрение обращений граждан не только является ключевой задачей российского Уполномоченного, но и входит в мандат омбудсменов многих государств мира. Так, омбудсмен Эфиопии имеет право получать и расследовать жалобы в отношении недобросовестного управления⁶⁴. При проведении расследования по жалобе он имеет полномочия передавать дело при достаточных основаниях из одного следственного отдела или от следователя в другой или принять его к собственному производству и расследовать случай недобросовестного управления. Также омбудсмен Эфиопии наделен полномочиями давать обязательные указания о представлении ему доказательств для проведения необходимого расследования в разумные сроки, вызывать лиц, на которых подана жалоба, для допроса или чтобы они представили свою защиту, свидетелей, чтобы

⁶⁰ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

⁶¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

⁶² См.: п. «с» ст. 4 Закона ЮАР «О Государственном защитнике».

⁶³ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. // URL: ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/Foto/2024/18/Д2023-109075_Сборка_2_c001-500_меловка_TIL320.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

⁶⁴ П. 2 ст. 5 Закона Эфиопии «О создании института омбудсмана».

они явились и дали показания⁶⁵. Представляется, что закрепление подобных полномочий крайне полезно и для повышения эффективности деятельности отечественного института уполномоченного.

Национальная комиссия по правам человека Индии, в отличие от Эфиопии, имеет более широкий предмет деятельности по рассмотрению обращений граждан. Она наделена полномочиями в качестве гражданского суда рассматривать иск; вызывать и обеспечивать явку свидетелей и проводить их допрос под присягой; требовать раскрытия содержания и представления любого документа; получать письменные доказательства, в том числе путем истребования любых официальных документов; изымать документы; требовать у должностного лица предоставить необходимую информацию; пройти в любое здание и изъять любой документ, относящийся к предмету расследования; передать жалобу в уголовный суд, если имеются признаки преступления; запросить информацию или отчет от правительства Индии или региона или любого другого органа или организации; рекомендовать соответствующему правительству или органу власти выплатить компенсацию или возместить ущерб истцу, или жертве, или членам его семьи и т.д.⁶⁶

Государственный защитник ЮАР имеет предусмотренные национальным законодательством полномочия расследовать любое поведение в государственных делах или в государственном управлении в любой сфере деятельности правительства, которое может рассматриваться как ненадлежащее или приводит к ненадлежащим результатам или предубеждению. При этом проводить такое расследование он может как в связи с жалобами граждан, так и по собственной инициативе⁶⁷. Также он имеет право, как и Национальная комиссия по правам человека Индии, в любой момент расследования, а также после его завершения дать соответствующую рекомендацию органам власти относительно возмещения ущерба гражданину, возникшего в результате нарушения его

права⁶⁸. Этот опыт может быть интересен и для российской правовой системы. Кроме того, при проведении расследования Государственный защитник ЮАР, как и омбудсмен Эфиопии, наделен полномочиями поручить любому лицу явиться к нему для дачи показаний или представить письменные свидетельства, а также допросить такое лицо, потребовать объяснений от любого лица, в отношении которого имеются обоснованные подозрения в наличии информации, относящейся к расследуемому делу⁶⁹.

Достаточно широкими полномочиями при рассмотрении обращений граждан наделен федеральный прокурор по правам человека Бразилии, который выполняет функции омбудсмена. В частности, при получении информации о нарушении прав человека он может провести расследование дела и, если придет к выводу, что конституционные права нарушены или продолжают нарушаться, уведомить ответственное лицо о необходимости принять меры по предотвращению повторного нарушения, а также потребовать прекращения этого нарушения. Если указанное требование не выполнено в установленный срок, он обращается к компетентной инстанции для привлечения должностного лица к ответственности за нарушение конституционных прав или бездействие⁷⁰.

Одной из основных задач Национального совета по правам человека Египта является рассмотрение обращений граждан. В частности, он наделен законом полномочиями получать и рассматривать жалобы, касающиеся защиты прав человека, направлять по своему усмотрению любые такие жалобы в компетентные органы и принимать по ним меры, консультировать стороны, заинтересованные в вопросе, о правовых процедурах, которым необходимо следовать, и помогать им в этом отношении или урегулировать такие жалобы совместно с соответствующими органами⁷¹.

Национальное учреждение по правам человека ОАЭ также наделено полномочиями получать и рассматривать индивидуальные жалобы на нарушения прав, направлять их в компе-

⁶⁵ Ст. 25 Закона Эфиопии «О создании института омбудсмена».

⁶⁶ См.: ст. 13–18 Закона Индии «О защите прав человека».

⁶⁷ См.: ст. 1, 4 Закона ЮАР «О Государственном защитнике».

⁶⁸ См.: п. «с» ст. 4 Закона ЮАР «О Государственном защитнике».

⁶⁹ См.: п. «с» ст. 4 Закона ЮАР «О Государственном защитнике».

⁷⁰ См.: ст. 13–14 Дополнительного закона Бразилии «О Федеральной прокуратуре».

⁷¹ См.: ч. 6, 9 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

тентные органы. Кроме того, оно имеет право отслеживать нарушения и злоупотребления правами человека, проверять их подлинность и сообщать о них компетентным органам, а также проводить выезды на места в пенитенциарные и исправительные учреждения, места содержания под стражей, трудовые лагеря, а также в медицинские и образовательные учреждения, приюты и контролировать условия соблюдения прав человека в них⁷².

Совершенствование законодательства

Совершенствование законодательства о правах человека и гражданина является не менее важной задачей, чем рассмотрение обращений, поскольку позволяет решать системные правозащитные проблемы. Институт уполномоченных может получать правотворческий импульс не только из конкретных обращений, но и на основе анализа широкого массива информации о нарушениях прав граждан. Это могут быть анализ информации из СМИ, общение с людьми и институтами гражданского общества в ходе приемов, результаты выездных проверок в места принудительного содержания граждан, мониторинг конкретной проблемы, проведенный Уполномоченным совместно с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, и др. Так было, например, в 2019 г. в ходе формулирования законодательной инициативы о создании Реестра коренных малочисленных народов. Несмотря на небольшое число обращений от них, выездные приемы и мониторинги ситуации на местах показали, что многолетняя проблема требует законодательного разрешения, поскольку из-за отсутствия указанного Реестра многие представители коренных малочисленных народов годами не могли реализовать положенные им законодательно права и свободы. Поэтому Уполномоченный обратилась к Президенту РФ В. В. Путину с соответствующим предложением об изменении законодательства, которое было им реализовано в форме

законодательной инициативы, и соответствующий Закон впоследствии был принят парламентом⁷³. Всего за 2019–2024 гг. Уполномоченным в органы государственной власти федерального уровня направлено 444 предложения по совершенствованию законодательства (в 2024 г. — 40, в 2023 г. — 78, в 2022 г. — 132, в 2021 г. — 66, в 2020 г. — 47, в 2019 г. — 41). Большая часть из них нашла отражение в законодательных актах. Например, только в 2023 г. предложения Уполномоченного учтены в 39 нормативных правовых актах, включая 27 федеральных законов, 7 подзаконных федеральных нормативных правовых актов и 5 законов субъектов Российской Федерации⁷⁴.

Необходимо отметить, что омбудсмены зарубежных государств также имеют достаточно широкие законотворческие полномочия. Так, Национальная комиссия по правам человека Индии имеет право ставить вопрос о пересмотре гарантий, предусмотренных Конституцией или любым законом, и рекомендовать меры по их эффективной реализации⁷⁵. Кроме того, в ее полномочия входят изучение договоров и других международных документов по правам человека и направление рекомендаций органам власти по их эффективной реализации.

Законотворческая функция омбудсмена реализуется и в других государствах мира. Так, Национальное учреждение по правам человека ОАЭ наделено компетенцией представлять компетентным органам и учреждениям предложения о степени совместимости национального законодательства с международными договорами, пактами и конвенциями по правам человека, участником которых являются ОАЭ⁷⁶.

Омбудсмен Эфиопии также имеет право давать рекомендации по пересмотру существующих законов, практик или директив и по принятию новых законов и формулированию политики с целью обеспечения лучшего управления⁷⁷. При этом он может изучать повторяющиеся случаи недобросовестного управления и направлять вместе с предложениями по исправлению в парламент, а также готовить и

⁷² См.: ч. 6–8 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

⁷³ Федеральный закон от 06.02.2020 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам» // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 590.

⁷⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г. С. 385.

⁷⁵ См.: ст. 12 Закона Индии «О защите прав человека».

⁷⁶ См.: ч. 1 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

⁷⁷ П. 6 ст. 5 Закона Эфиопии «О создании института омбудсмена».

представлять проекты законов, высказывать свое мнение по тем законопроектам, которые подготовлены.

К сожалению, российский Уполномоченный на федеральном уровне не наделен правом законодательной инициативы, хотя такие полномочия имеются и эффективно реализуются 31 региональным уполномоченным по правам человека⁷⁸. Кроме того, важно законодательно определить обязанность органов законодательной власти учитывать предложения омбудсмена в работе над законопроектами.

Правовое просвещение

Анализ работы института уполномоченных показывает, что значительная часть обращений (до 40 %) связана с необходимостью разъяснения гражданам средств правовой защиты. Поэтому повышение уровня правовой грамотности является первостепенной задачей. Оно выполняется в форме письменных разъяснений, широкого круга просветительских мероприятий для студентов, инвалидов, лиц старшего возраста и других категорий граждан. Ежегодно в России только на федеральном уровне реализуются сотни правопросветительских акций, в которых принимают участие тысячи человек⁷⁹. Необходимо отметить, что правовое просвещение является приоритетным направлением деятельности не только для института уполномоченных в России, но и для правозащитных учреждений в ряде государств мира. Так, целью Китайского общества исследований прав человека являются изучение теорий и истории прав человека, популяризация знаний о правах человека⁸⁰. Правозащитный институт КНР участвует в составлении

и публикации материалов по правам человека; организации семинаров, дискуссий и форумов, а также проведении обучающих и просветительских мероприятий по вопросам прав человека, исследований и опросов для представления предложений по политике в области прав человека⁸¹.

Правовое просвещение является важнейшей задачей и для Национальной комиссии по правам человека Индии, которая законодательно наделена полномочиями проводить и продвигать исследования в области прав человека, а также распространять грамотность в области прав человека среди различных слоев общества и повышать осведомленность о гарантиях, доступных для защиты прав⁸².

Национальный совет по правам человека Арабской Республики Египет в соответствии с законом наделен полномочиями распространять и повышать осведомленность общественности о культуре прав человека посредством помощи учреждениям и органам, связанным с образованием, культурой, средствами массовой информации; проводить конференции, симпозиумы и семинары по темам, связанным с вопросами прав человека или смежными вопросами; выпускать бюллетени, журналы и печатные материалы, касающиеся совета, а также его целей и функций⁸³.

В Иране с целью реализации правового просвещения на базе Генеральной инспекции Исламской Республики Иран учреждена специальная Академия Генеральной инспекции. Она занимается вопросами гражданских ценностей, продвижения прав граждан, верховенства права и прозрачности системы управления, развития концепции института омбудсмена в целом⁸⁴.

⁷⁸ В г. Москве, Тамбовской, Тверской, Смоленской, Томской, Тульской, Самарской, Сахалинской, Оренбургской, Нижегородской, Новгородской, Московской, Магаданской, Кировской, Калининградской, Иркутской, Воронежской, Волгоградской, Владимирской, Брянской, Белгородской, Кемеровской, Архангельской областях, Приморском, Пермском, Камчатском, Алтайском краях, республиках Татарстан, Тыва, Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике.

⁷⁹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 г.

⁸⁰ Положения Китайского общества исследований прав человека.

⁸¹ Положения Китайского общества исследований прав человека.

⁸² См.: ст. 12 Закона Индии «О защите прав человека».

⁸³ См.: ч. 10, 11, 13 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

⁸⁴ Правозащитная карта России // URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/v_mire/v_mire_z_a_rubeg/iran/iranweb_2021.pdf?ysclid=m44fdb74z4619054163 (дата обращения: 30.11.2024).

Международное сотрудничество

Международная деятельность института уполномоченных имеет первоочередное значение не только для глобального гуманитарного диалога, позволяющего государствам находить компромиссы даже в период конфликтов, но и для оказания помощи конкретным людям в результате правозащитной дипломатии⁸⁵. Так, в декабре 2024 г. международная деятельность Уполномоченного дала новые, замечательные результаты. По итогам сложных переговоров с украинским уполномоченным по правам человека во взаимодействии с компетентными государственными органами России и Украины, при посредничестве Белоруссии удалось вернуть в Россию 46 жителей Курской области. Они были вывезены украинскими вооруженными формированиями после нападения на Курскую область в августе 2024 г. Данному процессу активно содействовали также Международный комитет Красного Креста и Российский Красный Крест. Уполномоченный до последнего дня вела диалог, несколько раз акция откладывалась и была под угрозой. Но 22 ноября 2024 г. договоренность была достигнута, и 46 человек из Сум на автобусах выдвинулись в сторону белорусско-украинской границы. Команда Уполномоченного встречала их на пункте пропуска «Новая Гута». Затем была долгая дорога до Брянска, а оттуда в Курск, где они увиделись с родными и близкими⁸⁶.

Широкую международную деятельность ведут и наши партнеры — национальные правозащитные учреждения государств — членов БРИКС. Например, одной из целей Китайского общества исследований прав человека являются укрепление международных обменов и содействие развитию дел в области прав человека как в Китае, так и в мире⁸⁷. С этой целью оно наделено правом установления отношений с зарубежными организациями и отдельными

лицами по правам человека для международных диалогов, обменов и сотрудничества, участия в соответствующих мероприятиях, проводимых ООН.

Наделен полномочиями по участию в международном сотрудничестве в сфере прав и свобод человека и гражданина и Национальный совет по правам человека Арабской Республики Египет. Так, в соответствии с законом он должен оказывать консультативную помощь в подготовке отчетов, которые государство обязуется регулярно представлять комитетам и органам по правам человека, и отвечать на запросы таких комитетов и организаций. Кроме того, он наделен полномочиями участвовать в форумах и встречах региональных и международных организаций, занимающихся защитой прав человека⁸⁸.

Международное сотрудничество входит в компетенцию Национального учреждения по правам человека ОАЭ. В частности, оно законодательно наделено полномочиями укреплять сотрудничество с международными организациями и национальными учреждениями по правам человека в других странах, особенно с теми, которые занимаются правами женщин, детей и лиц с ограниченными возможностями, а также сотрудничать с органами и механизмами ООН по правам человека посредством участия в подготовке национальных докладов, представляемых государством в международные механизмы по правам человека, в международных форумах по правам человека⁸⁹. Этот опыт также может быть интересен для России, где институт уполномоченного де-факто представляет предложения в национальные доклады в ООН, однако де-юре данное полномочие в законодательстве отсутствует. Необходимо отметить, что в законах о национальных правозащитных учреждениях иных государств — членов БРИКС международная деятельность как форма работы не упоминается.

⁸⁵ См.: Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы защиты прав соотечественников за рубежом // Журнал XI Петербургского международного юридического форума. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPIF-2023_Magazine.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

⁸⁶ См.: В Россию с Украины вернули 46 жителей Курской области // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/11/22/24449431.shtml?ysclid=m45ytjxc5t280002271> (дата обращения: 01.12.2024).

⁸⁷ Положения Китайского общества исследований прав человека.

⁸⁸ См.: ч. 7–8 ст. 3 Закона Арабской Республики Египет «Об учреждении Национального совета по правам человека».

⁸⁹ См.: ч. 10–13 ст. 5 Федерального закона ОАЭ «О Национальном учреждении по правам человека».

Современные тенденции и пути совершенствования института уполномоченных по правам человека

Сегодня перед институтом уполномоченных встают новые задачи, обусловленные важностью претворения в жизнь требований обновленной Конституции РФ, новыми вызовами и угрозами в сфере прав человека, запросом общества на оптимизацию системы защитных механизмов в этой сфере⁹⁰.

Спустя 25 лет развития в контексте традиционных российских духовно-нравственных ценностей институт уполномоченных существенно изменился. Возникнув как своеобразный слепок с зарубежного опыта, он приобрел характерные российские особенности и новые смыслы. Миссия института уполномоченных в настоящее время видится в том, чтобы он выступал «камертоном справедливости». В этой связи приоритетными задачами института государственной защиты прав человека на современном этапе видятся обеспечение справедливости решений, принимаемых органами публичной власти; формирование правозащитной повестки в государстве; нахождение баланса между индивидуальными правами и общественными интересами; посредничество между властью и обществом; обеспечение «человеческого лица» власти; повышение доверия к органам публичной власти; обеспечение «голоса совести» при принятии государственных решений; сострадание к человеческому горю; снижение социальной напряженности; укрепление традиционных ценностей; маркер ситуации с правами человека; гуманитарная миссия; помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Сегодня уполномоченные по правам человека вносят вклад в достижение целей специальной военной операции, оказывая членам семей участников СВО и их родным — бойцам на передовой, эвакуированным в пункты временного размещения, пострадавшим от обстрелов украинских формирований в приграничных регионах России посильную гуманитарную, психологическую, консультационную и иную помощь. Анализ деятельности уполномоченных по правам человека за последние два с половиной года показал, что именно это направление работы

сегодня является приоритетным по сравнению с рассмотрением жалоб и непосредственной защитой нарушенных прав. Эта новая правозащитная реальность является ответом на запрос общества. В этой связи важно вникнуть в существо социального правового заказа, абстрактных понятий и сделать соответствующие выводы⁹¹.

Нуждается в обновлении и сам Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ. С его принятия произошли значительные изменения в обществе, развитии права и государства, которые требуют соответствующих поправок⁹².

За этот период произошли существенные перемены в жизни общества и государства, возникли новые вызовы, требующие адекватных ответов, сформирован институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также институты уполномоченных по правам ребенка, по защите прав предпринимателей.

С учетом опыта отечественной правозащитной деятельности, а также законодательства о национальных правозащитных учреждениях государств — членов БРИКС важно рассмотреть вопрос о законодательном отражении следующих полномочий института уполномоченных.

1. В качестве новой задачи в деятельности уполномоченных следует закрепить оказание помощи гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, содействие в реализации их прав и свобод. Целесообразно масштабировать предмет государственной правозащитной деятельности уполномоченных за счет возможности реагирования на незаконные и несправедливые действия организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, и их должностных лиц. В настоящее время институт уполномоченных имеет право рассматривать жалобы лишь в отношении органов публичной власти.

2. Важно расширить и субъектный состав лиц, подлежащих государственной защите институтом уполномоченных, включив в их состав соотечественников, проживающих за рубежом. Сегодня Уполномоченный может защищать права лишь граждан России на ее территории и за рубежом, а также иностранцев в России.

3. Целесообразно дополнить полномочия института уполномоченных правом выносить решения, обязательные для исполнения орга-

⁹⁰ См.: Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра. С. 40.

⁹¹ См.: Синюков В. Н., Синюков С. В. Указ. соч. С. 14.

⁹² См.: Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра.

нами публичной власти, если по результатам собственных проверок он приходит к выводу, что действия органов государственной власти нарушают права граждан. К сожалению, рекомендательный характер решений института уполномоченных существенно снижает их регулятивный потенциал. По иному пути идут законодатели в отношении отдельных уполномоченных по правам человека, входящих в Евразийский альянс омбудсменов. Так, в недавней редакции закона об Уполномоченном по правам человека в Узбекистане омбудсмен получил право самостоятельно применять меры воздействия: предостережение, представление, ходатайство и требование⁹³.

4. Существенную роль также могло бы сыграть законодательное закрепление положения об участии Уполномоченного в формировании государственной политики в вопросах признания, соблюдения и защиты прав человека и гражданина.

5. Интересен зарубежный опыт в части полномочий государственного защитника прав человека накладывать на недобросовестных должностных лиц штрафные санкции за нарушение прав человека.

6. Усилению защищенности прав человека способствовало бы закрепление за институтом уполномоченных возможности назначать компенсацию для выплаты лицам, чьи права нарушены, или давать рекомендации о назначении подобной компенсации.

7. В контексте зарубежной практики целесообразно закрепить функцию института уполномоченных по контролю за справедливостью, законностью и обоснованностью принимаемых государственных решений.

8. С учетом имеющегося опыта взаимодействия уполномоченных с судебными органами назрел вопрос о законодательном закреплении их полномочий по участию в уголовном, гражданском и административном процессе (в настоящее время данные вопросы регулируются исключительно на уровне разъяснений судебных органов)⁹⁴, в том числе права подачи исков в отношении социально незащищенных групп граждан.

9. Заслуживает внимания также опыт регулирования взаимодействия институтов государственной защиты прав человека с гражданским обществом. Целесообразно предусмотреть право Уполномоченного создавать при себе, помимо экспертных советов, иные общественные структуры, включая молодежные советы, общественные советы, а также иметь помощников на общественных началах.

10. Безусловно, укреплению правового каркаса прав и свобод человека и гражданина будет служить распространение на институт уполномоченных права законодательной инициативы на федеральном и региональном уровнях, а также установление обязанности органов государственной власти, включая законодательные, учитывать заключения Уполномоченного на законопроекты.

11. Значительный положительный эффект имела бы норма о гарантиях для граждан при обращении в институт уполномоченных, согласно которой подача жалобы Уполномоченному не может служить основанием для ущемления прав человека и гражданина, а преследование заявителя по указанным основаниям влечет предусмотренную законом ответственность.

В науке высказываются иные конструктивные предложения на этот счет, например о необходимости закрепления за Уполномоченным права направлять Президенту РФ, Правительству РФ, федеральным органам исполнительной власти, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) мотивированные предложения о приостановлении действия соответствующих актов органов исполнительной власти, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, в случае противоречия этих актов Конституции РФ, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации до решения этого вопроса соответствующим судом⁹⁵.

Интересен зарубежный опыт создания специальных судов по правам человека. Так, в соответствии с Законом Индии «О защите прав человека» в целях обеспечения быстрого

⁹³ Новая версия закона об уполномоченном по правам человека расширила его полномочия // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/11/28/ombudsman/> (дата обращения: 01.12.2024).

⁹⁴ См., например: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. № 142. 03.07.2019.

⁹⁵ См.: *Москалькова Т. Н.* Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра. С. 42–43.

судебного разбирательства правонарушений, возникающих в результате нарушения прав человека, правительство штата может с согласия главного судьи Высокого суда указать для каждого округа сессионный суд в качестве суда по правам человека для рассмотрения указанных правонарушений, а также назначает специального государственного прокурора для ведения дел в этом суде⁹⁶.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на бесспорные достижения современной цивилизации, повышение уровня и

качества жизни и развитие новых технологий, расширяющих человеческие возможности, в мире, в том числе в так называемых цивилизованных странах, сохраняются самые жуткие нарушения прав человека вплоть до рабства⁹⁷. Институт государственной защиты прав человека будет востребован всегда, пока в человеческом обществе продолжают попытки нарушить права и свободы человека. В условиях новых вызовов и угроз он нуждается в дальнейшем укреплении и совершенствовании, как никогда ранее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинина И. Ф. Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

Галаятдинов Б. С. Конституционный институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 19 с.

Колобова Т. В. Административно-правовой статус уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. 262 с.

Корнев А. В. Инновационная природа права. К постановке проблемы // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 11. С. 135–144.

Кулишенко Е. А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2021. 181 с.

Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы защиты прав соотечественников за рубежом // Журнал XI Петербургского международного юридического форума. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPJF-2023_Magazine.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав лиц, находящихся под стражей // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 2–6.

Москалькова Т. Н. Обеспечение прав участников уголовного процесса при проведении судебной экспертизы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 18–23.

Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 23–44.

Плотникова А. Э. Структурно-организационные и функциональные особенности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

Руденко В. В. Институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 155–163.

Синюков В. Н., Синюков С. В. М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 10. С. 9–17.

Чуксина В. В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2016.

Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 41–48.

Черников В. В. Гарантии прав человека в полицейском законодательстве России: вопросы закрепления и реализации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 160–166.

Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51–61.

⁹⁶ См.: ст. 30 Закона Индии «О защите прав человека».

⁹⁷ Специальный докладчик ООН призывает к ужесточению законов о современном рабстве и защите трудящихся-мигрантов // URL: <https://www.hrlc.org.au/news/special-rapporteur-modern-slavery> (дата обращения: 01.12.2024).

REFERENCES

- Chernikov VV. Guarantees of human rights in Russian police legislation: issues of confirmation and implementation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2022;3:160-166. (In Russ.).
- Chuksina VV. State specialized bodies for the promotion and protection of human rights: comparative legal research. Dr. Sci. (Law) Diss. (In Russ.).
- Ekimov AI. Law in the context of justice: toward a research methodology. *Pravovedenie*. 2013;2(307):51-61. (In Russ.).
- Galyautdinov BS. Constitutional Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the system of state control of the Russian Federation. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2014. (In Russ.).
- Kolobova TV. Administrative and legal status of the Commissioner for Human Rights in the constituent entity of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Voronezh; 2021. (In Russ.).
- Kornev AV. The innovative nature of law. Problem statement. *Lex russica*. 2024;77(11):135-144. (In Russ.).
- Kulishenko IA. Constitutional and legal transformations of the institution of the Commissioner for Human Rights in Russia. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Belgorod; 2021. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Problems of protecting the rights of compatriots abroad. *Zhurnal XI Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma [Magazine of the XI St. Petersburg International Legal Forum]*. Available at: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/SPIF-2023_Magazine.pdf (Accessed 19.12.2023). (In Russ.).
- Moskalkova TN. Enforcement of rights of parties to a criminal procedure in carrying out a forensic examination. *Criminal Judicial Proceeding*. 2024;1:18-23. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Institute of human rights commissioners: yesterday, today, tomorrow. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;4(80):42-43. (In Russ.).
- Moskalkova TN. Relevant problems of enforcement and protection of rights of persons in custody. *Criminal-Executory System: law, economy, management*. 2024;1:2-6. (In Russ.).
- Plotnikova AE. Structural, organizational and functional features of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Chelyabinsk; 2013. (In Russ.).
- Rudenko VV. The institution of the human rights commissioners in the subjects of the Russian Federation: problems of formation and the development prospects. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;4(80):155-163. (In Russ.).
- Shamrin MYu, Migacheva EV. The Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation/ *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(1):41-48.
- Sinyukov VN, Sinyukov SV. Mikhail Mikhailovich Speransky and the Development of Russian Legal Statehood in the 21st Century. *Lex russica*. 2024;77(10):9-17. (In Russ.).
- Vershinina IF. Institute of the Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation: constitutional and legal research. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, докторант, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 12, стр. 2, Смоленский бульв., г. Москва 119121, Российская Федерация
iv89261863056@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Chechelnicshkiy, Cand. Sci. (Law), First Deputy Chief, Staff of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; Doctoral Student, Senior Lecturer, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 августа 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 февраля 2024 г.
Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 13.08.2024.
Revised 13.02.2024.
Accepted 15.02.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097

Е. В. Лунгу

Кузбасский институт ФСИН России
г. Новокузнецк, Российская Федерация

Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений

Резюме. Внедрение цифровых технологий в сферу реализации прав и свобод человека носит неоднозначный характер, приводящий к размыванию устоявшихся представлений о конституционных правах и свободах человека. В целом все группы конституционных прав и свобод человека подверглись цифровизации. Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта способствовало созданию новых форм реализации конституционных прав и свобод. Однако цифровизация повлекла за собой и новые угрозы, которые могут быть нейтрализованы только путем создания новых правовых механизмов. Практика показала, что право как универсальный социальный регулятор применимо для регламентации общественных отношений в цифровой среде. Стихийно сложившиеся инструменты саморегулирования не опираются на базовые конституционные принципы, в том числе на признание прав и свобод человека высшей ценностью, следовательно, они не могут выполнять роль основного источника регулирования. В условиях быстро развивающихся технологий и меняющихся общественных отношений возрастает значение конституционных принципов, а также прав и свобод человека как базовой ценности, фундамента для построения новых правоотношений в цифровой среде и создания новых цифровых прав. В частности, с учетом масштабов проникновения цифровых технологий в реализацию конституционных прав и свобод человека необходимо прежде всего законодательно закрепить гарантию доступа к сети Интернет как условие реализации конституционных прав и свобод в цифровой среде, а также дополнить положения о запрете дискриминации прав и свобод человека в зависимости от формы реализации прав и свобод.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; конституционные права и свободы; личные права и свободы; экономические права и свободы; культурные права и свободы; социальные права и свободы; экологические права и свободы

Для цитирования: Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097

Constitutional Human Rights and Freedoms in the light of Digitalization of Public Relations

Evgeniya V. Lungu

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Novokuznetsk, Russian Federation

Abstract. The introduction of digital technologies into the sphere of human rights and freedoms is ambiguous, leading to a blurring of established ideas about constitutional human rights and freedoms. In general, all groups of constitutional human rights and freedoms have been digitalized. The use of digital technologies and artificial intelligence has contributed to the creation of new forms of implementation of constitutional rights and freedoms. However, digitalization has also created new threats that can only be neutralized by creating new legal mechanisms. Practice has shown that law as a universal social regulator is applicable to regulating public relations in the digital environment. Spontaneous instruments of self-regulation are not based on basic constitutional principles, including the recognition of human rights and freedoms as the highest value, therefore, they cannot serve as the main source of regulation. In the context of rapidly developing technologies and changing public relations, the importance of constitutional principles, as well as human rights and freedoms, as a basic value, the foundation for building new legal relations in the digital environment and creating new digital rights is increasing.

© Лунгу Е. В., 2025

In particular, given the extent of the penetration of digital technologies into the implementation of constitutional human rights and freedoms, it is necessary first of all to legislate the guarantee of human access to the Internet as a condition for the implementation of constitutional rights and freedoms in the digital environment, as well as to supplement the provisions prohibiting discrimination of human rights and freedoms depending on the form of rights and freedoms implementation.

Keywords: digitalization; artificial intelligence; constitutional rights and freedoms; personal rights and freedoms; economic rights and freedoms; cultural rights and freedoms; social rights and freedoms; environmental rights and freedoms

Cite as: Lungu EV. Constitutional Human Rights and Freedoms in the light of Digitalization of Public Relations. *Lex russica*. 2025;78(3):86-97. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097

Введение

Проблема влияния цифровых технологий и искусственного интеллекта на конституционные права и свободы человека актуальна для современной юридической науки. С одной стороны, процессы цифровизации быстрыми темпами проникают в общественные отношения, с другой — многие исследователи отмечают, что еще не накоплен достаточный объем практики, который позволил бы сделать обоснованные выводы о влиянии цифровизации на конституционные права и свободы человека.

В современной науке выделяют два основных подхода к цифровизации: в узком значении это перевод данных из аналоговой формы в цифровую форму (Н. Негропонте)¹, в данном контексте понятие цифровых прав воспринято законодателем в ГК РФ². В широком значении цифровизация рассматривается как «драйвер мирового общественного развития» (В. Г. Халин, Г. В. Чернова)³. Именно в таком контексте категория «цифровые (информационные)⁴ права» получила развитие в конституционно-

правовой науке, т.е. как новая группа «универсальных прав человека в сфере цифрового и виртуального пространства»⁵.

Правам и свободам человека и гражданину традиционно уделяется много внимания, в частности В. А. Лебедевым, Е. А. Лукашевой, М. В. Мархгейм, О. Н. Полухиным, А. Е. Постниковым, О. О. Товстухой, Т. Я. Хабриевой и другими авторами⁶. Многие вопросы, связанные с гарантиями реализации, защиты и охраны прав и свобод человека в традиционной (нецифровой) среде, получили подробную правовую регламентацию, широкую судебную практику и глубоко исследовались в научной литературе. Вопросы цифровизации общественных отношений, прав и свобод человека в последнее время активно анализируются российскими и зарубежными учеными (Д. Н. Барышников, Л. А. Воскобитова, Е. А. Громова, И. И. Мушкет, Т. П. Подшивалов, В. И. Пржиленский, Е. В. Титов и др.⁷). Особенно часто внимание исследователей привлекают вопросы внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в сферу реализации экономических

¹ *Negroponte N.* Being Digital. New York : Knopf, 1995.

² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

³ *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

⁴ *Колесников Е. В.* Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13–16.

⁵ *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 30.05.2018.

⁶ См.: Трансформации прав человека в современном мире : монография / отв. ред. А. Н. Савенков. М. : Норма, Инфра-М, 2023 ; Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире : монография / отв. ред. А. Е. Постников. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Норма, Инфра-М, 2023 ; *Мархгейм М. В., Полухин О. Н., Товстуха О. О.* Защита прав и свобод человека и гражданина в сфере исполнительной власти: опыт Российской Федерации и государств Центральной и Восточной Европы : монография. Ростов н/Д : Ростиздат, 2011.

⁷ Например, см.: *Конева Н. С.* Цифровизация государства и государственной власти // Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовай. М. : Проспект, 2022. С. 232–244.

и политических прав и свобод. Однако многие вопросы, связанные с осуществлением, охраной и защитой прав и свобод человека в цифровой среде, пока еще не получили необходимого правового регулирования, развитой судебной практики и глубокого научного анализа.

Методологическую основу исследования составляет анализ судебной практики, практики деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, научной литературы, а также публикаций средств массовой информации, содержащих сведения о частных примерах цифровизации конституционных прав и свобод человека.

Неоднозначность и неравномерность как основная характеристика влияния цифровизации на права и свободы человека

На первый взгляд процессы цифровизации проникли во многие сферы общественных отношений и, следовательно, оказали влияние на все группы конституционных прав и свобод человека. Самые разные вопросы взаимодействия с государственными органами, осуществления права на местное самоуправление, получения социальных услуг, а также реализации экономических прав и свобод сегодня решаются с помощью интернет-ресурсов. Однако анализ сложившейся правоприменительной практики, научной литературы и официальных статистических данных свидетельствует о сложных и неоднозначных процессах внедрения цифровых технологий.

Относительно группы личных прав и свобод человека процессы внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта вызывают очень настороженную реакцию. Цифровизация тем или иным образом затронула почти

все права и свободы, относимые к этой группе. Исключение составляют права на жизнь, на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Право на жизнь как базовое, естественное право человека на сегодняшний день не имеет цифрового аналога, однако дальнейшее развитие технологий и внедрение «цифровой личности» в практику могут привести к конкретизации права на жизнь в цифровой среде. В то же время в научной литературе обсуждается цифровой антипод этого права — «цифровая смерть»⁸. Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства может получить цифровой аналог как право выбора национального домена, цифровой платформы или сервера. В России, например, право использовать национальный домен может получить любое юридическое и/или физическое лицо, независимо от национальности, гражданства, резидентства и присутствия в стране⁹.

В отношении остальных исследованных личных прав и свобод человека возможно говорить о цифровизации прежде всего в узком значении. Речь идет не о каком-то новом уровне развития конституционных правоотношений в области реализации, охраны и защиты конституционных прав и свобод человека, а лишь об их новых проявлениях. При этом цифровые формы этих прав и свобод до сих пор не получили должного механизма правового регулирования. Общую обеспокоенность влиянием цифровизации на личные права и свободы и недостаточность правового регулирования в этой сфере выражают многие авторы (С. А. Авакьян, Тим Бернес-Ли, Дж. Рердан, Д. А. Пашенцев, О. А. Попова и др.¹⁰).

Наиболее неоднозначно влияние цифровизации на такие права, как достоинство личности, неприкосновенность частной жизни,

⁸ Например, см.: Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 86–101; Малышева И. В. Социальные сети как правовой феномен // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 10–16.

⁹ Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81) // URL: <https://cctld.ru>.

¹⁰ См.: Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28; Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. Texere Publishing, 1999; Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. Oxford, 2016. P. 3; Пашенцев Д. А. Российская законодательная традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 11–12; Попова О. А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14–24.

личная и семейная тайна, защита своей чести и доброго имени, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища. С одной стороны, данная группа прав человека наиболее тесно связана с понятием «информация». С другой стороны, в отношении этих прав возникает большое количество обращений в связи с их нарушениями с помощью электронной техники и информационных технологий. По данным Роскомнадзора, правонарушения в сфере конституционных прав и свобод человека показывают существенный рост: например, только в сфере обработки персональных данных в 2022 г. выявлено 4590 нарушений, в 2023 г. — уже 7068¹¹. Общий удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, от общего числа зарегистрированных преступлений ежегодно составляет более 25 %¹².

В свою очередь, статистические данные судебных органов содержат ограниченную информацию по данным категориям дел. По результатам исследования RTM Group, «удовлетворение требований о защите чести, достоинства и репутации физических лиц в сети Интернет является всё еще редким явлением, а еще более редким — взыскание морального ущерба. Данная категория дел в целом является малораспространенной: в 2021 г. было принято 281 решение (из них 93 % — гражданские дела, 7 % — уголовные, административные и иные). Процент удовлетворений и отказов по данным делам примерно равный. 2021 г.: из 281 решения 44,5 % было удовлетворено полностью или частично, 40,2 % — отказано в удовлетворении, остальное: было обжаловано, отменено или окончательное решение еще не принято»¹³. Процент удовлетворений по таким категориям дел по итогам 2023 г. остался примерно на том же уровне (46 %) ¹⁴. Незначительные показатели по привлечению к уголовной ответственности

за совершение преступлений против конституционных прав и свобод человека с использованием информационно-телекоммуникационных ресурсов отмечаются и по данным портала «Судебные и нормативные акты РФ»: в период с 2016 по 2024 г. по ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) зарегистрировано 13 дел; по ст. 138 УК РФ (нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) — 6 дел¹⁵.

Таким образом, широкое распространение доступа к сети Интернет, возможностям размещения и распространения информации в обезличенной форме выявило проблемы современного общества: во-первых, недостаточно высокий уровень правовой культуры; во-вторых, отсутствие эффективных механизмов охраны и защиты личных прав и свобод в цифровой среде.

Наиболее позитивно в группе личных прав и свобод человека выглядят право на пользование родным языком, свободы совести и религиозного вероисповедания, права на определение и указание национальной принадлежности, на доступ к информации, непосредственно затрагивающей права и свободы человека. Широкое представительство в интернет-пространстве государственных органов и органов местного самоуправления, общественных объединений и религиозных организаций, в том числе СМИ на национальных языках коренных народов Российской Федерации¹⁶, позволяет предположить, что внедрение цифровых технологий как минимум расширяет возможности граждан в области реализации этих прав и свобод.

Впрочем, даже в этой подгруппе цифровизация позволила вывести на новый уровень только отношения, связанные с оказанием государственных услуг населению, в том числе в части информации, непосредственно касающейся прав и свобод человека (так, к концу 2023 г. количество зарегистрированных пользователей

¹¹ Отчеты о деятельности // Официальный сайт Роскомнадзора. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/plans/reports/> (дата обращения: 26.04.2024).

¹² Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 06.05.2024).

¹³ Исследование: защита чести и достоинства в сети Интернет // RTM Group. URL: <https://rtmtech.ru/research/rtm-research-rp/> (дата обращения: 24.04.2024).

¹⁴ Судебная статистика РФ // URL: <https://sudstat.ru/stats/gr/t/22/s/33> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁵ Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁶ Например, см.: Черевко Т. С., Гладкова А. А. Интернет-СМИ России на языках этнических групп // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2016. № 5. С. 56–72.

«Госуслуг» составило 109 млн¹⁷). В остальных случаях влияние цифровизации оказывается достаточно опосредованным, например, на 2016 г. не более 10 % интернет-СМИ издавалось на языках народов России, при этом, по данным отрасли, их количество ежегодно сокращается еще на 10 %¹⁸. На востребованность сайтов религиозных организаций большое влияние оказала пандемия коронавируса, повысив более чем на 30 %. При этом цифровизация способствовала появлению виртуального суррогата религии, который проявляется в сакрализации электронных устройств и возникновении цифровых идентификаторов религиозности¹⁹.

В последнее время вопросы, связанные с реализацией права на доступ к информации в цифровой среде, активно обсуждаются в целом ряде государств в связи с задержанием основателя Telegram Павла Дурова в Париже, блокированием платформы X Илона Маска в Бразилии, признанием М. Цукерберга о цензуре Facebook информации по инициативе администрации Президента США. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что универсальные нормы и принципы уважения прав и свобод человека в цифровой среде не имеют правовых механизмов охраны и защиты. А угрозы влияния цифровых технологий на реализацию прав и свобод человека являются общими для технологически развитых государств.

В реализацию публично-политических прав и свобод гражданина в настоящее время активно внедряются цифровые технологии. Свобода мысли и слова, права на информацию, на объединения, на манифестации, на участие в управлении делами государства и на осуществление местного самоуправления, избирательное право, право на обращение реализуются в том числе в цифровой форме. В связи с широкой вовлеченностью этой группы в процессы цифровизации в юридической науке появились работы, отстаивающие необходимость научного и практического обособления цифровых политических прав²⁰, что, на наш взгляд, преждевременно. Как справедливо отмечается В. Д. Зорькиным, Р. М. Дзидзоевым, А. С. Лолаевой, Я. В. Антоновым, цифровизация приводит только к новым техническим способам волеизъявления и коммуникации и не затрагивает на данном этапе содержания публично-политических прав²¹. В научной литературе в целом сформировалась настороженная позиция по вопросам дальнейшей цифровизации публично-политических прав, прежде всего относительно прямого участия населения в решении вопросов государственного управления²².

Цифровизация публично-политических прав вызывает опасения в условиях глобальности сети Интернет и несовершенства действующего законодательства, когда не решены проблемы

¹⁷ Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 г. // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (дата обращения: 02.05.2024).

¹⁸ Черевко Т. С., Гладкова А. А. Указ. соч. С. 56–72.

¹⁹ Нимяев Э. А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183.

²⁰ См., например: Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. 10–15 ; Максимов А. А. Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 ; Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. № 10 (5А). С. 11–27.

²¹ См.: Зорькин В. Д. Указ. соч. ; Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровое конституционное право: к постановке вопроса // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 17–20 ; Антонов Я. В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38–41.

²² См., например: Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2007 ; Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014 ; Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В. Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / под общ. ред. И. Б. Борисова. М. : ООИП, 2018.

идентификации личности или общественных объединений, определения юрисдикции, а также ответственности интернет-посредников (как, например, в случае «виртуальных митингов» 2020 г., проведенных с использованием приложений «Яндекс Навигатор» и «Яндекс Карты» (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Красноярск, Краснодар, Белгород и т.д.)²³), — всё это может препятствовать объективному учету мнения народа.

Несмотря на опасения, цифровизация не оказала существенного влияния на решение вопросов государственного или муниципального значения. Например, на выборах Президента РФ 17 марта 2024 г. с помощью дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) проголосовало 4 767 974 избирателя²⁴, т.е. чуть более 5 % от общего числа избирателей. Годом ранее, в единый день голосования в сентябре 2023 г., по данным Центральной избирательной комиссии РФ, таких участников было 3,8 млн²⁵. Таким образом, существенного роста количества избирателей, вовлеченных в процессы выборов в дистанционной форме, не происходит.

ДЭГ в Российской Федерации впервые применялось 8 сентября 2019 г. на выборах депутатов в Мосгордуму; к 2024 г. территории только 10 субъектов РФ полностью готовы к реализации ДЭГ, еще 15 субъектов РФ готовы предоставить такую возможность на отдельных выборах²⁶. ДЭГ через пять лет с внедрения реализуется менее чем в 30 % субъектов РФ, т.к. сталкивается не только с техническими проблемами, но и с неоднозначным отношением к самой идее дистанционного голосования²⁷.

Современное развитие технологий существенным образом трансформировало привыч-

ные механизмы участия граждан в публичном управлении путем перехода к использованию разнообразных платформ гражданских инициатив, однако, как отмечают Е. И. Васильева и А. В. Орфонидий, «по данным российских и зарубежных исследователей, это не привело к повышению включенности общественности в разработку реализации программ и политик»²⁸.

Таким образом, цифровизация публично-политических прав не оказывает существенного влияния на вовлеченность граждан в публично-политические процессы, однако способствует разнообразию форм публично-политической активности.

Процессы цифровизации существенно затронули экономические, социальные и культурные права человека. Среди всей этой группы только два конституционных права не получили реализации в цифровой форме: право на жилище и право на отдых. Обеспечение возможности реализации права на жилище может иметь цифровую форму, например за счет регистрации права собственности и иных вещных прав на жилище в цифровой форме, подачи заявления на предоставление жилья в качестве меры социальной защиты, контроля за выделением жилья государственными органами и органами местного самоуправления.

Право на отдых в настоящее время обеспечено в цифровой форме только гарантией предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска и иных видов отпусков (ст. 312.4 ТК РФ). Относительно иных видов времени отдыха, предусмотренных статьей 107 ТК РФ, законодатель пошел по пути решения этого вопроса по усмотрению дистанционного работника (ст. 312.4 ТК РФ). На наш взгляд, это не может рассматриваться в качестве обеспечения права

²³ Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. Казань : Отечество, 2020.

²⁴ Памфилова: Свыше 8 млн избирателей проголосовали электронно // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/18/pamfilova-svyshe-8-mln-izbiratelej-progolosovali-elektronno.html> (дата обращения: 19.07.2024).

²⁵ ЦИК: На двух платформах ДЭГ проголосовали почти 3,8 миллиона россиян // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/09/13/cik-na-dvuh-platformah-deg-progolosovali-pochti-38-milliona-rossiiian.html> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁶ Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. URL: <https://vybory.gov.ru/> (дата обращения: 14.08.2024).

²⁷ Памфилова заявила о возможности ЦИК распространить ДЭГ на всю Россию // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/15717691> (дата обращения: 15.08.2024).

²⁸ Васильева Е. И., Орфонидий А. В. Платформы гражданского участия как направление цифровизации публичного управления // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3. С. 49–60.

на отдых, т.к. не позволяет установить продолжительность рабочего времени дистанционного работника, факт предоставления предусмотренных действующим законодательством перерывов.

Цифровые технологии и искусственный интеллект наиболее активно применяются в экономической сфере, в результате именно экономические права получили самые разнообразные формы конкретизации в цифровой среде. В последние годы законодатель проделал большую работу по регулированию данных общественных отношений, что обусловлено широким распространением цифровых форм и инструментов в экономике государства (например, только в области интернет-торговли в 2023 г. оборот составил 6 трлн руб. — 13,8 % всей розничной торговли²⁹, а количество дистанционных работников к 2024 г. увеличилось до 10 %).

Внедрение смарт-контрактов, майнинга криптовалют и цифровых финансовых активов способствует появлению новых сегментов экономики и расширению гражданского оборота и, как следствие, нуждается в совершенствовании отраслевого законодательства. При этом, как совершенно справедливо отмечает С. А. Синицын, «правовое регулирование должно сохранять свойства технологической нейтральности и стабильности, не превращаясь в пошаговую инструкцию постоянно устаревающих технических новинок»³⁰. Безусловно, цифровизация способствовала расширению форм, сегментов и видов экономической активности, однако не привела к созданию новых универсальных прав.

В области таких социальных прав, как права на защиту материнства, детства и семьи государством, на социальное обеспечение и соци-

альную защиту, на охрану здоровья и медицинскую помощь, цифровизация прежде всего создала новые формы обеспечения доступа к этим правам, например оформление пособий на детей (детских пособий): ежемесячных выплат, пособий для многодетных семей, материнского капитала³¹, назначение и предоставление мер соцподдержки в электронном виде с 2024 г.³², расширение возможностей доступа к медицинской помощи за счет развития телемедицины (9 млн консультаций по итогам 2023 г.)³³, а также электронной записи на прием к врачу.

Внедрение цифровых технологий заметно упростило получение мер социальной поддержки, при этом обострив социальное неравенство, в том числе в доступе к интернет-ресурсам. Более 86 % домохозяйств в 2024 г. в России имеют доступ к высокоскоростному Интернету, как сообщил вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко в рамках Дня Рунета на ВДНХ³⁴. Однако это означает, что еще 14 % домохозяйств этой технической возможности не имеют. К ним необходимо отнести также россиян, которым интернет-ресурсы не доступны по экономическим причинам, а также тех, кто по состоянию здоровья или в силу возраста не может воспользоваться такой возможностью. Именно эта категория граждан в первую очередь и нуждается в мерах социальной поддержки. Таким образом, для наименее социально защищенных слоев населения цифровизация значительных изменений в вопросе доступа к реализации социальных прав не принесла.

В области реализации права на благоприятную окружающую среду цифровые технологии прежде всего связаны с развитием больших

²⁹ Как поменялся рынок интернет-торговли в 2023 г. // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/02/2024/65c64b479a794726261d49f7 (дата обращения: 22.07.2024).

³⁰ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : Норма, ИЗиСП, 2022. С. 15.

³¹ Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <https://www.gosuslugi.ru/271562> (дата обращения: 23.07.2024).

³² Предоставление мер соцподдержки в электронном виде — новый регламент с 2024 г. // URL: <https://sobesy.ru/news/predostavlenie-mer-sotspodderzhki-v-elektronnom-vide-novyj-reglament-s-2024-goda> (дата обращения: 23.07.2024).

³³ Здоровый звон: россияне стали чаще консультироваться с медиками онлайн. Число телемедицинских консультаций для пациентов может достигнуть 9 млн по итогам года // URL: <https://iz.ru/1627374/valeriia-mishina-ksenii-nabatkina/zdorovyi-zvon-rossiiane-stali-chashche-konsultirovatsia-s-medikami-onlain> (дата обращения: 23.07.2024).

³⁴ В России более 86 процентов домохозяйств имеют доступ к Интернету // РИА Новости. 07.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240407/internet-1938374005.html> (дата обращения: 23.07.2024).

данных. Появление технической возможности собирать и анализировать огромные массивы данных, согласно Ассамблее ООН, может активно применяться для «1) сбора и раскрытия данных в области экологии и климата, в том числе генерируемых при производстве; 2) оценки экологических рисков; 3) отслеживания контролирующими органами рисков для окружающей среды в режиме реального времени; 4) интеграции данных в области экологии в цифровую экономику с целью изменения моделей поведения хозяйствующих субъектов»³⁵. Однако, несмотря на большие перспективы использования цифровых технологий при реализации прав человека на благоприятную окружающую среду, в научной литературе отмечаются и не решенные в настоящее время проблемы. В частности, Э. И. Лескина обозначает правовые, этические и кадровые барьеры, препятствующие внедрению цифровых технологий в охрану окружающей среды³⁶.

Среди социальных прав именно право на образование получило существенный толчок к цифровизации в период пандемии COVID-19. Развитие интернет-платформ, широкое внедрение дистанционных образовательных технологий в процессы оказания образовательных услуг были оценены обществом неоднозначно. Наряду с несомненными плюсами, такими как отсутствие территориальных ограничений, значительное снижение расходов на получение образования, возможность обращаться к любым образовательным ресурсам и электронным библиотечным системам, заметно обострились проблемы качества образовательных услуг, оказываемых с использованием цифровых технологий. Государство в лице надзорных органов оказалось не готово обеспечить качество образовательных услуг в интернет-пространстве. К 2024 г. объем рынка онлайн-курсов, в

котором занято около 500 тыс. человек, очень приблизительно оценивается в 100 млрд руб., а бизнес-тренингов — в 10 млрд руб.³⁷ Таким образом, на сегодняшний день эта сфера по каким-то причинам выпала за рамки правового регулирования, несмотря на то, что офлайн-такое регулирование достаточно развито. В связи с этим остро стоит вопрос создания механизмов регламентации образовательной деятельности в цифровой среде.

Свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, а также право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям также оказались вовлеченными в процессы цифровизации. Создание специализированных интернет-площадок и новых цифровых средств расширило возможности авторов, создателей литературных, художественных, научных и технических произведений за счет возможности напрямую общаться с заинтересованной общественностью, минуя издателей, организаторов выставочных пространств и иных посредников. Например, количество независимых авторов на специализированных площадках только за 2023 г. увеличилось на 30 %³⁸. В результате создаются новые цифровые культурные объекты, а также цифровые копии культурных объектов, правовое положение которых требует уточнения с целью защиты авторских прав и права собственности на эти объекты.

Цифровизация не только способствовала свободе различных видов творчества, но и расширила доступ к культурным ценностям и учреждениям культуры. По данным платформы «PRO.Культура.РФ», только в 2021 г. проведено и выложено на интернет-платформы 637 900 подтвержденных культурных мероприятий³⁹. Однако, несмотря на большое количество про-

³⁵ Can Big data help protect the planet? // URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/can-big-data-help-protect-planet> (дата обращения: 29.07.2024).

³⁶ Лескина Э. И. Цифровизация и право человека на благоприятную окружающую среду // Право и цифровые технологии : электрон. сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции, Новополюцк, 25 ноября 2022 г. / Полоц. гос. ун-т имени Евфросинии Полоцкой ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. Новополюцк, 2023. С. 52–55.

³⁷ Блогеров и инфоцыган выведут в правовое поле // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/03/05/reg-szfo/blogerov-i-infocygan-vyvedut-v-pravovoe-pole.html> (дата обращения: 29.07.2024).

³⁸ Сам себе автор: независимые писатели в 2023 году потеснили «издательских» // Известия. URL: <https://iz.ru/1631392/katerina-alabina/sam-sebe-avtor-nezavisimye-pisateli-v-2023-godu-potesnili-izdatelskikh> (дата обращения: 29.07.2024).

³⁹ Подведены итоги рейтинга информационной активности культурной жизни регионов за 2021 г. // PRO. Культура.РФ. URL: <https://pro.culture.ru/blog/657> (дата обращения: 29.07.2024).

водимых в сети Интернет культурных мероприятий, возникают вопросы технической и информационной доступности⁴⁰.

Права по защите других прав и свобод человека в настоящее время наименьшим образом подвержены цифровизации в связи с высокой степенью формализации всех процессуальных действий. Однако и эта группа отличается существенным потенциалом для внедрения цифровых технологий. Согласно Конституции РФ к этой группе относятся права: на сочетание государственной защиты прав и свобод с возможностями самозащиты; на судебную защиту прав и свобод; на рассмотрение дела в надлежащем суде; на получение квалифицированной юридической помощи; на презумпцию невиновности; на гуманизм правосудия; на защиту интересов пострадавших от нарушителей законов; на применение действующего закона. В результате внедрение цифровых технологий способствовало:

— росту правовой образованности граждан, улучшению качества работы государственных органов и органов местного самоуправления за счет возможностей специализированных справочно-поисковых и поисково-аналитических систем;

— повышению доступности услуг государственных органов и органов местного самоуправления для населения посредством дистанционных технологий, официальных сайтов и интернет-приемных;

— доступности юридической помощи в дистанционной форме;

— развитию автоматизации правосудия.

Впрочем, дальнейшее внедрение цифровых технологий в осуществление правосудия вызывает опасения у специалистов, особенно в части применения искусственного интеллекта⁴¹, которые связаны с невозможностью искусственного интеллекта давать оценку философско-правовым категориям, таким как «справедливость», «гуманизм», «добросовестность».

В результате цифровые технологии призваны снизить нагрузку на судей прежде всего путем технической помощи в подготовке материалов, судебных приказов, обработке больших объемов данных.

Заключение

В целом все группы конституционных прав и свобод человека подверглись процессам цифровизации. Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта способствовало созданию новых форм реализации конституционных прав и свобод. Однако цифровизация повлекла за собой и новые угрозы, которые могут быть нейтрализованы только путем создания новых правовых механизмов. Практика показала, что право как универсальный социальный регулятор применимо для регламентации общественных отношений в цифровой среде. Стихийно сложившиеся инструменты саморегулирования не опираются на базовые конституционные принципы, в том числе признание прав и свобод человека высшей ценностью, следовательно, они не могут считаться основным источником регулирования.

В условиях быстро развивающихся технологий и меняющихся общественных отношений возрастает значение конституционных принципов, а также прав и свобод человека как базовой ценности, фундамента для построения новых правоотношений в цифровой среде, создания новых цифровых прав. В частности, ввиду масштаба проникновения цифровых технологий в реализацию конституционных прав и свобод человека необходимо прежде всего законодательно закрепить гарантию доступа к сети Интернет как условие реализации конституционных прав и свобод в цифровой среде, а также дополнить положения о запрете дискриминации прав и свобод человека в зависимости от формы реализации прав и свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

⁴⁰ Савченко Е. А. Культурные права человека в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 151–164.

⁴¹ См., например: Гаджиев Х. И. Эволюция судебной власти в информационном обществе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 79–91.

- Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2007. 864 с.
- Антонов Я. В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38–41.
- Борисов И. Б., Головин А. Г., Игнатов А. В. Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / под общ. ред. И. Б. Борисова. М. : РОИИП, 2018. 278 с.
- Васильева Е. И., Орфонидий А. В. Платформы гражданского участия как направление цифровизации публичного управления // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3. С. 49–60.
- Гаджиев Х. И. Эволюция судебной власти в информационном обществе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 79–91.
- Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. № 10 (5А). С. 11–27.
- Данилов Н. А. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 86–101.
- Дзидзов Р. М., Лолаева А. С. Цифровое конституционное право: к постановке вопроса // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 17–20.
- Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 31.05.2018.
- Колесников Е. В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 13–16.
- Конева Н. С. Цифровизация государства и государственной власти // Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. С. 232–244.
- Лескина Э. И. Цифровизация и право человека на благоприятную окружающую среду // Право и цифровые технологии : электрон. сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции, Новополюцк, 25 ноября 2022 г. / Полоц. гос. ун-т имени Евфросинии Полоцкой ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. Новополюцк, 2023. С. 52–55.
- Максимов А. А. Особенности конституционно-правового регулирования реализации отдельных политических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 233 с.
- Мальшева И. В. Социальные сети как правовой феномен // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 10–16.
- Мархгейм М. В., Полухин О. Н., Товстуха О. О. Защита прав и свобод человека и гражданина в сфере исполнительной власти: опыт Российской Федерации и государств Центральной и Восточной Европы : монография. Ростов н/Д : Ростиздат, 2011. 282 с.
- Нимяев Э. А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183.
- Пашенцев Д. А. Российская законодательная традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
- Попова О. А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14–24.
- Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире : монография / отв. ред. А. Е. Постников. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Норма, Инфра-М, 2023. 248 с.
- Савченко Е. А. Культурные права человека в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 151–164.
- Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10–15.
- Трансформации прав человека в современном мире : монография / отв. ред. А. Н. Савенков. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 256 с.
- Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии : коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. Казань : Отечество, 2020. 415 с.

Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63.

Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : Норма, ИЗиСП, 2022. 376 с.

Черевко Т. С., Гладкова А. А. Интернет-СМИ России на языках этнических групп // *Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика»*. 2016. № 5. С. 56–72.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014. 336 с.

Berners-Lee T. *Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web*. Texere Publishing, 1999. 244 p.

Negroponte N. *Being Digital*. New York : Knopf, 1995. 243 p.

Riordan J. *The Liability of Internet Intermediaries*. Oxford, 2016. 639 p.

REFERENCES

Antonov YaV. Electronic democracy as a political and legal mechanism for coordinating private and public interests. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2017;12:38-41. (In Russ.).

Avakyan SA. Constitutional law of Russia: A course book. In 2 volumes. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Jurist Pub.; 2007. (In Russ.).

Avakyan SA. The information space of knowledge, the digital world and constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2019;7:23-28. (In Russ.).

Berners-Lee T. *Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web*. Texere Publishing; 1999.

Borisov IB, Golovin AG, Ignatov AV. Elections in the world: Features of the referendum process. Use and electoral technologies. Borisov IB (ed.). Moscow: ROIP Publ.; 2018. (In Russ.).

Cherevko TS, Gladkova AA. Online media in the languages of ethnic groups of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2016;5:56-72. (In Russ.).

Danilov NA. Legal regulation of access to information of an Internet user after his death: A comparative legal study. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2021;17(1):86-101. (In Russ.).

Dzidzoev RM, Lolaeva AS. Digital constitutional law: Raising the issue. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2022;6:17-20. (In Russ.).

Ebzeev BS. Constitution, power and freedom in Russia: The experience of synthetic research. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).

Gadzhiev Khl. The evolution of judicial power in the information society. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2023;19(5):79-91. (In Russ.).

Glushkova SI, Letunov ED. The development of human rights in the context of the digitalization of society: Current trends in digital reality. *Theories and Problems of Political Studies*. 2021;10(5A):11-27. (In Russ.).

Khalin VG, Chernova GV. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: Advantages, challenges, threats and risks. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2018;10:46-63. (In Russ.).

Kolesnikov EV. Development of information rights of citizens in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Constitutional aspect. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2019;1:13-16. (In Russ.).

Koneva NS. Digitalization of the state and state power. In: Podshivalova TP, Titovoy EV, Gromovoy EA (eds.). *The Law of the digital environment: A monograph*. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. Pp. 232–244. (In Russ.).

Kucherova II, Sinitsyna SA (eds.). *Digital economy: Current directions of legal regulation. A study guide*. Moscow: Norma: IZiSP Publ.; 2022. (In Russ.).

Leskina EI. Digitalization and the human right to a healthy environment. In: Shakhnovskaya IV, Solovyov PV (eds.). *Law and digital technologies. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Novopolotsk, November 25, 2022*. Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk. Novopolotsk: Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk Publ.; 2023. Pp. 52–55. (In Russ.).

Maksimov AA. Features of the constitutional and legal regulation of the implementation of certain political rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation on the Internet. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2021. (In Russ.).

Malysheva IV. Social networks as a legal phenomenon. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Law Herald]*. 2023;2(101):10-16. (In Russ.).

Markhgeim MV, Polukhin ON, Tovstukha OO. Protection of human and civil rights and freedoms in the sphere of executive power: The experience of the Russian Federation and the states of Central and Eastern Europe. A monograph. Rostov n/D: Rostizdat Publ.; 2011. (In Russ.).

Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf; 1995.

Nimyaev EA. The place of religion in the digital communication system: A «space for community» and a digital religious surrogate. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2023;3:171-183. (In Russ.).

Pashentsev DA. The Russian legislative tradition facing the challenge of digitalization. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;2:11-12. (In Russ.).

Popova OA. New subjects of the information society and the knowledge society: The issue of regulatory environment. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;11:14-24. (In Russ.).

Postnikov AE, editor. The legal status of a person and a citizen in a changing world: A monograph. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation: Norma: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. Oxford; 2016.

Savchenko EA. Cultural human rights in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2023;49:151-164. (In Russ.).

Savenkov AN, editor. Transformations of human rights in the modern world: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Talapina EV. Human rights and digital sovereignty. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 2020;6:10-15. (In Russ.).

Vasilyeva EI, Orfonidiy AV. Platforms of civic participation as a direction of digitalization of public administration. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*. 2022;3:49-60. (In Russ.).

Vorontsova IV, editor. Transformation and digitalization of the legal regulation of public relations in modern realities and conditions of the pandemic: A collective monograph. Kazan: Otechestvo Publ.; 2020. (In Russ.).

Zorkin VD. Law in the digital world. *Rossiyskaya Gazeta*. 2018. May 31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунгу Евгения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России
д. 49, Октябрьский пр-т, г. Новокузнецк 564066, Российская Федерация
lungu.const.law@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Lungu, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation
lungu.const.law@gmail.com

Материал поступил в редакцию 15 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 20 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 15.08.2024.

Revised 20.09.2024.

Accepted 15.02.2025.

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Влияние специальной военной операции на преступность в России

Резюме. Статья посвящена вопросу текущего и перспективного влияния проводимой с февраля 2022 г. специальной военной операции на преступность в России. Цель статьи: на основе статистических данных о состоянии судимости и доктринальных точек зрения выявить общественно опасные деяния, обусловленные проведением специальной военной операции; высказать предположения о развитии криминальной ситуации в стране в условиях проведения специальной военной операции; предложить меры профилактики ухудшения криминальной ситуации. Последовательно проанализированы такие аспекты, как преступность лиц, помилованных для участия в специальной военной операции (с учетом исторического опыта привлечения заключенных к боевым действиям); преступность вследствие посттравматического стрессового расстройства; преступность вследствие роста доходов участников специальной военной операции, а также в связи с приобретением ими навыков обращения с огнестрельным оружием; мошеннические действия в отношении родственников участников специальной военной операции; преступность несовершеннолетних; преступность, связанная с вынужденной миграцией; экстремистские проявления; военная преступность. Отдельно отмечены данные о судимости за 2019–2023 гг. по ряду составов преступлений и в разрезе категории совершенного общественно опасного деяния. В качестве эмпирической базы исследования выступили данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, Росстат и ФСИН России. Результаты исследования могут быть применены в правоприменительной деятельности, в законотворческом процессе и в дальнейших научных исследованиях влияния военных действий на преступность.

Ключевые слова: специальная военная операция; военные действия; помилование; преступность; преступность несовершеннолетних; насильственная преступность; военная преступность; незаконный оборот оружия; предупреждение преступлений; ПТСР; судимость

Для цитирования: Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 98–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119

The Impact of a Special Military Operation on Crime in Russia

Villi A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the issue of the current and future impact of the special military operation launched in February 2022 on crime in Russia. The purpose of the paper is the following. Based on criminal records statistics and doctrinal points of view, the author aims to identify socially dangerous acts caused by a special military operation; to make assumptions about the development of the criminal situation in the country in the context of a special military operation; to propose measures to prevent the deterioration of the criminal situation. The following aspects have been consistently analyzed: criminality of persons pardoned for participation in a special

military operation (taking into account the historical experience of involving prisoners in combat); criminality due to post-traumatic stress disorder; criminality due to the increase in income of participants in a special military operation, as well as in connection with their acquisition of skills in handling firearms; fraudulent actions against relatives of participants in a special military operation; juvenile delinquency; crime related to forced migration; extremist manifestations; war crime. The data on criminal records for 2019–2023 for a number of crimes and in the context of the category of socially dangerous acts committed are separately noted. The empirical basis of the study was data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, Rosstat and the Federal Penitentiary Service of Russia. The results of the study can be applied in law enforcement, in the legislative process and in further scientific research on the impact of military operations on crime.

Keywords: special military operation; military actions; pardon; crime; juvenile delinquency; violent crime; war crime; illegal arms trafficking; crime prevention; PTSD; criminal record

Cite as: Maslov VA. The Impact of a Special Military Operation on Crime in Russia. *Lex Russica*. 2025;78(3):98-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119

1. Введение

Можно с уверенностью утверждать, что начатая в феврале 2022 г. специальная военная операция в той или иной степени уже затронула каждого россиянина. Ее проведение уже сейчас оказывает влияние на криминальную ситуацию в стране и с неизбежностью негативно отразится на преступности в дальнейшем, в связи с чем представляется необходимым исследование вопросов влияния военных действий на преступность в России.

2. Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследованы: преступность лиц, помилованных для участия в специальной военной операции; преступность вследствие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР); преступность вследствие роста доходов участников специальной военной операции, а также в связи с приобретением ими навыков обращения с огнестрельным оружием; мошеннические действия в отношении родственников участников специальной военной операции; преступность несовершеннолетних; преступность, связанная с вынужденной миграцией; экстремистские проявления; преступность военнослужащих; участие в специальной военной операции как обстоятельство, смягчающее наказание; данные о судимости за 2019–2023 гг. В качестве эмпирической базы исследования выступили данные ФСИН России и Судебного департамента при Верховном Суде России.

3. Основные результаты исследования

3.1. Преступность лиц, помилованных для участия в специальной военной операции

Аксиоматично, что любые военные действия негативно сказываются на такой задаче государства, как борьба с преступностью, способствуют совершению ряда преступлений и создают предпосылки для совершения общественно опасных деяний в будущем. Причин бесспорности данного утверждения множество, среди них можно отметить, как нам представляется, ключевую — вынужденное смещение государственных приоритетов с внутренней безопасности на внешнюю.

Далее позволим себе отметить ряд, на наш взгляд, наиболее значимых, требующих внимания как со стороны государства, так и со стороны исследователей аспектов, в которых прослеживаются точки соприкосновения специальной военной операции и преступности.

Применительно к текущим реалиям первым сто́ит упомянуть высокий риск совершения преступлений лицами, освобожденными для участия в специальной военной операции посредством помилования.

С одной стороны, конкретики здесь не так много, поскольку указы о помиловании носили закрытый характер и нам неизвестен истинный масштаб числа помилованных, равно как и их структура (как минимум в части тяжести совершенного ими преступления). Равно как не известно, сколько из них вернулось со специальной военной операции (осталось в живых), кто из них получил травмы, фактически исключая совершение ими новых преступлений, и т.д.

С другой стороны, факты позволяют предположить, что:

а) масштаб освобождения от наказания путем помилования для участия в специальной военной операции достаточно велик. Можно предположить, что число освобожденных находится в диапазоне от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч, поскольку, по информации ФСИН России, по состоянию на 1 января 2023 г. в уголовно-исполнительной системе содержалось 433 тыс. человек¹, в то время как годом ранее таких лиц было чуть более 468 тыс.;

б) среди освобождаемых лиц имеются лица, совершившие как тяжкие, так и особо тяжкие преступления, в том числе против жизни и здоровья;

в) достаточное число лиц после участия в специальной военной операции остались на свободе.

Особо подчеркнем, что освобождение преступников для участия в военных действиях не является чем-то экстраординарным. Примеры можно найти и в древней истории, и в XIX, XX вв. Так, можно вспомнить стремление преступников вступить во Французский иностранный легион², поскольку служба в нем освобождала от выдачи государству, где их преследовали по закону, или небезызвестное высказывание первого герцога Веллингтона Артура Уэлсли: «Я не знаю, какое влияние эти люди окажут на врага, но, ей-богу, они меня пугают», — сказанное как раз о привлекаемых в ряды английской армии преступниках; штурмовые батальоны и Зондеркоманда СС под командованием Дирлевангера в нацистской Германии и т.д.

Наибольший интерес для нас представляет, конечно же, отечественный опыт освобождения осужденных от отбывания наказания в связи с их призывом на военную службу. Так, еще в 1940 г. высшая судебная инстанция СССР указала, что лица, осужденные к исправительно-трудовым работам по месту работы, при призыве их в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота освобождаются со дня призыва от дальнейшего отбывания наказания³. Менее чем за две недели до начала Великой Отечественной войны⁴ Верховный Суд СССР уточнил, что указанное постановление распространяется на лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам на общих основаниях (не только по месту работы), отметив, что надлежит прекратить производством незаконченные дела в отношении лиц, призванных в ряды Красной Армии и Военно-Морской Флота, о преступлениях, совершенных ими до призыва, если за эти преступления законом предусмотрено наказание не выше исправительно-трудовых работ. Спустя месяц действие указанных разъяснений было распространено и на лиц, вступивших в народное ополчение⁵.

Таким образом, изначально считалось обоснованным освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу лишь лиц, совершивших относительно небольшие по степени тяжести деяния. Однако масштабы нацистской агрессии послужили причиной для принятия более кардинальных решений. Известно, что в июле 1941 г. указом Президиума ВС СССР⁶ предписывалось осво-

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 27.08.2024).

² Соколов А. А. Деятельность «Союза русских государевых людей» в Индокитае (1925–1928) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. № 12. С. 262.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.10.1940 № 41/21У «О последствиях приговора к исправительно-трудовым работам по месту работы в случае призыва осужденного в ряды Красной Армии или Военно-Морского Флота» // Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12.06.1941 № 23/9/у «Об освобождении лиц, призванных в ряды Красной Армии и Военно-Морской Флот, от отбывания исправительно-трудовых работ на общих основаниях и о прекращении незаконченных дел в отношении указанных лиц» // Сборник документов по истории советской военной юстиции : учеб. пособие для слушателей / сост. Л. Н. Гусев. М., 1954.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.07.1941 № 29/12/у «О распространении постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 31.10.1940 № 41/21/у и от 12.06.1941 № 23/9/у на лиц, вступивших в народное ополчение» // Сборник документов по истории советской военной юстиции.

⁶ Указ Президиума ВС СССР от 12.07.1941 «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» // Сборник основных нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказания. М., 1968.

бодить от дальнейшего отбывания наказания ряд категорий ранее осужденных лиц: виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения; виновных в прогулах без уважительных причин, совершивших мелкие кражи и хулиганства (кроме злостных хулиганов, рецидивистов); осужденных за маловажные бытовые преступления, имеющих остаток срока наказания менее года; осужденных беременных женщин и женщин с малолетними детьми (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток); осужденных за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы) учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО. Оценить воплощение в жизнь данного постановления можно, рассмотрев письмо и. о. прокурора СССР Г. Н. Сафонова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву от 04.11.1941⁷, в котором он отмечает факт освобождения 260 тыс. человек, а также потребность распространения действия указанного постановления на местности, не объявленные на военном положении, поскольку на данных территориях содержатся лица, осужденные за малозначительные преступления; до 18 тыс. бывших военнослужащих, выражающих готовность отправиться на фронт, в то время как смертность заключенных в сентябре возросла более чем в три раза в сравнении с июлем.

Следствием данного письма стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.11.1941 и циркулярное письмо Прокуратуры СССР, НКВД СССР и Наркомюста СССР от 27.11.1941 «О категориях заключенных и порядке их освобождения согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24.11.1941», каковыми этот перечень был расширен на всю территорию страны и дополнен такими категориями заключенных, как бывшие военнослужащие,

осужденные за незначительные преступления; нетрудоспособные инвалиды, пожилые люди, имевшие остаток срока менее 3 лет⁸.

Согласно докладной записке прокурора СССР В. М. Бочкова⁹, в рамках отмеченного указа было освобождено 279 068 человек, передано в военкоматы 82 014 человек, а практика применения указа «выдвинула вопрос о возможности освобождения от наказания бывших работников НКВД, милиции и военизированной охраны, осужденных за малозначительные должностные и хозяйственные преступления, совершенные до начала войны».

Пополнение рядов защитников Отечества происходило с учетом положений постановления Пленума Верховного суда СССР от 22.01.1942 № 2/3/У «О применении ст. 19-2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик к военнообязанным, подлежащим призыву или мобилизации», в соответствии с которым осуждение лиц, совершивших преступление, к лишению свободы на срок не свыше 2 лет без поражения в правах не являлось препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Красную Армию или Военно-Морской Флот. Дальнейшие разъяснения Верховного Суда СССР были направлены на еще большее расширение практики применения указанных положений, поскольку указывали на то, что нормы постановления от 22.01.1942 действуют независимо от срока, на который освобождено лицо (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.07.1943 № 14/М/8/У «О применении ст. 19-2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик к военнообязанным, подлежащим призыву или мобилизации»). Значимо и то, что советские исследователи положительно характеризовали практику призыва на военную службу в качестве альтернативы лишению сво-

⁷ Письмо и. о. прокурора СССР Г. Н. Сафонова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву об освобождении некоторых категорий заключенных согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12.07.1941 «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» // История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюзина. М. : Росспэн, 2004. Т. 1 : Массовые репрессии в СССР. С. 424–425.

⁸ Реент Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 25. № 186. С. 228.

⁹ Докладная записка прокурора СССР В. М. Бочкова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии, Г. М. Маленкову об освобождении от наказания некоторых категорий заключенных согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24.11.1941 «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» // История сталинского ГУлага. Т. 1. С. 434–435.

боды, оценивая данный подход как «целесообразный»¹⁰.

Указ Президиума ВС СССР от 27.02.1942¹¹ предоставил судам право направления работников железнодорожного и водного транспорта, осужденных к лишению свободы без поражения избирательных прав: в действующую армию — лиц призывного возраста, годных к несению военной службы, а остальных — на предприятия с использованием их в должностях по усмотрению руководителей предприятий. Поскольку данным указом не регламентировалась дальнейшая судьба призванных в армию лиц, стоит согласиться с М. Гродзинским, отмечающим, что подлежало применению примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР¹². Данное примечание предусматривало возможность освобождения от назначенной ранее меры социальной защиты либо замены ее более мягкой мерой социальной защиты лиц, проявивших себя «стойкими защитниками Союза С.С.Р.». Определение наличия данного качества ложилось на плечи суда, вынесшего приговор, принимавшего решение на основании ходатайства соответствующего военного начальства.

Исключение было сделано для лиц, ставших инвалидами вследствие участия в военных действиях. Так, М. И. Якубович отмечает, что постановление от 23.09.1943 № 18/М/14/у «О порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) к лицам, уволенным из Действующей Армии вследствие полученной

ими инвалидности» предусматривало полное освобождение инвалидов Отечественной войны от наказания или замену лишения свободы условным наказанием на тот же срок¹³.

Относительно процедуры снятия судимости стоит отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.12.1941 «О предоставлении военным советам фронтов и флотов права снимать судимость с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками»¹⁴, название которого говорит само за себя, с тем лишь уточнением, что подобное решение подлежало последующему утверждению Президиумом Верховного Совета СССР.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.02.1943 «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками Родины и освобожденных судом от наказания»¹⁵ данное освобождение отнесено к компетенции военных трибуналов или иных соответствующих судов — опять же по ходатайству военного командования.

От данной практики отказались в 1944 г. ввиду «роста негативных явлений в воинских подразделениях, укомплектованных зеками»¹⁶, или, как отмечают авторы, поскольку «в воинских частях, куда направлялись бывшие заключенные, значительно возросла дестабилизация обстановки»¹⁷. Справедливости ради подчеркнем, что указанная точка зрения А. А. Коровина не содержит документальных источников, утверждающих о дестабилизации обстановки

¹⁰ Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права в условиях военного времени // Вопросы государства и права в период Великой Отечественной войны советского народа с германским фашизмом : ученые записки. Вып. 76 : Труды юридического факультета. Книга первая / МГУ имени М.В.Ломоносова. М., 1945. С. 107.

¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 27.02.1942 «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 8.

¹² Гродзинский М. М. Особенности уголовного судопроизводства в условиях военного времени // Социалистическая законность. 1942. № 13–14 (июль). С. 15.

¹³ Якубович М. И. О правовой природе института условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11–12. С. 59.

¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-2) : Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 129.

¹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3) : Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943–1945 гг. М., 1997. С. 84.

¹⁶ Синкальская Я. В. Деятельность уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 16.

¹⁷ Коровин А. А. УИС в годы Великой Отечественной войны // История Великой Победы : сборник материалов межвузовской конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Новокузнецк, 30 июня 2020 г. / редкол.: О. А. Белоусова, О. А. Голикова. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН, 2020. С. 103.

в действующих воинских частях и подразделениях, что может служить основанием для критической ее оценки. Заслуживающим большего внимания свидетельством проблем с дисциплиной привлеченных в армию осужденных выступает приказ заместителя Народного комиссара обороны от 26.01.1944 № 004/0073/006/23сс «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию», в соответствии с которым при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию судам и военным трибуналам было приказано учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела¹⁸. Представляется, что указываемая авторами дестабилизация стала возможной ввиду масштабов освобождения заключенных. Как правило, авторы отмечают, что таковых было более 975 тыс.¹⁹

С учетом того, что рассматриваемая проблематика в некоторой степени касается важнейших институтов уголовного права: освобождения от уголовной ответственности, освобождения от уголовного наказания и амнистии (помилования), — стоит подчеркнуть невозможность полноценного раскрытия взаимосвязи данных уголовно-правовых институтов без выхода за рамки публикации. Тем не менее отметим, что в период Великой Отечественной войны был избран путь освобождения от наказания, или, если быть более точным, — отсрочки исполнения наказания с возможностью в дальнейшем освобождения от него.

Таким образом, стоит акцентировать внимание на отличительных чертах привлечения заключенных к участию в военных действиях в период Великой Отечественной войны и в настоящее время. В первую очередь это, конечно же, количество заключенных, привлеченных для защиты от нацистской Германии. Во вторую очередь это избирательный характер освобо-

ждения, поскольку далеко не все категории преступников получили возможность искупить вину в военных действиях 1940-х гг. При этом стоит помнить, и то, что, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 12.07.1941, изначально освобождались только заключенные, находящиеся в местностях, объявленных на военном положении. Применительно к реалиям специальной военной операции на основе видеозаписей вербовки заключенных Е. Пригожиным можно заключить, что препятствием для выхода из исправительной колонии было осуждение за терроризм, за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Наибольшие опасения вызывают примеры освобождения из мест лишения свободы осужденных за убийство. Закономерное следствие данного неизбирательного подхода — множество фактов совершения преступлений подобными лицами по возвращении со специальной военной операции.

Стоит понимать, что одним из негативных следствий осуждения к длительным срокам лишения свободы является потеря социальных связей. По прошествии ряда лет без специализированной помощи человек практически не способен снова «встроиться» в социум, особенно с учетом бурного развития общественных отношений.

Вкупе с указанными выше фактами можно предположить, что, к сожалению, совершение помилованными для участия в специальной военной операции новых преступлений — лишь вопрос времени. Время это зависит:

— от «удачного» (для помилованного) стечения обстоятельств. Особенно с учетом небольшого времени, прошедшего с момента осуждения, и возможного желания мести в отношении участников уголовного процесса, в результате которого был вынесен обвинительный приговор²⁰;

— момента, когда у данного лица закончатся денежные средства, полученные от участия в

¹⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3). С. 241.

¹⁹ Кузьмин С. И., Дорофеев Н. К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 24; Чвора А. А. Роль уголовно-исполнительной системы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История Великой Победы: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Новокузнецк, 21–23 апреля 2021 г. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН, 2021. С. 142.

²⁰ Тарасова М. Ю. Профилактика преступности среди помилованных, прибывших из зоны проведения специальной военной операции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 104.

военных действиях, и оно, не имея навыков (желания) их зарабатывать законными способами, вернется на преступный путь;

— момента, когда данное лицо потеряет контроль над своими действиями (к примеру, ввиду ПТСР, на фоне злоупотребления алкоголем и т.д.).

Меры предупреждения в данном случае сколь просты на уровне идеи, столь же сложны при их воплощении в жизнь — необходима кропотливая работа специалистов с данными лицами, то, что в мировой практике именуется пробацией и находится в стадии зарождения в России. Особенно с учетом того, что положения базового закона²¹ всё же не позволяют говорить о том, что лица, освобожденные от отбытия наказания вследствие акта помилования, могут быть отнесены к получателям услуг постпенитенциарной пробации, в том числе из-за оснований применения такого вида пробации.

Такая работа должна носить комплексный характер: начиная с психологической поддержки и заканчивая помощью с решением жилищного вопроса и трудоустройством. Стоит констатировать, что мер в рамках административного надзора в подобных ситуациях будет явно недостаточно.

3.2. Преступность вследствие ПТСР

Несмотря на то что посттравматическое стрессовое расстройство (код 6В40 согласно Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здо-

ровьем, 11-й редакции) известно давно и достаточно изучено, его лечение представляет определенные сложности. Авторы отмечают повышенную импульсивность и неосторожность/безрассудство, агрессивность и враждебность у осужденных с ПТСР²², это дает нам основание полагать, что существует вероятность совершения ими преступлений. Стоит подчеркнуть серьезный масштаб потенциальных негативных последствий поведения лиц, страдающих ПТСР, ввиду большого числа участников военных действий, поскольку здесь мы говорим уже не только о помилованных лицах (хотя они более подвержены ПТСР), а обо всех без исключения участниках специальной военной операции.

Как отмечают исследователи, реабилитация пациентов с ПТСР обеспечивается силами психотерапевтов, врачей-специалистов, медицинских психологов и специалистов по социальной работе, при этом наиболее эффективны когнитивно-поведенческая психотерапия²³, десенсибилизация и переработка движением глаз (ДПДГ)²⁴ и экспозиционная терапия²⁵, в том числе такой ее инструмент, как технологии виртуальной реальности²⁶. В случаях длительной или множественной травматизации перспективной признается диалектическая бихевиоральная терапия²⁷.

При этом специфика работы с комбатантами и ее объем обуславливают важность обучения специалистов, для чего авторы предлагают создание муниципальных центров, действующ-

²¹ Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

²² Искандаров Р. Р., Масагутов Р. М., Мухитова И. Э. Факторы риска и предикторы агрессивного поведения осужденных мужчин с посттравматическим стрессовым расстройством // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 2. С. 27.

²³ Грунина Т. А., Шурупов Э. В., Ивахненко Л. И. Реабилитация военнослужащих, участников СВО. Клинико-психологический аспект // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2024. № 2. С. 51.

²⁴ Казенная Е. В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 69–90.

²⁵ Барыльник С. Н., Баркова А. О. Особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у лиц, участвующих в боевых действиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки». 2023. № 2–2. С. 153.

²⁶ Воловик М. Г., Белова А. Н., Кузнецов А. Н. Технологии виртуальной реальности в реабилитации участников боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (обзор) // Современные технологии в медицине. 2023. Т. 15. № 1. С. 83.

²⁷ Васильева А. В., Караваева Т. А., Радионов Д. С. Психотерапия посттравматического стрессового расстройства — интеграция опыта чрезвычайной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 61.

щих в сфере дополнительного профессионального образования по реализации современных, вариативных и востребованных программ для подготовки высококвалифицированных специалистов по оказанию психологической помощи военнослужащим и их родственникам²⁸. При этом с учетом важности своевременного выявления лиц с признаками ПТСР на первый план выходит обучение медицинских работников других сфер распознаванию и выявлению стресс-ассоциированных расстройств²⁹.

Более того, исследования свидетельствуют о том, что лечение должно быть максимально персонализированным, с подбором фармако-терапии и психотерапии индивидуально для каждого пациента³⁰. Заслуживают поддержки предложения о создании центров дневного пребывания для комплексной реабилитации участников специальной военной операции и членов их семей³¹, об отдельной роли в оказании психореабилитационной помощи мероприятий и проектов в сфере искусства³².

В отсутствие должной работы с участниками военных действий стоит ожидать прежде всего роста насильственной преступности: побоев, причинения вреда здоровью различной степени тяжести и т.п., при этом особую озабоченность вызывает то, что субъектами преступных действий могут быть члены семьи участника специальной военной операции. Вместе с тем неосторожность/безрассудство и эмоциональ-

ное выгорание у бывших участников специальной военной операции выступают одним из факторов совершения деяний, направленных на нарушение установленных в обществе норм и правил. В качестве примера можно привести пренебрежение Правилами дорожного движения РФ бывшими участниками специальной военной операции³³.

Безусловно стоит положительно оценивать попытки государства предвосхитить указанные проблемы, например, путем организации оказания психологической помощи и сопровождения лиц, бывших участниками боевых действий и получивших посттравматическое стрессовое расстройство, на базе Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»³⁴. Его деятельность предусматривает в том числе оказание психологической и психолого-психотерапевтической помощи лицам, включая первичное психотерапевтическое консультирование с определением тактики их ведения и привлечением в этих целях медицинских психологов и иных специалистов. Вместе с тем считать деятельность фонда и его региональных отделений соответствующей ожиданиям обращающихся в фонд лиц не представляется возможным, о чем свидетельствует множество негативных оценок его деятельности (анализировалась информация о деятельности фонда, размещенная на платформах 2gis.ru, dzen.ru, vk.com).

²⁸ Сморгачева В. П., Мартынова А. В. Организация муниципальных центров для оказания психологической помощи участникам специальной военной операции и их семьям // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 524.

²⁹ Васильева А. В., Караваяева Т. А., Незнанов Н. Г. Принципы оказания медицинской помощи при посттравматическом стрессовом расстройстве лицам, уволенным с военной службы, и членам их семей // Социальная и клиническая психиатрия. 2023. Т. 33. № 4. С. 62.

³⁰ Васильева А. В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11 // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2022. Т. 122. № 10. С. 79.

³¹ Кокорева М. Е. Социальная реабилитация военнослужащих, участников СВО и их семей // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 35.

³² Гнездилов Г. В., Киселев В. В., Гнездилова М. Г. Особенности психореабилитационной работы с участниками боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) // Человеческий капитал. 2023. № 11-2(179). С. 86.

³³ Приговор Якутского городского суда (Республика Саха (Якутия)) № 1-124/2023 1-1805/2022 1-25/2024 от 27.02.2024 по делу № 1-124/2023 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024) ; приговор Дзержинского районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область) № 1-13/2024 1-492/2023 от 20.02.2024 по делу № 1-13/2024 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

³⁴ Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции “Защитники Отечества”» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2660.

3.3. Преступность вследствие роста доходов участников специальной военной операции, а также в связи с приобретением ими навыков обращения с огнестрельным оружием

Важно, что денежное довольствие участников специальной военной операции существенно превышает оплату неквалифицированного труда (особенно в регионах). Так, по состоянию на 2024 г. при заключении контракта о прохождении службы предусмотрена федеральная выплата 400 тыс. руб.³⁵, не меньшая сумма предусмотрена к выплате из бюджета субъекта Российской Федерации, а ежемесячное довольствие составляет более 200 тыс. руб.

Принимая во внимание, что среднемесячная начисленная заработная плата работников в 2023 г. составляла 74 853 руб.³⁶, а также что средняя зарплата отлична от зарплаты медианной и лица без образования получают меньше указанной суммы, можно сделать вывод, что, заключив контракт о прохождении службы и отслужив год (минимальный срок для заключения контракта), данные лица заработают столько, сколько раньше они могли заработать за 5–6 лет. Можно предположить, что по возвращении со службы данные лица вряд ли захотят устраиваться на работу, где они снова будут получать не столь большие деньги. Утверждать, что все или большинство данных лиц будут искать «легкие деньги», конечно, не стоит, однако и оставлять без внимания данное обстоятельство нельзя, подтверждение чему — приговоры бывшим участникам специальной

операции, совершающим преступления против собственности, как правило кражи³⁷, грабежи³⁸ и т.д. Акцентируем внимание на том, что вызывает особую тревогу факт приобретения этими лицами военных навыков, которые в мирное время не столь востребованы государством, но могут быть востребованы в криминальном мире.

В связи с указанным, а также с учетом приоритетности задачи по пресечению и предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств³⁹, можно привести статистику осуждения за незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, согласно которой снижение числа привлеченных к ответственности в 2020 г. сменилось ростом числа осужденных по ст. 222–226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴⁰ (диаграмма 1).

Стоит ли ожидать увеличения числа указанных преступлений в дальнейшем, на наш взгляд, вопрос открытый, но отметим импонирующую нам точку зрения о том, что «в период проведения специальной военной операции возрастает риск совершения массовых посягательств на жизнь»⁴¹. Принимая во внимание указанный выше приобретенный опыт, доступность оружия, рост криминальных сделок с ним, а также трансформацию морально-личностных установок лиц, находящихся в стрессовых условиях боевой обстановки (в том числе и

³⁵ Указ Президента РФ от 31.07.2024 № 644 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 32. Ст. 4846.

³⁶ Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 22.08.2024).

³⁷ Приговор Чунского районного суда (Иркутская область) от 03.05.2024 № 1-101/2024 по делу № 1-101/2024 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024); приговор Гайского городского суда (Оренбургская область) от 20.02.2024 № 1-23/2024 по делу № 1-23/2024 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024); приговор Калужского районного суда (Калужская область) от 19.02.2024 № 1-1276/2023 1-138/2024 по делу № 1-1276/2023 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

³⁸ Приговор Шекснинского районного суда (Вологодская область) от 15.02.2024 № 1-133/2023 1-15/2024 по делу № 1-133/2023 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

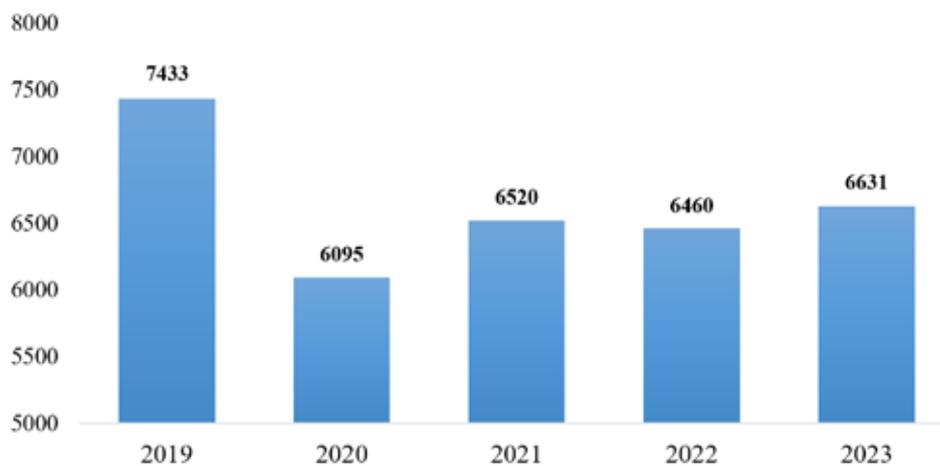
³⁹ Маслиенко М. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в условиях проведения специальной военной операции // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 323–324.

⁴⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴¹ Чечель Г. И., Артамонова Е. А., Третьяк М. И. Массовые убийства: возврат к применению смертной казни или ужесточение ответственности за незаконный оборот оружия? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 80.

Диаграмма 1

Количество осужденных за незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами (ст. 222–226.1 УК РФ) (2019–2023 гг.)⁴²

ПТСР), нельзя исключать роста числа массовых убийств с использованием оружия, в том числе огнестрельного. В качестве превенции стоит назвать по меньшей мере должный контроль за оборотом огнестрельного оружия в рамках Министерства обороны РФ и в целом применение мер, регламентирующих оборот гражданского, служебного и боевого ручного стрелкового и холодного оружия⁴³.

3.4. Мошеннические действия в отношении родственников участников специальной военной операции

Негативным следствием активного развития информационно-телекоммуникационных технологий стал взрывной рост числа дистанционных мошенничеств. Основанные на методах социальной инженерии и психологии новые способы мошенничества уверенно заняли свою нишу в структуре преступности. Отмечая, что в последние годы много сделано для нивелирования простоты совершения и доходности дистанционных мошенничеств со стороны Центрального банка Российской Федерации, Роскомнадзора, операторов сотовой связи, правоохранительных органов и общественности, стоит признать, что до сих пор нередки случаи, когда введенные в заблуждение потерпевшие переводят денежные средства неизвестным лицам.

В этой части можно отметить угрозу совершения подобных действий в отношении родственников участников специальной военной операции, успешность которых повышается, поскольку специфика боевых действий предполагает определенную конфиденциальность и невозможность оперативно связаться с родственником, находящимся в зоне спецоперации. Как известно, одно из первых правил противодействия телефонному мошенничеству, совершаемому в форме звонка «с вашим родственником беда, нужно немедленно перевести денежные средства», — ничего сразу не переводить, а перезвонить и уточнить, действительно ли родственнику требуется помощь. Сколь данный метод прост и действенен в мирное время, столь же неприменим в период военных действий.

К данному обстоятельству стоит добавить психологическую составляющую — состояние тревоги родственника, не видевшего, а возможно, и не слышавшего члена семьи несколько дней или недель. Очевидно, что звонок, в ходе которого будет сказано, что родственник в плену и если немедленно не перевести деньги, то его больше не увидеть, с высокой степенью вероятности приведет к тому, что все имеющиеся средства (а то и заемные, поскольку банки позволяют получать кредит без посещения офиса

⁴² Основные статистические показатели состояния судимости в России 2019–2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 22.08.2024).

⁴³ Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

за несколько минут посредством интернет-приложения на телефоне или доступа к сети Интернет) будут переведены мошенникам.

Сказанное актуально еще и потому, что обстоятельства подобного финансирования внешне во многом сходны с уголовно наказуемыми деяниями (к примеру, ст. 275 «Государственная измена», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» УК РФ), что повлечет необходимость возбуждения уголовных дел в отношении родственников военнослужащих.

Кроме того, стоит помнить и о рисках стать жертвой преступлений непосредственно военнослужащему — как находящемуся в зоне боевых действий, так и убывающему в тыл или увольняющемуся с действительной военной службы.

3.5. Преступность несовершеннолетних

Говоря о преступности в отношении родственников участников специальной военной операции, стоит упомянуть и проблему воспитания в неполной семье, под которой мы понимаем семью, в которой ребенка (детей) воспитывает один из родителей⁴⁴. Дело в том, что к одной из социально-психологических детерминант преступного поведения авторы справедливо относят проблемы воспитания⁴⁵. Статистика осуждения несовершеннолетних свидетельствует о том, что воспитание в неполной семье повышает риск преступления черты закона. В России на 22,3 млн детей, воспитываемых в полной семье, приходится 15,1 млн детей, воспитываемых в семье с одним родителем (данные переписи населения 2020 г.⁴⁶). Четверо из десяти (45 % в среднем за период с 2013 по

2022 г.) осужденных в возрасте 14–17 лет воспитывались в неполной семье⁴⁷. Таким образом, на 10 000 детей, воспитываемых в полной семье, приходится 2,79 осужденных несовершеннолетних, а на 10 000 детей, воспитываемых одним родителем, уже 3,67 осужденных.

С учетом указанного, утверждать, что во всех семьях, в которых отец отдал жизнь за Родину (или отсутствовал длительный период), следует ожидать проблем с правопослушным поведением детей, не стоит, однако не уделять данному аспекту внимание нельзя. Очевидна необходимость психолого-педагогической помощи детям, потерявшим отцов в ходе специальной военной операции. Не меньшего внимания требуют дети, возвращаемые из зон боевых действий: для профилактики и лечения психических расстройств у них требуется оказание комплексной психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи⁴⁸.

3.6. Преступность, связанная с вынужденной миграцией

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя не сказать и о тех, кто остался без крова, вынужденно покинул свой дом, который был разрушен или разграблен. Констатируя проблему многократно возросшего миграционного потока (по данным из разных источников, на территорию России с 2014 г. прибыло от 2 до 5 млн украинцев), подчеркнем, что речь идет как о давно известных категориях «беженец»⁴⁹, «вынужденный переселенец»⁵⁰, так и о несколько более новой и используемой в доктрине категории «жертва военного конфликта». В отечественных нормативных актах, равно как

⁴⁴ ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2006.

⁴⁵ Капинус О. С. Психологические и социально-психологические детерминанты преступного поведения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 10.

⁴⁶ Итоги ВПН-2020. Т. 8 : Число и состав домохозяйств. Таблица 9 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 22.08.2024).

⁴⁷ Основные статистические показатели состояния судимости в России 2007–2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 22.08.2024).

⁴⁸ Пережогин Л. О., Захарова Н. М. Алгоритм оказания психолого-психиатрической помощи детям, возвращаемым из зон боевых действий, на этапах, предшествующих передаче в семью // Психическое здоровье. 2023. Т. 18. № 6. С. 15–22.

⁴⁹ Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. № 126. 03.06.1997.

⁵⁰ Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // Российская газета. № 247. 28.12.1995.

и в Конвенции о статусе беженцев⁵¹, ключевым относительно указанных категорий является указание на опасения со стороны лица стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Отсутствие единой централизованной системы статистического учета⁵² препятствует уверенному выстраиванию логической схемы предположений относительно потенциальных криминальных проявлений вынужденных мигрантов (равно как и в отношении вынужденных мигрантов). Вместе с тем можно отметить ряд аспектов.

Во-первых, вынужденная внутренняя миграция в отсутствие должного регулирования приводит к конфликтам (мигрантов между собой и мигрантов с населением территории, на которую они прибыли), в которых участники могут перейти границу дозволенного.

Во-вторых, различные варианты временного размещения мигрантов (в палаточных лагерях и т.п.) в условиях суеты и суматохи в некоторой степени могут быть интересны для желающих обогатиться на несчастье. Предупредить данные проявления — задача в первую очередь административная, и во многом при должной организации конфликты и воровство можно если не исключить, то минимизировать. Вместе с тем сложно согласиться с предложением некоторых авторов о том, что при росте миграционных потоков целесообразно «использовать некоммерческие организации, способные эффективно мобилизоваться, и в короткие сроки оказать необходимые услуги вынужденным мигрантам в области социальной, правовой, экономической адаптации и интеграции»,

именующих это «социальным аутсорсингом», равно как с последующим предложением по созданию «реестра наиболее надежных и проверенных некоммерческих организаций»⁵³ для данных целей. Представляется, что столь важные и комплексные задачи эффективно решить может лишь государственная (как минимум муниципальная) организация с соответствующим штатом специалистов, обладающих необходимыми компетенциями. Помощь некоммерческих организаций представляется оправданной, к примеру, в виде волонтерства.

В-третьих, сами по себе факты разрушения (приведения в невозможное для дальнейшего проживания состояние) недвижимого имущества и разграбления движимого имущества собственников, уже являясь преступлением, в дальнейшем приведут к проблемам при возвращении к мирной жизни. В первую очередь — к необходимости поиска средств на приобретение нового жилья. В этой части можно предположить вероятность различных мошеннических схем как в отношении государства (поскольку государство идет по пути расширения социальной поддержки участников специальной военной операции и их родственников⁵⁴), так и в отношении самих жертв со стороны недобросовестных продавцов (черные риелторы и т.д.).

Вообще, стоит согласиться с авторами в том, что общепризнанная на международном уровне дефиниция «беженец» в настоящее время не отвечает предъявляемым требованиям и необходимо расширение объема понятия⁵⁵. Отечественное законодательство также идет казуистическим путем перечисления признаков лица (раса, вероисповедание и т.д.), опасаясь за которые оно может быть признано беженцем, что вряд ли можно считать оправданным.

⁵¹ Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6–28.

⁵² Петровская М. И. Институт беженца как объект государственного управления в России: проблемы административно-правового регулирования // Право и политика. 2023. № 11. С. 78.

⁵³ Петровская М. И. Проблемы административно-правового регулирования государственного управления вынужденной миграцией в России в экстренных условиях // Национальная безопасность / Nota bene. 2023. № 6. С. 13.

⁵⁴ Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 86.

⁵⁵ Лановая Г. М. Определение понятия «беженец» в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.: особенности интерпретации и применения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 131.

3.7. Экстремистские проявления

Во все времена в любом государстве есть недовольные властью, и это считается нормой, равно как признаком демократии выступает необходимость учета интересов подобного меньшинства при принятии управленческих решений. Однако степень недовольства и конкретные действия в ряде случаев могут существенно различаться и, доходя до крайностей, создавать угрозу корректному функционированию органов государственной власти, правам, свободам и законным интересам человека и гражданина. Подобные действия в целом можно именовать экстремистскими проявлениями, отметив, что ввиду высокой общественной опасности они закономерно запрещены уголовным законодательством под угрозой наказания.

Проведение специальной военной операции потребовало соответствующих корректировок УК РФ⁵⁶, направленных, с одной стороны, на объективизацию информации относительно во-

енных действий и, с другой стороны, на защиту участников специальной военной операции от дискредитации.

При этом на фоне специальной военной операции можно предположить более широкое распространение подобных действий, особенно с учетом деятельности спецслужб стран НАТО и Службы безопасности Украины, которые провоцируют молодых россиян на совершение экстремистских действий⁵⁷, равно как указываемый авторами рост допустимости противозаконных форм протеста с усилением недоверия власти и ее политическому курсу со стороны студентов (на примере Юга России⁵⁸). Однако в действительности существенного роста не произошло, поскольку количество осужденных за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, хотя и возросшее в 2021 г. (до начала специальной военной операции) и 2022 г., по итогам 2023 г. существенно снизилось (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Количество осужденных по ст. 280, 280.3, 207.3 УК РФ (2019–2023 гг.)⁵⁹

⁵⁶ Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 49. 09.03.2022.

⁵⁷ Ваторопин А. С., Тепляков И. И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // Образование и право. 2022. № 8. С. 133–139.

⁵⁸ Бинева Н. К., Магранов А. С. Восприятие студенческой молодежью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 88.

⁵⁹ Данные судебной статистики. Форма 10а // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.08.2024).

Безусловно, к данным осужденным сто́ит добавить осужденных по «новым» статьям, поскольку за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ), в 2022 г. было осуждено 2 человека, а в 2023 г. уже 46; за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (так называемые «фейки об армии» или «фейкинг»⁶⁰), в 2022 г. — 14 лиц, в 2023 г. — 59 лиц. Можно предположить, что новизна вкупе с недостаточной теоретической разработанностью данных норм выступают ключевыми причинами не столь высокого числа осужденных, в связи с чем особое внимание сто́ит обратить на исследования, проливающие свет на аспекты доказывания подобных преступлений⁶¹. В целях предупреждения негативного воздействия фейковой информации представляются заслуживающими внимания предложения авторов о

необходимости разработки и внедрения в социальные сети алгоритмизирующего контента — создание и продвижение патриотического, пророссийского нарратива в российском сегменте информационного поля⁶².

Вместе с тем, признавая, что более общественно опасной выступает такая крайняя форма экстремизма, как терроризм, сто́ит отметить, что действия, связанные с вовлечением в совершение террористических преступлений и содействие их совершению, напротив, имеют преимущественно негативную динамику (диаграмма 3).

На наш взгляд, с учетом отсутствия существенного роста числа осужденных за призывы к экстремистским действиям с одновременным ростом числа осужденных за деяния, связанные с вербовкой к совершению террористических действий и публичными призывами к такой деятельности, можно говорить о наметившемся переходе к более общественно опасным деяниям против общественной безопасности.

Отдельно сто́ит подчеркнуть законодательные новеллы в части трансформации ответственности за совершение диверсии. В 2023 г.⁶³ диспозиция ст. 281 УК РФ дополнилась указанием на цель «нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды», тем самым были созданы некоторые сложности разграничения со ст. 205 УК РФ, предусматривающей ответственность за террористический акт.

3.8. Преступность военнослужащих

Отдельного внимания, особенно с учетом точек зрения о необходимости усиления уголовной ответственности за военные преступления, совершаемые в боевой обстановке в период специальной военной операции⁶⁴, о не-

⁶⁰ *Закомолдин Р. В., Агапов П. В., Дулькина Л. В.* Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 75–82.

⁶¹ *Данилова Н. А., Кульпин А. А.* Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 38–45.

⁶² *Карагодин А. В., Переверзев Е. А.* К проблеме правового регулирования влияния интернет-ресурсов на обеспечение национальной безопасности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 1. С. 7.

⁶³ Федеральный закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 97. 04.05.2023.

⁶⁴ *Моргуленко Е. А., Харитонов С. С., Шарпов С. Н.* О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13–17.

Диаграмма 3

Количество осужденных по ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (2019–2023 гг.)

обходимости совершенствования ст. 331 УК РФ и дополнения ее таким субъектом, как доброволец⁶⁵, заслуживает такая категория общественно опасных деяний, как преступления военнослужащих. При этом, на наш взгляд, речь должна идти как о деяниях, непосредственно связанных со службой (гл. 33 УК РФ), количество которых возросло более чем вдвое в 2022 г. в сравнении с 2021 г.⁶⁶, так и о преступлениях общеуголовной направленности.

Специфика военных действий, как правило, не предполагает возможности оперативного реагирования и объективного расследования преступлений ввиду трудностей проведения оперативно-розыскных, следственных и иных процессуальных действий. Однако по окончании военных действий либо по меньшей мере при освобождении захваченной территории с соблюдением требований безопасности при наличии признаков преступления проводится полноценное расследование.

Ключевая роль будет отводиться органам предварительного расследования, от качества работы которых будет зависеть, понесут ли виновные лица наказание или нет.

Кроме того, стоит признать риск совершения преступлений в отношении военнослужащих в период прохождения ими службы (вымогательство денежных средств за предоставление внеочередного отпуска, принуждение отдавать часть денежного вознаграждения за общее покровительство по службе или представление к награждению государственной наградой и т.д.).

Очевидно также влияние специальной военной операции на увеличение числа лиц с судимостью. Речь идет о военнослужащих, совершивших преступления против военной службы (например, самовольное оставление части или места службы). При этом известно, что судимость, имеющая, помимо правовых, еще и ряд внеправовых последствий, в дальнейшем с неизбежностью скажется на судьбе данных

⁶⁵ Моргуленко Е. А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 198.

⁶⁶ Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Преступность в условиях специальной военной операции // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 144.

военнослужащих, например, при попытке трудоустройства.

3.9. Участие в специальной военной операции как обстоятельство, смягчающее наказание

Согласно ст. 61 УК РФ перечень обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания в качестве смягчающих, не является исчерпывающим. Право суда признавать то или иное обстоятельство заслуживающим внимания в контексте рассматриваемого вопроса важно, поскольку различные формы содействия специальной военной операции могут признаваться в качестве обстоятельств, смягчающих наказание. Так, например, «добровольное оказание подсудимым финансовой поддержки военнослужащим — участникам специальной военной операции» было принято судом во внимание при назначении наказания осужденному по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ⁶⁷, «активная гражданская позиция по оказанию помощи участникам специальной военной операции» — осужденному по п. «г» ч. 3 ст. 158

УК РФ⁶⁸ и т.п. Более того, суд может признавать смягчающим наказание обстоятельством наличие у виновной супруга, участвующего в специальной военной операции⁶⁹.

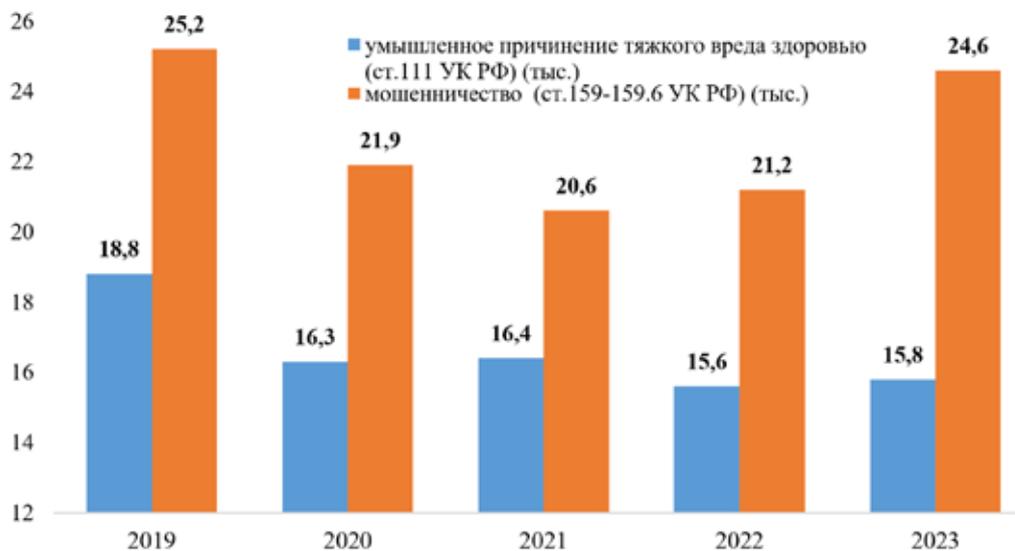
С учетом указанного, на наш взгляд, можно говорить о большей индивидуализации наказания как одном из немногих положительных аспектов влияния специальной военной операции на преступность.

3.10. Данные о судимости за 2019–2023 гг.

В завершение рассуждения о текущих и перспективных следствиях специальной военной операции для криминальной ситуации в стране видится обоснованным привести статистические данные о привлечении к уголовной ответственности за последние годы. Безусловно, делать прогнозы и выводы, имея данные лишь за 2022 и 2023 гг., поскольку именно данный период нас интересует в первую очередь, можно с существенной долей условности, однако, на наш взгляд, некоторые цифры обращают на себя внимание (диаграммы 4–6).

Диаграмма 4

Количество осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и мошенничество (2019–2023 гг.) (тыс.)

⁶⁷ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 1-373/2023 1-41/2024 от 26.02.2024 по делу № 1-373/2023 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

⁶⁸ Приговор Орджоникидзевогo районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 15.02.2024 № 1-180/2024 по делу № 1-180/2024 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

⁶⁹ Приговор Керченского городского суда (Республика Крым) от 15.02.2024 № 1-116/2024 по делу № 1-116/2024 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

Диаграмма 5

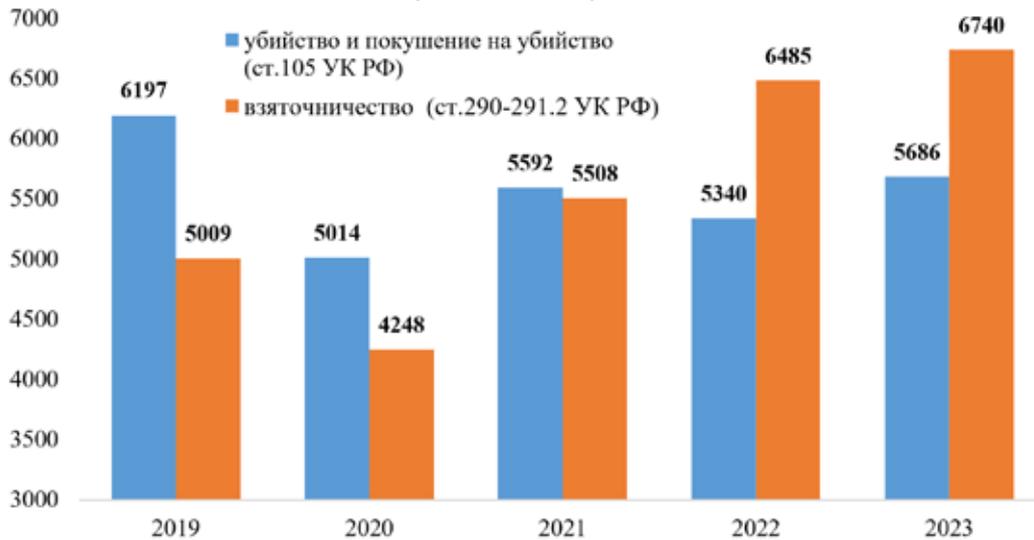
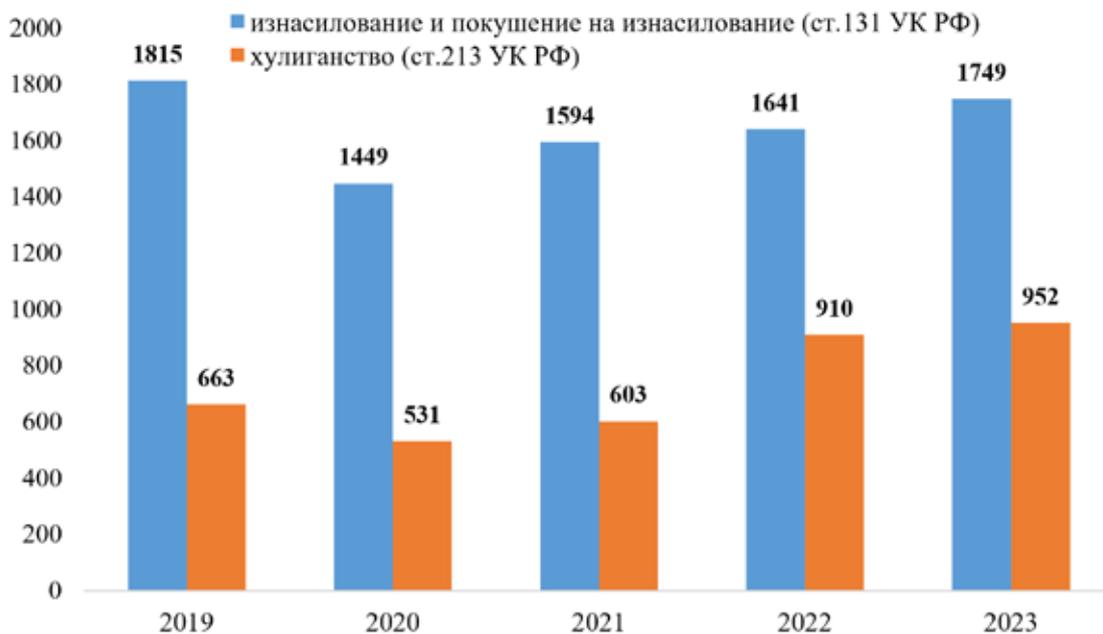
Количество осужденных за убийство, покушение на убийство и взяточничество
(2019–2023 гг.)

Диаграмма 6

Количество осужденных за изнасилование, покушение на изнасилование и хулиганство
(2019–2023 гг.)

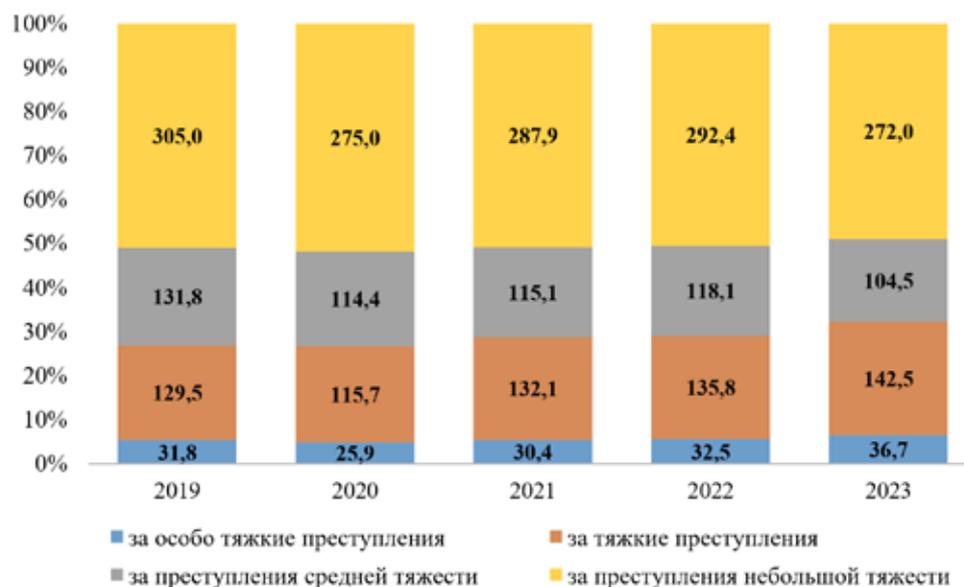
Подчеркнем, что мы не пытаемся выстроить строгую логическую взаимосвязь при выборе норм Особенной части уголовного закона, данные о судимости за совершение которых приводим. Указанные составы, на наш взгляд, своеобразные маркеры состояния преступности, позволяющие судить о некоторых изменениях в сфере борьбы с преступностью, в том числе ввиду

того, что охватывают широкий спектр охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Именно разнообразие охраняемых указанными нормами Особенной части УК РФ сфер жизнедеятельности позволяет предположить, что рост числа осужденных к концу анализируемого периода (2023 г.) можно связывать с проведением специальной военной операции.

Диаграмма 7

Структура осужденных лиц в зависимости от категории совершенного преступления (тыс.)

Для наглядности стоит также отметить структуру осужденных лиц в зависимости от категории совершенного преступления (диаграмма 7).

Данная диаграмма иллюстрирует такую проблему, как увеличение тяжести совершаемых преступлений, поскольку при снижении общего числа осуждаемых ежегодно лиц (более чем на 42 тыс. с 2019 г.) наблюдается рост лиц, осуждаемых как за особо тяжкие преступления (на 4,9 тыс., или 1,3 % удельного веса), так и за тяжкие преступления (на 13 тыс., или 4 % удельного веса).

Безусловно, стоит подчеркнуть, что некорректно считать подобные изменения следствием специальной военной операции, однако ее роль в данных изменениях, несомненно, есть.

4. Заключение

Во-первых, проведение специальной военной операции негативно сказывается на криминальной ситуации в стране в настоящее время и стоит ожидать продолжения отрицательного влияния на сферу борьбы с преступностью в дальнейшем. В частности, следует ожидать роста насильственной преступности: в первую очередь от лиц, освобожденных от наказания для участия в специальной военной операции посредством помилования, во вторую очередь от иных участников боевых действий с ПТСР. В связи с этим к ранее помилованным необ-

ходимо применение как пробационных технологий, так и конкретных мер, направленных на помощь в их ресоциализации, приобретении жилья и трудоустройстве; а в отношении участников боевых действий с ПТСР требуется комплексный подход к лечению.

Во-вторых, с учетом приобретенных в период боевых действий навыков в условиях высокого риска ПТСР (в особенности у бывших заключенных) важным представляется повышение контроля за сферой оборота огнестрельного оружия. Маркером особого внимания к данной сфере выступает количество осужденных за незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, рост которых должен восприниматься как недвусмысленный сигнал о риске совершения иных преступлений с использованием данного оружия.

В-третьих, состояние тревожности близких родственников участников специальной военной операции делает их более восприимчивыми к мошенническим действиям, в связи с чем требуется продолжение активного противодействия мошенничеству, совершаемому посредством информационно-телекоммуникационных технологий, со стороны компетентных органов и организаций (ЦБ РФ, Роскомнадзор, мобильные операторы и т.д.).

В-четвертых, очевидна необходимость психолого-педагогической помощи детям, потерявшим отцов в ходе специальной военной

операции, отсутствие какой-либо может привести к росту преступности несовершеннолетних.

В-пятых, по окончании специальной военной операции можно предположить увеличение числа мошенничества с недвижимостью (получением средств на ее приобретение) в регионах с активными боевыми действиями.

В-шестых, требует особого внимания увеличение как числа тяжких преступлений и преступлений особой тяжести, так и их удельного веса в общей массе совершаемых деяний, причин чему множество, но и специальная военная операция, на наш взгляд, играет не последнюю роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барыльник С. Н., Баркова А. О. Особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у лиц, участвующих в боевых действиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Естественные и технические науки». 2023. № 2-2. С. 151–154.

Бинеева Н. К., Магранов А. С. Восприятие студенческой молодежью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 87–115.

Васильева А. В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11 // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2022. Т. 122. № 10. С. 72–81.

Васильева А. В., Каравалева Т. А., Незнанов Н. Г. Принципы оказания медицинской помощи при посттравматическом стрессовом расстройстве лицам, уволенным с военной службы, и членам их семей // Социальная и клиническая психиатрия. 2023. Т. 33. № 4. С. 55–66.

Васильева А. В., Каравалева Т. А., Радионов Д. С. Психотерапия посттравматического стрессового расстройства — интеграция опыта чрезвычайной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. — 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 47–68.

Ваторопин А. С., Тепляков И. И. Молодежный экстремизм в России в контексте специальной военной операции // Образование и право. 2022. № 8. С. 133–139.

Воловик М. Г., Белова А. Н., Кузнецов А. Н. Технологии виртуальной реальности в реабилитации участников боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (обзор) // Современные технологии в медицине. 2023. Т. 15. № 1. С. 74–86.

Гнездилов Г. В., Киселев В. В., Гнездилова М. Г. Особенности психореабилитационной работы с участниками боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) // Человеческий капитал. 2023. № 11-2(179). С. 78–89.

Грунина Т. А., Шурупов Э. В., Ивахненко Л. И. Реабилитация военнослужащих, участников СВО. Клинико-психологический аспект // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2024. № 2. С. 45–54.

Данилова Н. А., Кульпин А. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 38–45.

Закомолдин Р. В., Агапов П. В., Дулькина Л. В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 75–82.

Искандаров Р. Р., Масагутов Р. М., Мухитова И. Э. Факторы риска и предикторы агрессивного поведения осужденных мужчин с посттравматическим стрессовым расстройством // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 2. С. 21–28.

Казенная Е. В. Современное состояние исследований эффективности метода десенсибилизации и переработки движениями глаз (EMDR) при посттравматическом стрессовом расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 3 (121). С. 69–90.

Капинус О. С. Психологические и социально-психологические детерминанты преступного поведения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 4–12.

Карагодин А. В., Переверзев Е. А. К проблеме правового регулирования влияния интернет-ресурсов на обеспечение национальной безопасности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 1. С. 4–8.

Кокорева М. Е. Социальная реабилитация военнослужащих, участников СВО и их семей // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 33–36.

Коровин А. А. УИС в годы Великой Отечественной войны // История Великой Победы : сборник материалов межвузовской конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Новокузнецк, 30 июня 2020 г. / редкол.: О. А. Белоусова, О. А. Голикова. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 102–105.

Кузьмин С. И., Дорофеев Н. К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 24–28.

Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2 (38). С. 80–88.

Маслиенко М. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в условиях проведения специальной военной операции // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 323–324.

Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Преступность в условиях специальной военной операции // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 139–147.

Моргуленко Е. А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 195–198.

Моргуленко Е. А., Харитонов С. С., Шарапов С. Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13–17.

Пережогин Л. О., Захарова Н. М. Алгоритм оказания психолого-психиатрической помощи детям, возвращаемым из зон боевых действий, на этапах, предшествующих передаче в семью // Психическое здоровье. 2023. Т. 18. № 6. С. 15–22.

Реент Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Т. 25. № 186. С. 224–233.

Синкальская Я. В. Деятельность уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 16–21.

Сморчкова В. П., Мартынова А. В. Организация муниципальных центров для оказания психологической помощи участникам специальной военной операции и их семьям // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 516–527.

Соколов А. А. Деятельность «Союза русских государевых людей» в Индокитае (1925–1928) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. № 12. С. 260–277.

Тарасова М. Ю. Профилактика преступности среди помилованных, прибывших из зоны проведения специальной военной операции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 100–105.

Чвора А. А. Роль уголовно-исполнительной системы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История Великой Победы : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Новокузнецк, 21–23 апреля 2021 г. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 140–143.

Чечель Г. И., Артамонова Е. А., Третьяк М. И. Массовые убийства: возврат к применению смертной казни или ужесточение ответственности за незаконный оборот оружия? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 80–91.

Шереметьева И. И., Строганов А. Е., Кандрина Н. В. Социально-психологические и клинические особенности течения невротических расстройств у лиц в ситуации специальной военной операции // Бюллетень медицинской науки. 2023. № 1 (29). С. 37–42.

REFERENCES

- Barylnik SN, Barkova AO. Features of the manifestation of post-traumatic stress disorder in persons participating in combat operations. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya «Estestvennye i tekhnicheskie nauki» [Modern science: Current problems of theory and practice. Natural Science and Engineering]*. 2023;2-2:151-154. (In Russ.).
- Bineeva NK, Magranov AS. Perception by the South of Russia student youth of the socio-economic and political situation in the country (regional research records study). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2023;11(3):87-115. (In Russ.).
- Chechel GI, Artamonova EA, Tretyak MI. Mass killings: A return to the use of the death penalty or increased responsibility for illegal arms trafficking? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2023;49:80-91. (In Russ.).
- Chvora AA. The role of the penal system in the Great Patriotic War of 1941–1945. In: *The History of the Great Victory. Proceedings of the Interuniversity conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Novokuznetsk, June 30, 2020*. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service; 2021. Pp. 140–143. (In Russ.).
- Danilova NA, Kulpin AA. Circumstances to be established during the investigation of the public dissemination of deliberately false information about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation and other participants in a special military operation on the territory of Ukraine (art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Kriminalist*. 2023;4(45):38-45. (In Russ.).
- Gnezdilov GV, Kiselyov VV, Gnezdilova MG. Features of psychorehabilitation work with combat participants with post-traumatic stress disorder (PTSD). *Chelovecheskiy kapital*. 2023;11-2(179):78-89. (In Russ.).
- Grunina TA, Shurupov EV, Ivakhnenko LI. Rehabilitation of military personnel, members of the SVO. Clinical and psychological aspect. *Vestnik Vserossiyskogo obshchestva spetsialistov po mediko-sotsialnoy ekspertize, reabilitatsii i reabilitatsionnoy industrii*. 2024;2:45-54. (In Russ.).
- Iskandarov RR, Masagutov RM, Mukhitova IE. Risk factors and predictors of aggressive behavior of convicted men with post-traumatic stress disorder. *Sotsialnaya i klinicheskaya psikhatriya*. 2013;23(2):21-28. (In Russ.).
- Kapinus OS. Psychological and socio-psychological determinants of criminal behavior. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2018;1(63):4-12. (In Russ.).
- Karagodin AV, Pereverzev EA. On the problem of legal regulation of the influence of Internet resources on ensuring national security. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. 2024;1:4-8. (In Russ.).
- Kazennaya EV. The current state of research on the effectiveness of eye movement desensitization and processing (EMDR) in post-traumatic stress disorder. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2023;31(3-121):69-90. (In Russ.).
- Kokoreva ME. Social rehabilitation of military personnel, members of the SVO and their families. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2024;6:33-36. (In Russ.).
- Korovin AA. UIS during the Great Patriotic War. In: *Belousova OA, Golikova OA (eds.). The History of the Great Victory. Proceedings of the Interuniversity conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Novokuznetsk, June 30, 2020*. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service; 2020. Pp. 102–105. (In Russ.).
- Kuzmin SI, Dorofeev NK. Correctional labor institutions during the Great Patriotic War. *Zakon i armiya*. 2005;6:24-28. (In Russ.).
- Manannikov DYu. Social support for military personnel and family members of deceased combatants in the context of a special military operation conducted by the Russian Federation on the territory of Ukraine. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2022;10(2-38):80-88. (In Russ.).
- Maslienko MA. Illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in the context of a special military operation. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2024;1(188):323-324. (In Russ.).
- Molchanova TV, Taranina EI. Crime in the context of a special military operation. *Kriminologicheskii zhurnal*. 2023;3:139-147. (In Russ.).
- Morgulenko EA, Kharitonov SS, Sharapov SN. On some issues of criminal liability of military personnel for military crimes during military operations. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal*. 2022;11:13-17. (In Russ.).
- Morgulenko EA. On the issue of criminal responsibility of persons participating in a special military operation on a voluntary basis. *Voенное право*. 2023;3(79):195-198. (In Russ.).

Perezhogin LO, Zakharova NM. An algorithm for providing psychological and psychiatric care to children returned from war zones at the stages preceding transfer to a family. *Psikhicheskoe zdorove*. 2023;18(6):15-22. (In Russ.).

Reent YuA. The penitentiary system and penal military units: Crime and atonement during the Great Patriotic War. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Tambov University Review. The Humanities Series]*. 2020;25(186):224-233. (In Russ.).

Sheremetyeva II, Stroganov AE, Kandrina NV. Socio-psychological and clinical features of the course of neurotic disorders in individuals in a situation of a special military operation. *Byulleten meditsinskoy nauki*. 2023;1(29):37-42. (In Russ.).

Sinkalskaya YaV. The activities of the penal system during the Great Patriotic War. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2011;2(5):16-21. (In Russ.).

Smorchkova VP, Martynova AV. Organization of municipal centers for providing psychological assistance to participants of a special military operation and their families. *Munitsipalnaya akademiya*. 2024;2:516-527. (In Russ.).

Sokolov AA. The activities of the Union of Russian Sovereigns in Indochina (1925–1928). *Yugo-Vostochnaya ziya: aktualnye problemy razvitiya*. 2009;12:260-277. (In Russ.).

Tarasova MYu. Crime prevention among pardoned persons who returned from the area of a special military operation. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2024;2(76):100-105. (In Russ.).

Vasilyeva AV, Karavaeva TA, Neznanov NG. Principles of providing medical care for post-traumatic stress disorder to persons discharged from military service and their family members. *Sotsialnaya i klinicheskaya psikhatriyay*. 2023;33(4):55-66. (In Russ.).

Vasilyeva AV, Karavaeva TA, Radionov DS. Psychotherapy of post-traumatic stress disorder — integration of emergency experience. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2023;31(3-121):47-68. (In Russ.).

Vasilyeva AV. Post-traumatic stress disorder at the Center for International Studies: From the «Soldier's Heart» to ICD-11. *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii imeni S.S. Korsakova*. 2022;122(10):72-81. (In Russ.).

Vatoropin AS, Teplyakov II. Youth extremism in Russia in the context of a special military operation. *Obrazovanie i pravo*. 2022;8:133-139. (In Russ.).

Volovik MG, Belova AN, Kuznetsov AN. Virtual reality technologies in the rehabilitation of combat participants with post-traumatic stress disorder (review). *Sovremennye tekhnologii v meditsine*. 2023;15(1):74-86. (In Russ.).

Zakomoldin RV, Agapov PV, Dulkina LV. Faking as a tool to discredit the army and its destructive impact on society: Criminal and legal aspects. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Law Herald]*. 2024;2(105):75-82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
д. 66, Корепина ул., г. Екатеринбург 620057, Российская Федерация
vmaslov-lex@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russian Federation
vmaslov-lex@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 30 августа 2024 г.
Статья получена после рецензирования 28 декабря 2024 г.
Принята к печати 15 февраля 2025 г.*

*Received 30.08.2024.
Revised 28.12.2024.
Accepted 15.02.2025.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.120-130

С. В. КорнаковаБайкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ

Резюме. В статье анализируется способ законодательного закрепления обязанности по доказыванию в норме, раскрывающей содержание презумпции невиновности. Оцениваются как не вполне соответствующие сути уголовно-процессуального доказывания положения ч. 2 ст. 14 УПК РФ. Обоснована неудачность использования законодателем в данной норме термина «бремя доказывания», который не является синонимом понятия «обязанность доказывания». Обращается внимание на то, что понятие «бремя доказывания», отражая доказывание лишь в логическом аспекте, не охватывает процесс формирования уголовно-процессуальных доказательств. По мнению автора, использование понятия «бремя доказывания обвинения» было бы в какой-то степени оправданным в том случае, если бы часть 2 ст. 14 УПК РФ касалась только этапа судебного разбирательства, поскольку функция обвинения в чистом виде реализуется только в суде. Особенно критически оценивается жесткая связь этого понятия с понятием «обвинение». На основании сравнительно-правового анализа выявлен ряд преимуществ уголовно-процессуального законодательства некоторых стран ближнего зарубежья как в части избранного законодателем этих стран способа отражения в нем обязанности по доказыванию, так и в аспекте методологического подхода к его реализации. Высказываются конкретные рекомендации законодателю по совершенствованию законодательства посредством исключения из УПК РФ части 2 ст. 14 и добавления части 2 в ст. 85 УПК РФ, закрепляющей обязанность доказывания.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальное доказывание; бремя доказывания; обязанность доказывания; презумпция невиновности; обвинение; обоснование

Для цитирования: Корнакова С. В. Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 120–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.120-130

Problems of Legislative Consolidation of the Duty of Proof and the Presumption of Innocence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Svetlana V. Kornakova

Baikal State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the method of legislative consolidation of the duty of proof in the norm, revealing the content of the presumption of innocence. The provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are assessed as not fully consistent with the essence of criminal procedural evidence. The author substantiates the failure of the legislator's use of the term «burden of proof» in this norm, which is not synonymous with the concept of «duty of proof». Attention is drawn to the fact that the concept of «burden of proof», reflecting proof only in a logical aspect, does not cover the process of forming criminal procedural evidence. In the author's opinion, the use of the concept of the «burden of proof of the charge» would be justified to some extent if part 2 of Article 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation concerned only the stage of the trial, since the function of the prosecution in its pure form is implemented only

© Корнакова С. В., 2025

in court. The strict connection of this concept with the concept of «accusation» is especially critically assessed. Based on a comparative legal analysis, a number of advantages of the criminal procedure legislation of some neighboring countries have been identified, both in terms of the method chosen by the legislator of these countries to reflect the duty of proof in it, and in terms of the methodological approach to its implementation. Specific recommendations are made to the legislator on improving legislation by excluding Part 2 of Article 14 from the Code of Criminal Procedure and adding Part 2 to Article 85 of the Code of Criminal Procedure, which establishes the duty of proof.

Keywords: principles of criminal proceedings; criminal procedural evidence; burden of proof; duty of proof; presumption of innocence; accusation; justification

Cite as: Kornakova SV. Problems of Legislative Consolidation of the Duty of Proof and the Presumption of Innocence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Lex Russica*. 2025;78(3):120-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.120-130

Введение

Вопросы, связанные с уголовно-процессуальным доказыванием, определением его содержания и соответствия принципам и назначению уголовного судопроизводства, неизменно привлекают к себе пристальное внимание ученых-процессуалистов. Эти вопросы являлись предметом исследования как советских, так и современных исследователей. В частности, к ним обращались А. С. Барабаш, Л. М. Васильев, Т. Ю. Вилкова, А. Я. Вышинский, Н. И. Газетдинов, Л. В. Головкин, А. Ю. Кирьянов, К. Б. Калиновский, В. А. Лазарева, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, И. Л. Петрухин, А. В. Победкин, Н. Н. Полянский, И. В. Смолькова, М. С. Строгович. При этом воззрения отдельных ученых-процессуалистов на направленность уголовно-процессуального доказывания некоторым образом изменились с принятием УПК РФ 2001 г., впервые включившим в систему его принципов принцип состязательности сторон (ст. 15) и принцип презумпции невиновности (ст. 14), а также исключившим как якобы несовместимый с каждым из них принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, ранее содержащийся в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 20).

Основная часть

Представляет научный интерес анализ соотношения содержания уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию уполномоченных на его осуществление лиц с содержанием «новых» для постсоветского уголовно-процес-

суального законодательства принципов. В первую очередь необходимо проанализировать избранный законодателем способ закрепления презумпции невиновности, которая, по справедливому мнению В. М. Абдрашитова, призвана отражать право личности на судебную защиту¹.

Отметим, что критическая оценка некоторыми учеными положений ст. 14 УПК РФ, содержащей три части, прежде всего направлена на часть 2 указанной нормы, согласно которой «подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения».

Так, по мнению В. А. Лазаревой, из толкования содержания указанной нормы следует, что невиновность лица доказыванию властными участниками процесса не подлежит, поскольку она презюмируется². Думается, что такой вывод является несколько поспешным и не опирается на системное толкование уголовно-процессуальных норм. Во-первых, в ч. 2 ст. 14 УПК РФ речь идет исключительно о том, что обязанности доказывания невиновности нет у подозреваемого (обвиняемого) и только у него, про сторону обвинения в этом отношении речи не идет, указано лишь, что на нее возложено бремя доказывания противоположного. Но из обязанности установить наличие обстоятельств, подтверждающих виновность лица, отнюдь не следует отсутствие обязанности установления обстоятельств, свидетельствующих о его невиновности. Конституционный Суд РФ указывает, что «дознатель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать

¹ Абдрашитов В. М. Теоретические основы презумпции невиновности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2017. С. 3.

² Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Юрайт, 2010. С. 45.

в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления»³.

Кроме этого, как справедливо отмечал профессор Г. С. Фельдштейн, читавший с 1910 по 1917 г. курс лекций по уголовному процессу в Императорском Московском университете, государство имеет больше средств для обнаружения невиновности и деятельность его в этом направлении представляется более соответствующей его роли учреждения, стоящего на страже правопорядка⁴. Именно такое предназначение деятельности осуществляющих уголовное преследование лиц соответствует целям этой деятельности, которые заложены в ст. 6 УПК РФ.

Во-вторых, в уголовном судопроизводстве основанием и для подтверждения, и для опровержения наличия любого из обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) могут служить только полученные в установленном законом порядке доказательства, иных средств для этого в данной сфере не существует. В качестве цели получения и использования доказательств законодателем в ст. 74 УПК РФ однозначно предписывается установление не только наличия, но и отсутствия обстоятельств предмета доказывания, т.е. доказывание отсутствия обстоятельств — такая же обязанность лица, в производстве которого находится уголовное дело, как и доказывание их наличия. Из этого следует некорректность вывода об отсутствии у стороны обвинения обязанности по доказыванию невиновности лица в совершении преступления.

И в-третьих, утверждение об отсутствии такой обязанности легко опровергается нормами, определяющими основания для принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела и его прекращении по реабилитирующим основаниям (п. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Так, установление отсутствия в дея-

нии события преступления свидетельствует о невиновности лица, а при отсутствии состава преступления лицо может быть и виновно, но в совершении не уголовно наказуемого, а подпадающего под нормы иных отраслей права (административного или гражданского) деяния. При этом подчеркнем, что сведения, служащие основаниями для принятия указанных решений, должны быть установлены с полной достоверностью, что является обязанностью органов уголовного преследования. Как указывает в этой связи Конституционный Суд РФ, «постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение»⁵.

Думается, что часть 2 ст. 14 УПК РФ следует воспринимать не в том смысле, что «закон освобождает обвиняемого от обязанности, которая на него не может быть возложена»⁶, как это предполагает В. А. Лазарева, а в том, что обязанность доказывания виновности — это процессуальная обязанность стороны обвинения и ни на кого иного она возложена быть не может. Кроме этого, высказанную этим автором критическую оценку положений уголовно-процессуального закона следует распространить и на Конституцию РФ, поскольку уголовно-процессуальная норма в этой части дословно воспроизводит положение конституционной нормы (ч. 2 ст. 49).

Выразим собственное убеждение в том, что подобное приведенному критическое отношение ученых к содержанию ч. 2 ст. 14 УПК РФ обусловлено, вероятнее всего, не их неверным пониманием сути доказывания, а тем, что ее положения позволяют толковать их таким образом. Стоит отметить большую конкретность

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.

⁴ Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-литогр. М. В. Рихтер, 1915. С. 65.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» // Российская газета. 2021. № 137.

⁶ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 45.

соответствующей формулировки в ч. 2 ст. 20 УПК РСФСР⁷, где содержался правовой запрет для властных участников уголовного судопроизводства «перелгать обязанность доказывания на обвиняемого».

Кроме этого, использование в ч. 2 ст. 14 УПК РФ понятия «бремя доказывания», на наш взгляд, должно ограничивать действие данной нормы рамками судебного разбирательства. Такой вывод подтверждается обращением к справочным источникам, которое показало, что, например, согласно энциклопедическому словарю, «бремя доказывания» (*onus probandi*) в переводе с латинского означает обязанность доказывания своих утверждений в *судебном* споре⁸. В юридических словарях это процессуальный термин, обозначающий, «кто из сторон в *судебном* процессе должен доказать перед судом свои утверждения»⁹, «правило определения стороны *судебного* процесса, ответственной за юридическое доказывание факта»¹⁰.

В доктрине доказательственного права под бременем доказывания понимается положение о том, что «доказывание того, что какое-либо лицо виновно в преступлении или недо-зволённом деянии, лежит на лице, которое утверждает это»¹¹, «доказывать обязан тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает»¹², а именно сторона обвинения, «процессуальной обязанностью которой является подтверждение доказательствами своего утверждения»¹³.

Здесь сто́ит подчеркнуть важное обстоятельство — сторона обвинения в уголовном судопроизводстве должна доказать свое утверждение о виновности лица, даже если это лицо не только не отрицает, но и признает вину (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). Это во-первых.

Во-вторых, утверждение — это лексическая единица, предполагающая отсутствие в ее конструкции маркеров, выражающих неуверен-

ность и сомнение в достоверности сообщаемого¹⁴. В связи с этим полагаем, что в уголовном судопроизводстве подобного рода утверждение может сформироваться лишь при условии убежденности утверждающего в его доказанности, что возможно лишь на этапе окончания предварительного расследования при принятии решения о направлении дела для предания суду. Это также должно свидетельствовать об ограничении сферы действия бремени доказывания завершающим этапом судопроизводства — судебным разбирательством.

На наш взгляд, использование понятия «бремя доказывания обвинения» было бы в какой-то степени оправданным в том случае, если бы часть 2 ст. 14 УПК РФ касалась только разбирательства дела в суде. Думается, что только здесь в чистом виде реализуется функция обвинения, в рамках которой государственный обвинитель поддерживает обвинение в объеме, уже сформулированном органами уголовного преследования, что и можно считать утверждением о виновности лица. Между тем отсутствие в перечне лиц, на которых распространяется данная норма, такого участника судебного разбирательства, как подсудимый, не позволяет охватить этим понятием этап производства по делу в суде. Наличие же в данном перечне только подозреваемого и обвиняемого дает основание полагать, что бремя доказывания обвинения — это направление деятельности уполномоченных на его осуществление лиц лишь на досудебном этапе уголовного процесса. Отсутствие подсудимого в норме о презумпции невиновности может расцениваться как ее нераспространение на участника судопроизводства с таким статусом. Думается, что такое упущение законодателя следует признать существенным. Исследователи правомерно высказывают рекомендации законодателю о замене указан-

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СЗ РСФСР. Т. 8. С. 613.

⁸ Энциклопедический словарь : в 3 т. М., 1953. Т. 3. С. 738.

⁹ Black H. C. Black's Law Dictionary. 2nd ed. St. Paul : West publishing Co., 1990. P. 117.

¹⁰ Rechtsworterbuch / begr. Von C. C. ; Hrsg. von Weber K. ; bearb. Guntz D. et al. 17, neubearb. Aufl. Munchen : Beck, 2002. S. 99.

¹¹ Стифен Дж. Очерк доказательственного права. СПб., 1910. С. 108.

¹² Лазарева В. А. Указ. соч. С. 45.

¹³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 312.

¹⁴ Ивницкий Е. И., Нагорный И. А. Значение утверждения/отрицания как средство выражения модального значения достоверности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). С. 12.

ных в ч. 2 ст. 14 УПК РФ субъектов на понятие «никто»¹⁵.

Заметим, что в соответствующих нормах УПК республик Молдова¹⁶ (ч. 2 ст. 8), Казахстан¹⁷ (ч. 2 ст. 19), Туркменистан¹⁸ (ч. 3 ст. 18) и Кыргызстан¹⁹ (ч. 2 ст. 17) вместо перечисления участников процесса, не обязанных доказывать свою невиновность, использовано понятие «никто», а в УПК Республики Узбекистан²⁰ во все три части ст. 23 включен подозреваемый, что в большей степени соответствует сути презумпции невиновности.

Анализируя понятия «обязанность» и «бремя», А. С. Барабаш обоснованно указывает на отсутствие тождества между ними и допустимость использования последнего лишь в состязательном, не публичном, уголовном процессе. Понятие «бремя доказывания» должно подразумевать, по его мнению, «доказывание каждой стороной процесса своих утверждений»²¹. Подчеркнем — каждой. При этом цель наложения бремени доказывания заключается в том, чтобы гарантировать, что обвинению не придется опровергать все мыслимые доводы защиты, а только те, которые должным образом подкреплены доказательствами²². Так, утверждение стороны защиты о наличии алиби у обвиняемого не может быть принято без приведения именно этой стороной, а не стороной обвинения данных, его подтверждающих. Но проверка этих данных по существу и их подтверждение или опровержение — уже задача стороны обвинения.

С точки зрения логики доказательство возможно без опровержения, чего нельзя сказать об опровержении — оно без доказательства невозможно. Сначала необходимо, чтобы какой-либо тезис был подвергнут доказательству, только затем будет что опровергать. Но в отношении презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве это не так, поскольку невиновность — это положение, считаемое истинным до его опровержения. На наш взгляд, использование в ч. 2 ст. 14 УПК РФ понятия «бремя опровержения невиновности» вместо понятия «бремя доказывания обвинения» было бы более уместным, поскольку лишь в этом случае будет правомерным представление о синонимичности понятий «бремя» и «обязанность», а еще лучше — вообще обойтись без использования понятия «бремя».

Отметим, что комментируемый термин до введения в действие УПК РФ являлся чисто теоретическим, он не содержался ни одном из предшествующих уголовно-процессуальных законов, а в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ в настоящее время содержится только в кодексах республик Кыргызстан и Армения²³.

Что касается понятия «доказывание», то необходимо учитывать, в каких случаях законодатель использует его в смысле ст. 85 УПК РФ — как собирание, проверку и оценку доказательств (процессуальный аспект), а когда в смысле обоснования этими доказательствами определенного утверждения (логический

¹⁵ Каландаришвили Х. А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2021. С. 11.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 01.03.2024) // Официальный монитор Республики Молдова. 2013. № 248–251. Ст. 699.

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 12.09.2023) // Казахстанская правда. 2014. № 133.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 (с изм. и доп. по сост. на 25.11.2023) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376 (дата обращения: 18.08.2024).

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 (с изм. и доп. по сост. на 03.07.2024). Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 22 сентября 2021 г. // Эркин Тоо. 2021. № 122–123.

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 19.04.2024) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2. Ст. 5.

²¹ Барабаш А. С. Обязанность или бремя доказывания, их производность от презумпции невиновности обвиняемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 10.

²² Rechtsworterbuch. S. 99.

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27.07.2021 № ЗР-306 (ред. от 12.06.2024) // Официальные ведомости Республики Армения, 26 июля 2021 г. — 8 августа 2021 г.

аспект — обоснование тезиса, в терминологии логики). Думается, что понятие «бремя доказывания» как обязанность обосновать утверждение, а именно так оно и интерпретируется в научных источниках, имеет логический, а не процессуальный смысл. Но если в любой иной сфере деятельности в обоснование вывода могут быть положены любые истинные сведения (аргументы), то в сфере судопроизводства в качестве аргументов могут выступать исключительно доказательства, полученные в установленном законом порядке, проверенные и оцененные как достоверные. В этом заключается основное отличие используемых в качестве аргументов для доказывания сведений (доказательств) в доказательственном праве.

В этом отношении укажем, что в процессуальном аспекте термин «доказывание» используется в УПК РФ лишь в гл. 11, во всех остальных случаях — уже в логическом, когда собранные, проверенные и оцененные доказательства служат основанием для подтверждения определенного вывода. В частности, под словосочетанием «подлежат доказыванию» в ст. 73 УПК РФ следует понимать вывод об установлении исключительно предусмотренным статьей 85 УПК РФ способом наличия или отсутствия перечисленных в данной норме обстоятельств. В смысле логического обоснования следует понимать, например, формулировки «пока виновность не будет доказана» в ч. 1 ст. 14, «доказано ли» в п. 1, 2 ч. 1 ст. 299, «признанного судом доказанным» в п. 1 ст. 307 УПК РФ.

В связи с этим ничем иным, как смешением процессуального и логического аспектов доказывания нельзя, на наш взгляд, объяснить утверждение В. А. Лазаревой, которая из верной посылки о том, что «суд не обязан доказывать ни вину, ни невиновность подсудимого»²⁴ (доказывание в логическом смысле), делает вывод о том, что «он не является субъектом доказывания»²⁵ (доказывание в процессуальном смысле). Думается, что отказ суду в полномочии на соби́рание, проверку и оценку доказательств вступает в противоречие не только с нормами закона (ст. 17, 86, 87 УПК РФ), но и с самой сутью процессуальной и мыслительной деятельности суда. Специфика доказательственной

деятельности суда в процессуальном аспекте заключается в проверке и оценке представленных сторонами доказательств, получении новых доказательств при проведении процессуальных действий в ходе судебного разбирательства по ходатайству сторон (соби́рание доказательств) с целью установления доказанности этими доказательствами обстоятельств, значимых для законного и обоснованного разрешения уголовного дела (логический аспект).

При этом, как справедливо отмечает Н. Е. Мерецкий, «основой исследования доказательств судом являются не выявление и оценка следов первичного отражения преступления, как происходит в ходе предварительного следствия, а построение умозаключений через анализ информации, уже обработанной следователем, и сформированной в надлежащую процессуальную форму»²⁶. Поэтому суд, безусловно, является субъектом доказывания — с той лишь разницей, что его задача — не установить обстоятельства предмета доказывания, а определить их установление или неустановление органами предварительного расследования. Для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела суд должен установить, «доказано ли?», а вопросительная частица «ли» в вопросе, как известно, ставится после слова, на которое приходится логическое ударение. Суд в итоговом решении обязан непротиворечиво отразить основания его принятия, т.е. собственный вывод, который может совпасть, но может и не совпасть с выводом стороны обвинения. Поэтому неотнесение суда к субъектам доказывания в процессуальном аспекте неправомерно.

Обязанность доказывания в процессуальном смысле возложена исключительно на лиц, поименованных в ст. 86, 87, а также в ст. 17 УПК РФ (за исключением присяжных). При этом защитник упомянут как субъект соби́рания доказательств в ст. 86, но в ст. 87 и 17 УПК РФ уже не фигурирует. Из этого следует, что основными субъектами доказывания в процессуальном смысле являются только лица, отнесенные к стороне обвинения, и суд, поскольку только им принадлежит право (и обязанность) проверить и оценить собранные защитником

²⁴ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 47.

²⁵ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Мерецкий Н. Е. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1 (19). С. 21.

обладающие лишь доказательственным потенциалом сведения²⁷ и наделить или не наделить их статусом доказательств. Но это не означает лишение защитника права (и обязанности как деятельности по защите своего подзащитного) являться субъектом доказывания в логическом аспекте, даже по доказыванию невиновности обвиняемого, которую, согласно закону, последний доказывать не обязан. Но «не обязан» не значит «не может». Более того, как отмечал Л. Е. Владимиров, «...бремя доказывания как обязанность юридическая никогда не должна падать на подсудимого. Совсем другое дело — бремя доказывания как право защиты. <...> Защита — незабываемое право подсудимого, и она должна быть ему предоставлена в самых широких пределах»²⁸.

Некоторые авторы, исследуя употребленную законодателем в ч. 2 ст. 14 УПК РФ категорию «бремя доказывания» и отмечая ее корреляцию с отраженным в ст. 73 УПК РФ предметом доказывания, делают вывод, что бремя доказывания «предполагает лишь доказывание вины»²⁹. Подобный вывод, на наш взгляд, обосновывается не связью бремени доказывания с предметом доказывания, поскольку содержание последнего, напротив, предполагает всесторонность установления обстоятельств дела, а тем, что сам законодатель связал бремя доказывания исключительно с обвинением.

Сугубо критически оценивая использование российским законодателем понятия «бремя доказывания обвинения», А. С. Барабаш справедливо указывает, что «редакция, закрепляющая это бремя в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, легализует обвинительный уклон в деятельности органов государства»³⁰, и в связи с этим предлагает положение о бремени доказывания обвинения вообще исключить из УПК РФ.

Соглашаясь с приведенным мнением, укажем, что понятие «бремя доказывания» — не вполне удачный термин в отношении уголовно-процессуального доказывания как обязанности ответственных за производство по делу лиц.

Во-первых, как уже отмечалось, семантически это понятие означает обязанность утверждающего какое-либо положение лица привести аргументы, подтверждающие это положение. Отсюда следует, что такие аргументы уже должны быть в распоряжении лица, поэтому процесс их получения не охватывается понятием «доказывание», т.е. понятие «бремя доказывания» отражает только его (доказывания) логический аспект.

Во-вторых, как точно отмечается учеными, исторически исходная идея этой юридической конструкции предполагает двусторонний процесс доказывания³¹. Неслучайно в связи с этим анализируемое понятие возникло в недрах частного права. В цивилистической науке бремя доказывания — это термин, который имеет применение прежде всего в гражданском процессе, где, как известно, действует принцип диспозитивности и отсутствует досудебное производство (как и досудебное доказывание), осуществляемое государственными органами, поэтому данный термин раскрывает суть деятельности сторон по доказыванию своих утверждений только в суде. Он отражает логический аспект доказывания, но никак не процесс получения сведений для использования их в качестве доказательств (аргументов), подтверждающих утверждение стороны обвинения и опровергающих доводы стороны защиты.

Кроме того, можно выразить принципиальное несогласие с формулировкой ч. 2 ст. 14 УПК РФ в той ее части, что обязанностью стороны обвинения является опровержение лишь тех доводов, которые приводятся в защиту подозреваемого (обвиняемого). Думается, что для подтверждения вывода о виновности лица недостаточно опровержения только доводов стороны защиты, для этого необходимо проверить и собственные версии субъекта доказывания о его невиновности, установить основания для их опровержения.

В-третьих, обязанность доказывания не может быть тождественна бремени доказывания,

²⁷ Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 49.

²⁸ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Харьков : В универ. тип., 1883. С. 233.

²⁹ Пархоменко А. С., Зашляпин Л. А. Бремя доказывания в эволюционирующем уголовно-процессуальном праве // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 172.

³⁰ Барабаш А. С. Указ. соч. С. 10.

³¹ Пархоменко А. С., Зашляпин Л. А. Указ. соч. С. 172.

поскольку первая никоим образом не зависит от того, оспаривается или не оспаривается его результат.

Но основным предметом критики является использование российским законодателем понятия «бремя доказывания» в купе с понятием «обвинение». Между тем, по верному утверждению А. С. Барабаша, «смысл уголовно-процессуальной деятельности не в том, чтобы во что бы то ни стало обвинить, а в том, чтобы познать и на основе познанного сформулировать свое отношение к совершенному и совершившему»³².

Последнее связано с методологическим подходом к осуществлению доказывания, предполагающим опору на принцип всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств дела. В этом отношении в законодательстве стран ближнего зарубежья, имевшем в относительно недавнем прошлом единую как с научной, так и с правовой позиции основу с законодательством России, нормы, посвященные такому элементу доказывания, как проверка доказательств, базируются именно на этом подходе к ее реализации.

В частности, в уголовно-процессуальном законодательстве всех стран СНГ, кроме России, в соответствующих нормах отражена имеющая объективную ценность установка на тщательность, полноту, всесторонность и объективность проверки доказательств (ст. 144 УПК Азербайджана³³, ст. 104 УПК Беларуси³⁴, ст. 92 УПК Кыргызстана, ч. 4 ст. 100 УПК Молдовы, ст. 87 УПК Таджикистана³⁵, ст. 94 УПК Узбекистана, в УПК Казахстана и Туркменистана комменти-

руемые нормы носят название «Исследование доказательств» — ст. 124 и 135 соответственно). Почему-то законодателями этих стран в такой установке не усматривается противоречия ни с принципом состязательности сторон, который также нашел отражение в законодательстве этих стран, ни с презумпцией невиновности.

Многие ученые подчеркивают, что в случае отражения в УПК РФ данного требования, являющегося методологической основой доказывания³⁶, какого бы то ни было противоречия с принципом состязательности или презумпции невиновности быть не может³⁷. При этом, по оценкам исследователей, именно неполнота и односторонность являются наиболее распространенным недостатком уголовно-процессуального доказывания³⁸.

В этой связи считаем указанием на необходимость руководствоваться при доказывании положением о его всесторонности, полноте и объективности принципиальным, а его отсутствие в ст. 87 и 17 УПК РФ — существенным упущением российского закона.

Заключение

На основании проведенного исследования можно заключить, что формулировки, использованные законодателем в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, следует признать неудачными, навеянными чрезмерно гиперболизированной идеей состязательности, которая, кстати, далеко не всеми признается безусловной основой современного уголовного судопроизводства. В частности, В. П. Проценко

³² Барабаш А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44.

³³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 (с изм. и доп. по сост. на 22.12.2023) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 8. Ст. 585.

³⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 17.07.2023) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 28–29. Ст. 433.

³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (с изм. и доп. по сост. на 03.01.2024) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

³⁶ Балакшин В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 82.

³⁷ Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Право. 2018. № 1. С. 18–28; Пряхина Е. С., Янин М. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 3. С. 64; Зеленская Т. В. Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина беспристрастным расследованием уголовных дел // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 81.

³⁸ Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 114–115.

отрицает наделение состязательности статусом принципа уголовного процесса, а справедливо, на наш взгляд, рассматривает его только как общее условие, имеющее место лишь на стадии судебного разбирательства³⁹.

В этом отношении представляется выгодным отличие содержания и размещения норм, аналогичных ч. 2 ст. 14 УПК РФ, в уголовно-процессуальных законах некоторых стран ближнего зарубежья. В частности, норма об обязанности доказывания в кодексах республик Беларусь и Казахстан размещена не в норме-принципе о презумпции невиновности, а в части 2 статьи «Доказывание». При этом в УПК Казахстана закреплена обязанность доказывания не обвинения, а наличия оснований уголовной ответственности и вины подозреваемого, обвиняемого (ч. 2 ст. 123), а в УПК Беларуси, кроме этого, и доказывания других обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу (ч. 2 ст. 102). Если бы в российском УПК норма об обязанности доказывания, но не обвинения, а всех обстоятельств предмета доказывания была размещена подобным образом, думается, это позволило бы разрешить

споры о том, что именно понимать под такой обязанностью.

В связи с этим представляется целесообразным, во-первых, вернуть в УПК РФ требование всесторонности, полноты и объективности осуществления уголовно-процессуального доказывания, отразив его в нормах, определяющих способы проверки и критерии оценки доказательств.

Во-вторых, исключить часть 2 из ст. 14 УПК РФ с одновременным дополнением ст. 85 УПК РФ частью 2 без упоминания в ней понятия «обвинение», поскольку его наличие может восприниматься и самими участниками процесса, и иными гражданами как нацеленность деятельности по доказыванию исключительно на обвинение. Новая норма ч. 2 ст. 85 УПК РФ могла бы иметь следующее содержание: «Обязанность доказывания наличия оснований уголовной ответственности, вины обвиняемого и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, лежит на органе уголовного преследования».

Кроме этого, необходимо дополнить ч. 1 ст. 14 УПК РФ словами «подозреваемый» и «подсудимый».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрашитов В. М. Теоретические основы презумпции невиновности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2017. 56 с.

Балакшин В. С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 75–83.

Барабаш А. С. Обязанность или бремя доказывания, их производность от презумпции невиновности обвиняемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 9–15.

Барабаш А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44–47.

Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 41–53.

Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Общая часть. Харьков : В универ. тип., 1883. 263 с.

Зеленская Т. В. Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина беспристрастным расследованием уголовных дел // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 80–89.

Ивницкий Е. И., Нагорный И. А. Значение утверждения/отрицания как средство выражения модального значения достоверности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). С. 5–13.

Каландаришвили Х. А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2021. 204 с.

Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Юрайт, 2010. 343 с.

³⁹ *Проценко В. П.* Принципы уголовного процесса : учеб. пособие. Краснодар : Краснодарский гос. аграрный ун-т, 2008. С. 258–264.

Мерецкий Н. Е. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1 (19). С. 16–22.

Пархоменко А. С., Зашляпин Л. А. Бремя доказывания в эволюционирующем уголовно-процессуальном праве // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 168–174.

Проценко В. П. Принципы уголовного процесса : учеб. пособие. Краснодар : Краснодарский гос. аграрный ун-т, 2008. 92 с.

Пряхина Е. С., Янин М. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 3. С. 62–65.

Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Право. 2018. № 1. С. 18–28.

Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2002. 160 с.

Стифен Дж. Очерк доказательственного права с вступит. ст. П. И. Люблинского. СПб. : Сенат. Тип., 1910. 155 с.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 1008 с.

Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М. : Типо-литогр. М. В. Рихтер, 1915. 606 с.

REFERENCES

Abdrashitov VM. Theoretical foundations of the presumption of innocence. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Kazan; 2017. (In Russ.).

Balakshin VS. The principle of freedom of evaluation of evidence in the system of principles of Russian criminal justice. *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]*. 2015;25:(4):75-82. (In Russ.).

Barabash AS. The duty or burden of proof, their derivation from the presumption of innocence of the accused. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia]*. 2019;4(37):9-15. (In Russ.).

Barabash AS. The prosecution as an engine of the criminal process. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2006;5:44-47. (In Russ.).

Bufetova MSh, Lukoshkina SV. Current problems of evidentiary activity of a defender in Russian criminal proceedings. *Sibirskie ugovovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2018;4(22):41-53. (In Russ.).

Feldstein GS. Lectures on criminal proceedings. Moscow: Publishing house MV Rikher; 1915. (In Russ.).

Ivnitsky EI, Nagorny IA. The meaning of affirmation/negation as a means of expressing the modal meaning of authenticity. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 2017;28(277):5-13. (In Russ.).

Kalendarishvili KhA. Presumption, prejudice and fiction in Russian criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov; 2021. (In Russ.).

Lazareva VA. Establishment of evidence in criminal procedure. Moscow: Yurait Publ.; 2010. (In Russ.).

Lupinskaya PA, Voskobitova LA (eds.). Criminal procedural law of the Russian Federation: A textbook. 3 ed., rev. and suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).

Meretskiy NE. Problems of evidence in criminal proceedings. *Sibirskie ugovovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2018;1(19):16-22. (In Russ.).

Parkhomenko AS, Zashlyapin LA. The burden of proof in the evolving criminal procedure law. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2024;1:168-174. (In Russ.).

Protsenko VP. Principles of criminal procedure: A study guide. Krasnodar: Krasnodar State Agrarian University; 2008. (In Russ.).

Pryakhina ES, Yanin MG. The comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case as a principle of modern criminal proceedings. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of Chelyabinsk State University. Law Series]*. 2021;3:62-65. (In Russ.).

Romanov SV. The requirement of a comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case as a necessary condition for a preliminary investigation. *Pravo*. 2018;1:18-28. (In Russ.).

Soloviev AB. Evidence in the pre-trial stages of the criminal procedure in Russia: A study guide. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2002. (In Russ.).

Stephen J. An essay on evidentiary law with preface by Lublinskiy PI. St. Petersburg: The Senate Printing house; 1910. (In Russ.).

Vladimir LE. The Doctrine of Criminal Evidence. General Part. Kharkov: V univer. tip.; 1883. (In Russ.).

Zelenskaya TV. Implementation of the principle of protection of human and civil rights and freedoms by impartial investigation of criminal cases. *Sibirskie ugovovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2019;4(26):80-89. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета д. 11, Ленина ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
svetlana-kornakova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of National Security Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
svetlana-kornakova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 октября 2024 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 31.08.2024.

Revised 12.10.2024.

Accepted 15.02.2025.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141

И. А. Михайлова

Российская государственная академия интеллектуальной собственности
г. Москва, Российская Федерация

Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий

Резюме. В статье анализируется значение репродуктивных технологий в сфере наследственного права, рассматриваются условия реализации прав наследников по закону или завещанию на репродуктивный материал после смерти предоставившего его лица, а также вопросы, связанные с установлением факта происхождения ребенка от конкретных лиц. Автор отмечает, что названные проблемы в большей степени регламентированы в странах общего права, в судебной практике которых постепенно сформировалось поддерживаемое доктриной представление о возможности распоряжения биоматериалом на случай смерти и о посмертном зачатии ребенка как основании установления его происхождения и признания за ним наследственных прав. Затронутые вопросы широко дискутируются в современной доктрине, но в действующем законодательстве соответствующих указаний не содержится, а в российской судебной практике по-прежнему доминирует консервативный подход к их решению. На основании исследования наиболее значимых позиций, сформулированных в судебной практике зарубежных государств, делается вывод о целесообразности творческого заимствования наиболее удачных из них в дальнейшем развитии российского наследственного права и о необходимости перевода в правовое поле решения сложных этических проблем, связанных с рождением посмертного потомства. С целью расширения завещательной правоспособности российских граждан и с учетом возможностей современных вспомогательных репродуктивных технологий предлагается допустить переход репродуктивного биологического материала умершего лица к пережившему супругу или родителям, закрепить право граждан распорядиться в завещании таким материалом и предусмотреть возможность включить в число наследников по завещанию родившихся живыми детей, зачатых в течение трех лет после смерти завещателя.

Ключевые слова: репродуктивные технологии; наследственные права; посмертное зачатие; эмбрионы; распоряжение биоматериалом на случай смерти

Для цитирования: Михайлова И. А. Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 131–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141

Implementation of Inheritance Rights in the Context of the Use of Reproductive Technologies

Irina A. Mikhailova

Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the importance of reproductive technologies as to inheritance law, examines the conditions for the exercise of the rights of heirs by law or will to reproductive material after the death of the person who provided it, as well as issues related to the establishment of the fact of the child's descent from specific persons. The author notes that these problems are more regulated in common law countries, the judicial practice of which has gradually developed the doctrine-supported concept of the possibility of disposing of biomaterials in case of death and posthumous conception of a child as the basis for establishing its origin and

© Михайлова И. А., 2025

recognizing its inheritance rights. The issues raised are widely discussed in modern doctrine, but the current legislation does not contain any relevant instructions, and the conservative approach to their solution still dominates in Russian judicial practice. Based on the study of the most significant opinions of foreign courts, the author makes a conclusion about the expediency of creatively borrowing the most successful of them in the further development of Russian inheritance law and the need to transfer to the legal field solutions to complex ethical problems associated with the birth of posthumous offspring. In order to expand the testamentary capacity of Russian citizens and taking into account the possibilities of modern assisted reproductive technologies, it is proposed to allow the transfer of the reproductive biological material of the deceased person to the surviving spouse or parents, to consolidate the right of citizens to dispose of such material in a will and to provide for the possibility of including living children born within 3 years after the death of the testator among the heirs.

Keywords: reproductive technologies; inheritance rights; posthumous conception; embryos; disposal of biomaterials in case of death

Cite as: Mikhailova IA. Implementation of Inheritance Rights in the Context of the Use of Reproductive Technologies. *Lex russica*. 2025;78(3):131-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141

Введение. Последние достижения российской и мировой медицины в области репродуктивных технологий существенно изменили одну из важнейших сфер человеческого существования, создав условия для получения потомства умерших лиц, зачатого уже после их смерти, что открывает новые горизонты и придает смысл жизни их супругам или родителям. Благодаря инновационным репродуктивным технологиям была сформирована новая социальная и правовая среда, в которой, с одной стороны, на признание себя родителями родившегося ребенка могут претендовать несколько человек, в том числе лица, предоставившие генетический материал (доноры), суррогатная мать, супруги, заключившие соответствующие договоры, а с другой — ребенок может оказаться без одного или обоих законных родителей.

Осознание масштаба и значения таких экзистенциальных перемен, раздвигающих границы между жизнью и смертью, ближе представителям философии и медицины, но они имеют и весьма значимое цивилистическое преломление, так как применение или возможность применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) порождает множество сложных вопросов, относящихся к гражданскому, семейному и наследственному праву, и неизбежно влечет необходимость трансформации наиболее консервативных правовых институтов. Об этом свидетельствуют материалы судебной практики, в которых всё чаще предметом судебного разбирательства становятся обстоятельства так называемой посмертной репро-

дукции, неразрывно связанные с вопросом об условиях реализации наследственных прав на репродуктивный материал после смерти предоставившего его лица.

Основная часть. Один из первых в отечественной практике случаев применения посмертных репродуктивных программ имел место в 2005 г. в Екатеринбурге, когда спустя два года после смерти А. его мать Н. инициировала рождение внука, воспользовавшись услугами суррогатной матери, в организм которой был имплантирован эмбрион, полученный с использованием вывезенного в Россию биологического материала умершего А.¹

В настоящее время подобные ситуации возникают во многих регионах России. Так, Октябрьский районный суд г. Омска рассмотрел дело по иску Н. к медицинскому центру о передаче ему криоконсервированной спермы умершего сына для дальнейшего ее использования путем применения суррогатного материнства в целях рождения внука или внучки («продолжения рода»). По договору, заключенному между его сыном и медицинским центром, истец был назначен лицом, уполномоченным решать вопросы хранения данного биоматериала, который на момент обращения в суд находился на хранении у ответчика.

Рассмотрев обстоятельства дела, суд указал, что из прямого содержания положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² следует, что сдача и хранение биоматериала в виде криоконсервированной спермы осуществля-

¹ См.: Добрынина С. Впервые в России родился мальчик, отец которого умер до зачатия сына // URL: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> (дата обращения: 12.05.2024).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ется исключительно в целях лечения мужчины и женщины для восстановления и обеспечения их репродуктивной функции, следовательно, включение такого биоматериала в состав наследственной массы противоречит предписаниям, содержащимся в семейном и гражданском законодательстве РФ, а также этическим и моральным нормам. Отказывая в иске, суд также сослался на тот факт, что наследодателем были даны указания об использовании данного биоматериала только при его жизни³.

Сформулированная судом позиция имеет весьма важное, принципиальное значение: суд, с одной стороны, посчитал юридически невозможным и этически неприемлемым включение данного вида репродуктивных материалов в состав наследственной массы, а с другой — фактически признал возможным завещательное распоряжение наследодателем собственным биоматериалом, хотя в действующем законодательстве предпосылок к такому признанию не имеется.

Отмеченные противоречивость и непоследовательность аргументации встречаются и в иных судебных актах, связанных с определением прав на рассматриваемые объекты. Так, в Одинцовский городской суд Московской области поступило исковое заявление, основанием которого стал отказ медицинского центра в перезаключении пережившим супругом договора о предоставлении ему права распоряжения криоконсервированными эмбрионами, хотя из информированного добровольного согласия пережившего супруга на проведение процедуры криоконсервации и хранение эмбрионов следовало, что именно к нему переходит право на распоряжение судьбой эмбрионов⁴.

Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска, указав, что «репродуктивное право, являясь личным неимущественным правом, не входит в состав наследства (абз. 3 ст. 1112, абз. 3 ст. 1112 ГК РФ⁵) и не переходит к другим лицам ни в порядке уни-

версального, ни в порядке сингулярного правопреемства». Суд также отметил, что, несмотря на то что репродуктивное право на эмбрион принадлежит совместно лицам, выразившим волю на применение метода ВРТ, в результате которого эмбрион был создан, оно, в соответствии с п. 2 ст. 31 СК РФ⁶, осуществляется только по взаимному согласию правообладателей.

Аргументы, положенные в основу приведенной судебной позиции, в том числе довод о невозможности достижения согласия с умершим супругом, представляются недостаточно убедительными и даже парадоксальными. Сложность решения рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»⁷ не содержит положений, определяющих судьбу эмбриона в случае смерти одного из супругов. Минздрав ограничился указанием о том, что решение о дальнейшей тактике (донорство, криоконсервация, утилизация) в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения соответствующих гражданско-правовых договоров. Представляется, что приведенное положение не может рассматриваться в качестве императивного запрета или препятствия для предоставления пережившему супругу права распоряжаться эмбрионом по своему усмотрению любым из названных способов, а напротив, фактически признает за ним возможность реализации имеющегося у него «репродуктивного права».

Принципиальный вопрос о правовом статусе не только эмбриона, но и других биоматериалов после смерти предоставившего их лица или лица, заключившего соответствующий договор, остается не решенным и на доктринальном уровне, несмотря на то что всё больше современных ученых обращаются к его анализу и обсуждению⁸. Весьма глубокий и всесторон-

³ См.: решение Октябрьского районного суда города Омска от 18.12.2019 по делу № 2-3490/2019.

⁴ См.: решение Одинцовского городского суда Московской области от 21.11.2022 по делу № 2-12139/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 № 362-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 октября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

⁸ См., например: *Гландин С. В.* О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // URL: <http://www.igzakon.ru/magazine340> (дата обра-

ний анализ правового режима репродуктивного биологического материала провела Д. А. Белова, по мнению которой «применительно к половым клеткам и тканям репродуктивных органов интерес лица состоит не в приобретении над ними фактического и правового господства как такового, а в приобретении или, напротив, неприобретении родительских прав и обязанностей в отношении ребенка, родившегося в результате их использования, причем обозначенный интерес должен быть опосредован не вещным, а репродуктивным правом»⁹.

С приведенным утверждением следует полностью согласиться. Представляется бесспорным, что ценность тех или иных видов репродуктивного биологического материала заключается исключительно в возможности их использования при осуществлении вспомогательных технологий, направленных на зачатие и рождение ребенка уже после смерти предоставившего материал лица, что может иметь жизненно важное значение для его супруги или родителей.

В рамках настоящего исследования возможна только постановка проблемы, заключающейся в признании или, напротив, непризнании целесообразности включения в наследственную массу репродуктивного материала, предоставленного умершим при его жизни либо созданного при его содействии. На первый взгляд возможность такого законодательного решения кажется выходящей за рамки устоявшихся цивилистических представлений, но она ничуть не менее реалистична, чем включение в гражданский оборот цифровых технологий, ставших в течение последних лет неотъемлемой составляющей всех сфер жизни и деятель-

ности физических и юридических лиц. Новой редакцией ст. 128 ГК РФ¹⁰ (федеральные законы от 18.03.2019 № 34-ФЗ¹¹ и от 24.07.2023 № 339-ФЗ¹²) к объектам гражданских прав отнесены, помимо традиционных объектов, безличные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Названные объекты существуют в информационном поле, вне возможностей их материального осязания, однако после их введения в гражданский оборот факты наследования различных видов цифровых активов получают всё более широкое распространение в отечественной наследственной практике и всё активнее обсуждаются в современной доктрине¹³.

Представляется, что используемые современной медициной репродукционные материалы имеют гораздо более важное значение, чем названные объекты, так как для многих российских граждан от их применения зависит возможность появления потомства от умерших детей, продолжение рода и обретение смысла жизни. Право иметь потомство не названо в ст. 150 ГК РФ среди нематериальных благ и личных неимущественных прав, но законодатель признает за российскими гражданами и иные нематериальные блага, реализация которых в рассматриваемых ситуациях возможна только при использовании тех или иных ВРТ. Положение о том, что в случаях и в порядке, предусмотренных законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами, подлежит применению и к тем ситуациям, когда неосуществленное умершим при его жизни право иметь потомство защищается (реализуется) его родителями или супругой.

щения: 12.07.2024) ; *Пестрикова А. А.* Наследственные права и правовой статус эмбриона // *Наследственное право.* 2009. № 4. С. 20–22.

⁹ *Белова Д. А.* Правовой режим репродуктивного биологического материала // *Lex russica.* 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 111–121.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 237-ФЗ) // *СЗ РФ.* 1994. № 32. Ст. 3301.

¹¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2019. № 12. Ст. 1224.

¹² Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

¹³ См., например: *Кириллова Е. А.* Основные проблемы наследования цифровых активов // *Наследственное право.* 2020. № 2. С. 37–39 ; *Гапанович А. В.* К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // *Наследственное право.* 2020. № 2. С. 40–43 ; *Михайлова И. А., Романова И. Н.* Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // *Нотариус.* 2022. № 2. С. 3–8.

В статье 38 Конституции РФ закреплено: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Очевидно, что приведенная конституционная норма должна распространяться и на случаи посмертной репродукции, что обуславливает целесообразность законодательного признания права на переход репродуктивных материалов, предоставленных наследодателем при его жизни, к его наследникам. Такая возможность, как отмечалось, была фактически признана судом, рассматривавшим спор по поводу перехода названных объектов после смерти правообладателя к его супругу или родителям¹⁴.

Затронутый вопрос по-разному решается в зарубежных государствах. В странах общего права он изначально дискутировался на уровне динамично развивавшейся судебной практики: сначала в ней признавалось, что замороженные эмбрионы не пользуются защитой, которую закон предоставляет «нерожденным»¹⁵, но затем правовой статус эмбрионов стали трактовать как некое промежуточное правовое положение между личностью и собственностью¹⁶. Далее суды сформулировали вывод о том, что, «поскольку ткани эмбриона обладают такими качествами, как индивидуальность и уникальность, он не может являться объектом права собственности», однако приведенное положение не помешало в конечном счете прийти к выводу о возможности посмертного использования такого рода биоматериала при наличии письменного согласия на посмертное зачатие и ограничении срока, в течение которого оно должно произойти¹⁷.

При этом отмечается, что признание права на переход репродуктивного биологического материала по наследству порождает ряд сложных практических проблем, связанных с

несением расходов на их хранение, которое потенциально может осуществляться в течение нескольких лет, возможностью и порядком их отчуждения по воле генетического родителя или уничтожения медицинской организацией и т.п. В частности, уделяется внимание тому, должен ли владелец репродуктивного материала позаботиться о решении таких вопросов путем, например, учреждения соответствующего траста¹⁸.

В странах ЕС к подобным идеям относятся скептически, учитывая тот факт, что ЕСПЧ не поддержал идею защиты жизни эмбриона. Кроме того, в целом ряде европейских государств (Болгария, Германия, Италия, Мальта, Португалия, Франция, Хорватия, Швейцария) суррогатное материнство прямо запрещено, а иногда влечет уголовную ответственность (ст. 227-13 Уголовного кодекса Франции¹⁹). В Швейцарии запрет на пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства закреплен в п. d ч. 2 ст. 119 Конституции²⁰. Вследствие отмеченных факторов многие вопросы наследования, возникающие при посмертном репродукции, дискутируемые в странах общего права, во многих европейских странах в настоящее время своего разрешения не нашли.

Отмеченное многообразие законодательных подходов характерно и для решения проблем, связанных с признанием наследственных прав детей, родившихся в результате применения ВРТ. В большинстве случаев законодатель достаточно отчетливо формулирует свою позицию относительно установления происхождения детей в подобных случаях, обуславливая тем самым реализацию ими наследственных прав. Анализ и сопоставление подходов к решению отмеченных проблем в российском и зарубежном законодательстве позволяет выделить

¹⁴ См.: решение Октябрьского районного суда города Омска от 18.12.2019 по делу № 2-3490/2019.

¹⁵ См.: *Roche v. Roche* (2010) 2 IR 321; (2009) IESC 82 // URL: <http://www.bailii.org/ie/cases/IESC/2009/S82.html>.

¹⁶ См.: *Davis v. Davis* 842 S.W.2d 588 (1992) // URL: <https://law.justia.com/cases/tennessee/supreme-court/1992/842-s-w-2d588-2.html>.

¹⁷ См.: *Matter of Martin B.*, 17 Misc.3d 198, 841 N.Y.S. 2d 207 (Sur. Ct. New York Co. 2007) // URL: <https://opencasebook.org/casebooks/36-genetics-and-reproductive-technology-legal-ethical-issues/resources/6.3-in-the-matter-of-martin-b/>.

¹⁸ См.: *Radigan C. R., Schoenhaar D. R.* Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child // *New York Law Journal*. 2015. № 1. URL: <http://www.newyorklawjournal.com/printerfriendly/id=1202714574785>.

¹⁹ Уголовный кодекс Франции от 06.12.2019 // URL: <https://constitutions.ru/?p=25017&ysclid=1zb5zx46ui639838402>.

²⁰ Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18.04.1999 // Конституции государств Европы. М.: Норма, 2001.

две ситуации, влекущие различные правовые последствия: 1) прямое или анонимное использование донорского материала и 2) рождение ребенка вследствие предоставления услуг суррогатной матери, которое, как отмечалось, в ряде европейских государств существенно ограничено или прямо запрещено.

В отличие от Европы, в США законодатель регламентирует практически все наиболее важные аспекты отношений, возникающих при применении ВРТ, что стало результатом постепенно сложившейся судебной практики. Еще в 1969 г. в Едином кодексе о завещании²¹ было установлено, что в случае использования донорского материала ориентиром для установления происхождения ребенка являются сведения, содержащиеся в свидетельстве о его рождении, идентифицирующие физическое лицо, отличное от биологической матери или отца, в качестве родителя ребенка.

Следует отметить, что в США встречается нетипичная, даже уникальная для российского правового порядка ситуация, когда донор дает согласие на осуществление им вспомогательной репродукции с условием, чтобы к нему относились как к другому родителю родившегося ребенка. Согласие на это биологической матери подтверждается, помимо соответствующей записи, тем обстоятельством, что донор выполнял функции родителя ребенка в первые два года после его рождения или имел такие намерения, но был лишен возможности их реализовать из-за смерти, недееспособности или других обстоятельств. Обращение с донором как с родителем возможно и в отношении посмертно зачатого ребенка, если это подтверждается убедительными доказательствами. Любые подобные заявления, сделанные по истечении двухлетнего срока, наследственных отношений между донором и ребенком не порождают, если только это физическое лицо не выступало в качестве родителя ребенка до достижения им 18-летнего возраста. Приведенные положения отражают стремление законодателя всемерно обеспечить донору возможность осуществления его личных неимущественных прав в отношении ребенка, зачатие которого произошло благо-

даря предоставленным им биологическим материалам.

Признание наследственных прав такого ребенка в отношении биологического отца, т.е. донора, предоставившего репродуктивный материал, как правило, обуславливается наличием брачных отношений, позволяющих закрепить ряд законодательных презумпций. Так, если биологическая мать состоит в браке, то при отсутствии доказательств обратного родителем ребенка, родившегося с помощью репродуктивных технологий, признается ее супруг. Та же презумпция действует и в случае последующей смерти супруга и инициированной супругой посмертной репродукции. Если же супружеская пара разводится до введения яйцеклеток, сперматозоидов или эмбрионов, то ребенок, родившийся в результате вспомогательной репродукции, не признается ребенком бывшего супруга биологической матери, если супруг не дал письменного согласия на такое признание.

Вопросы, связанные с признанием наследственных прав детей, родившихся в результате применения ВРТ, всё чаще возникают и в российской судебной практике.

В этом плане показательным является следующее дело. П. обратился в суд с иском к Б. и Г. об уменьшении их наследственных долей, указав, что после смерти его супруги, которая прибегла к ЭКО на основании совместно принятого супругами решения, остался эмбрион, находящийся на криоконсервации. Истец полагал, что, поскольку жизнеспособный эмбрион, зачатый при жизни наследодателя (его супруги), после подсадки суррогатной матери и вынашивания плода с высокой долей вероятности выживет, согласно ст. 1141, 1142, 1116 ГК РФ ребенок будет иметь право на долю в наследстве, поэтому доли остальных наследников подлежат уменьшению. Суд с доводами истца не согласился, указав, что моментом рождения ребенка, согласно приказу Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»²², признается момент отделения плода от организма матери посредством родов. По мнению Московского областного суда, наличие криоконсервирован-

²¹ Uniform probate code (1969) // URL: <https://eforms.com/images/2016/06/Uniform-Probate-Code-Revised-2010.pdf>.

²² Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

ного эмбриона само по себе не порождает правовых последствий в виде изменения наследственных прав других наследников, поскольку эмбрион не может приобрести статус наследника в смысле ст. 1116 ГК РФ, если его имплантация (наступление зачатия и развитие беременности) не была произведена до открытия наследства (смерти наследодателя) и, следовательно, ребенок еще не родился²³.

К аналогичному выводу пришел и Долгопрудненский городской суд Московской области²⁴, указавший, что ввиду неопределенности сроков имплантации эмбриона и его вынашивания суррогатной матерью заранее определить конкретную дату рождения ребенка невозможно, на основании чего в удовлетворении требований истца об уменьшении наследственных долей имеющих наследников было отказано.

Рассмотренные судебные решения полностью соответствуют ст. 1116 ГК РФ, предусматривающей, что зачатие потенциального наследника должно иметь место только при жизни наследодателя. Данное условие призвания к наследованию подвергают критике некоторые представители современной доктрины. В частности, Е. М. Журавлева предлагает призывать к наследованию не только граждан, находящихся в живых в день открытия наследства и зачатых при жизни наследодателя при условии рождения их живыми после открытия наследства, но и ребенка наследодателя, зачатого после его смерти в течение шести месяцев, при условии доказанности воли наследодателя на такое зачатие²⁵. К выводу о целесообразности изменения рассматриваемого законодательного положения приходят и другие авторы, в том числе А. Ю. Касаткина, предлагающая закрепить возможность установления факта отцовства или факта признания отцовства в отношении ребенка, зачатого и родившегося после смерти отца, чей генетический материал использовался при посмертной репродукции, и права ребенка на наследство этого лица²⁶.

Полностью соглашаясь с приведенными предложениями, считаем разумным и справедливым закрепить право гражданина указать в завещании в качестве наследника не только сына или дочь, зачатых и, соответственно, родившихся уже после его смерти, но также внука или внучку, появившихся на свет в результате посмертной репродукции, подназначив другого наследника на случай, если названные обстоятельства не наступят в течение указанного в завещании срока. Достаточно часто граждане, мечтающие о рождении внуков, не доживают до этого события или до наступления желаемой беременности (сын или дочь не встретили спутника жизни, не вступили в брак, испытывают сложности с зачатием и рождением ребенка и др.) и, таким образом, не имеют возможности завещать принадлежащее им имущество внукам, которые будут зачаты и рождены уже после их смерти.

Полагаем, что настало время продлить 300-дневный срок с момента смерти наследодателя, в течение которого будущий наследник должен появиться на свет, хотя бы до трех лет. Бесспорно, что легализация рассматриваемой возможности неизбежно осложнит наследственный процесс, приведет к необходимости решения вопросов, связанных с обеспечением сохранности наследственного имущества, однако действующее наследственное законодательство России и потенциал современной науки наследственного права достигли столь высокого уровня, что имеются все основания верить в оптимальное разрешение вопросов и проблем, возникающих в связи с предлагаемой новеллизацией²⁷.

В законодательстве многих государств рассмотренные ограничения отсутствуют, что позволяет гражданам при назначении наследников в завещании выходить далеко за границы собственного земного существования, устанавливая неопределенно отдаленный момент призвания их к наследству. Подобное завещание

²³ См.: апелляционное определение Московского областного суда от 02.02.2022 по делу № 33-4577/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

²⁴ См.: решение Долгопрудненского городского суда Московской области от 06.10.2021 по делу № 2-1464/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2024).

²⁵ Журавлева Е. М. Статус nasciturus в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8–10.

²⁶ Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9.

²⁷ См. подробнее: Михайлова И. А. К вопросу о субъектах наследственного правопреемства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 17–23.

упоминается Д. Голсуорси в «Саге о Форсайтах», один из героев которой — состоятельный бизнесмен Тимоти Форсайт, никогда не вступавший в брак и никогда не имевший детей, оставил завещание в пользу того из наследников по прямой линии основателя рода Джеймса Форсайта, который родится последним при жизни всех потомков названного лица, находящихся в живых к моменту открытия наследства. Примерные подсчеты показали, что это произойдет через 70–80 лет, а наследник вступит в наследственные права по достижении им совершеннолетия, т.е. еще через 21 год.

Рассматриваемая проблема долго дискутировалась в США²⁸, и победу в дискуссии одержали сторонники концепции «посмертного признания прав ребенка». В результате в ст. 2-121 Единого закона США о завещании было закреплено положение о том, что физическое лицо признается родителем ребенка, рожденного с помощью репродуктивных технологий, если он был зачат после смерти последнего и находился в утробе матери не позднее 36 месяцев после смерти индивида или если ребенок родился не позднее чем через 45 месяцев после смерти отца. Считается, что подобная правовая возможность представляет собой разумную компенсацию матери ребенка за неудачные попытки забеременеть при жизни наследодателя, а также инструмент защиты интересов ребенка, которому таким образом будут предоставлены необходимые финансовые средства из наследства его умершего отца²⁹. Разумеется, во всех рассматриваемых случаях речь идет о прямом донорстве и соответствующем волеизъявлении наследодателя.

В некоторых штатах США весьма подробно формализован процесс признания наследственных прав ребенка, родившегося после смерти его предполагаемого родителя. Так, согласно ст. 4.3.1 Закона штата Нью-Йорк об имуществе, полномочиях и трастах³⁰ ребенок признается ребенком своего предполагаемого родителя с признанием его наследственных прав, если будет установлено следующее: 1) последний в письменном документе, оформленном в соответствии с предусмотренными законом требованиями, не более чем за семь лет до своей смерти дал явное согласие на то, что он

будет признан родителем ребенка, родившегося в результате применения вспомогательной репродукции после его смерти; 2) уполномочил конкретное лицо принимать решения об использовании своего генетического материала после смерти; 3) уполномоченное лицо в течение семи месяцев направило письменное уведомление лицу, осуществляющему управление имуществом умершего, о том, что генетический материал предполагаемого родителя доступен для зачатия ребенка суррогатной матерью.

Указанный документ должен быть подписан предполагаемым родителем и двумя совершеннолетними свидетелями, ни один из которых не является лицом, уполномоченным принимать решения об использовании генетического материала умершего родителя. Волеизъявление может быть аннулировано только письменным документом, подписанным предполагаемым родителем и оформленным тем же образом, что и документ, который он аннулирует, а также решением суда о разводе, признании брака недействительным или о раздельном проживании супругов.

В российской практике сложные вопросы относительно определения наследственных прав детей, рожденных вследствие применения ВРТ, иногда возникают и в случаях зачатия, имевшего место при жизни родителей ребенка. Речь идет о применении суррогатного материнства, которое, как уже отмечалось, во многих европейских государствах либо существенно ограничено, либо вообще запрещено. Приоритет волеизъявления суррогатной матери при определении судьбы рожденного ею ребенка выражается в норме, согласно которой его биологические (генетические) родители, т.е. супруги, предоставившие генетический материал, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери (абз. 2 ч. 4 ст. 51 СК РФ). Рассматриваемый законодательный подход может повлечь крайне негативные последствия, причем не только в случае отказа суррогатной матери передать ребенка супругам, заключившим с ней договор, но и в другой, гораздо менее очевидной, но гипотетически возможной ситуации — смерти суррогатной матери.

Пунктом 1 ст. 48 СК РФ установлено, что матерью признается женщина, родившая ре-

²⁸ См.: *Shapo H. S. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies* // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 25. Iss. 4. Art. 3. P. 1091–1223.

²⁹ См.: *Shapo H. S. Op. cit.* P. 1218–1219.

³⁰ *Estates, Powers and Trusts Law* // URL: <https://law.justia.com/codes/new-york/2021/ept/article-4/part-1/4-1-3/>.

бенка, поэтому в случае смерти суррогатной матери во время родов именно она записывается матерью в книге записи актов рождения ребенка. Такая запись является основанием возникновения наследственных правоотношений между ребенком и умершей суррогатной матерью, что, по мнению К. А. Жириковой, противоречит логике правовых отношений, возникающих на основании договора о суррогатном материнстве³¹.

С приведенным положением следует полностью согласиться, добавив к нему, что посмертная регистрация суррогатной матери в качестве матери рожденного ею ребенка противоречит действующему законодательству, требующему ее прямого волеизъявления по вопросам регистрации. Главным дефектом такой регистрации является тот факт, что она нарушает право ребенка жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ), т.е. с супругами, предоставившими генетический материал и являющимися его биологическими родителями. Кроме того, регистрация ребенка, рожденного умершей суррогатной матерью, в качестве ее сына или дочери может нарушить наследственные права имеющихся у нее наследников, в том числе ее собственных детей, ее супруга или родителей.

Не менее сложные вопросы возникают и в случае смерти одного или обоих супругов, предоставивших генетический материал. При этом рожденный суррогатной матерью ребенок уже не может быть им передан в соответствии с заключенным договором, поэтому будет зарегистрирован в качестве ребенка суррогатной матери. Представляется бесспорным, что в рассматриваемой ситуации интересам ребенка в гораздо большей степени отвечает признание его ребенком умерших супругов, заключивших договор с суррогатной матерью (его биологических, генетических родителей). Такое решение обеспечит не только наследственные права ребенка, но его духовное, физическое, интеллектуальное развитие, о котором будут заботиться родственники умерших родителей, в первую очередь бабушки и дедушки ребенка, которые в большинстве случаев так же мечтали о его рождении, как их умершие дети.

Подобные предложения уже высказывались в современной доктрине, в частности А. А. Пе-

стриковой, по мнению которой недостатки правового регулирования данного института в Российской Федерации совершенно очевидны, и с целью их устранения необходимо внести соответствующие изменения в законодательство для защиты прав, в том числе и наследственных, детей, рожденных при использовании суррогатного материнства³².

Рассматриваемая коллизия имеет принципиальное значение. Полагаем, что закрепленный в действующем законодательстве приоритет волеизъявления суррогатной матери, оставляющий в тени имущественную направленность договора, заключенного ею с супругами, предоставившими генетический материал, и игнорирование родительских прав и интересов названных лиц противоречит логике правового регулирования имущественных и личных неимущественных правоотношений, так как в результате такого подхода биологические родители ребенка лишаются своих родительских прав, а ребенок, рожденный суррогатной матерью, лишается не только права жить и воспитываться в семье, но и прав на наследство своих умерших родителей и их родственников.

Заключение. Всё вышеизложенное свидетельствует о целесообразности дальнейшего развития и трансформации рассмотренных институтов российского наследственного права с учетом позиций, сформулированных российскими учеными, и зарубежного опыта. Назрела необходимость перевода в правовое поле решения важных этических проблем, связанных с возможностью получения потомства от умершего лица, зачатого после его смерти, что может быть чрезвычайно важным как для пережившего супруга, так и для его родителей. В качестве направлений решения поставленной задачи представляется целесообразным, во-первых, легально признать возможность перехода репродуктивного биологического материала умершего лица к пережившему супругу или родителям, во-вторых, закрепить право граждан распорядиться в завещании таким материалом и, в-третьих, предусмотреть возможность включить в число наследников по завещанию родившихся живыми детей, зачатых в течение трех лет после смерти завещателя. Предлагаемые новеллы, соответству-

³¹ Жирикова К. А. Охрана наследственных прав ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий // *Наследственное право*. 2021. № 1. С. 39–41.

³² Пестрикова А. А. О наследственных правах суррогатных детей (постановка проблемы) // *Наследственное право*. 2007. № 2. С. 18–19.

ющие конституционному положению о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38 Конституции РФ), существенно расширят завещатель-

ную правоспособность российских граждан в наиболее важной сфере человеческого существования — зачатия, рождения и воспитания потомства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белова Д. А. Правовой режим репродуктивного биологического материала // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 111–121.
- Воронцова С. Н. О наследственных правах суррогатных детей // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 1. С. 2–4.
- Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 40–43.
- Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // URL: <http://www.igzakon.ru/magazine340> (дата обращения: 12.07.2024).
- Добрынина С. Впервые в России родился мальчик, отец которого умер до зачатия сына // URL: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> (дата обращения: 12.05.2024).
- Жирикова К. А. Охрана наследственных прав ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий // *Наследственное право*. 2021. № 1. С. 39–41.
- Журавлева Е. М. Статус nasciturуса в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
- Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 23 с.
- Кириллова Е. А. Основные проблемы наследования цифровых активов // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 37–39.
- Михайлова И. А. К вопросу о субъектах наследственного правопреемства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 10. С. 17–23.
- Михайлова И. А., Романова И. Н. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // *Нотариус*. 2022. № 2. С. 3–8.
- Пестрикова А. А. Наследственные права и правовой статус эмбриона // *Наследственное право*. 2009. № 4. С. 20–23.
- Пестрикова А. А. О наследственных правах суррогатных детей (постановка проблемы) // *Наследственное право*. 2007. № 2. С. 18–19.
- Radigan C. R., Schoenhaar D. R. Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child // *New York Law Journal*. 2015. Vol. 1. URL: <http://www.newyorklawjournal.com/printerfriendly/id=1202714574785>.
- Shapo H. S. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 25. Iss. 4. Art. 3. P. 1091–1223.

REFERENCES

- Belova DA. Legal framework for reproductive biological material. *Lex russica*. 2021;74(7):111-121. (In Russ.).
- Dobrynina S. For the first time in Russia, a boy was born whose father died before conceiving a son. Available at: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> [Accessed: 07.12.2024]. (In Russ.).
- Gapanovich AV. On the issue of inheritance of virtual property in social networks. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2020;2:40-43. (In Russ.).
- Glandin SV. On the status of the human embryo in the light of the right to respect for private and family life in European and Russian law. Available at: <http://www.igzakon.ru/magazine340> [Accessed: 07.12.2024]. (In Russ.).
- Kasatkina AYU. The implementation of the hereditary rights of the child in the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).
- Kirillova EA. The main problems of inheritance of digital assets. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2020;2:37-39. (In Russ.).

Mikhailova IA, Romanova IN. Problems of inheritance of digital assets and possible directions of their solution. *Notarius*. 2022;2:3-8. (In Russ.).

Mikhailova IA. On the issue of subjects of hereditary succession. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2018;10:17-23. (In Russ.).

Pestrikova AA. Inheritance rights and the legal status of the embryo. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2009;4:20-22. (In Russ.).

Radigan CR, Schoenhaar DR. Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child. *New York Law Journal*. 2015;1. Available at: <http://www.newyorklawjournal.com/printerfriendly/id=1202714574785> [Accessed: 07.12.2024].

Shapo HS. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies. *Hofstra Law Review*. 1997;25(4):1091-1223.

Vorontsova SN. On the inheritance rights of surrogate children. *Byulleten notarialnoy praktiki*. 2009;1:2-4. (In Russ.).

Zhirikova KA. Protection of the hereditary rights of a child born as a result of the use of assisted reproductive technologies. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2021;1:39-41. (In Russ.).

Zhuravleva EM. The status of the nasciturus in the civil law of the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2014. (In Russ.). Pp. 8–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности д. 55а, Миклухо-Маклая ул., г. Москва 117279, Российская Федерация
irina_mikhaylova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Mikhailova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation
irina_mikhaylova@list.ru

Материал поступил в редакцию 13 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 13.08.2024.

Revised 13.09.2024.

Accepted 15.02.2025.

А. В. Корнев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

В. В. Лазарев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Телеологические и теологические смыслы развития российского права

Резюме. Проблематика статьи навеяна солидным юбилеем одного из старейших высших учебных заведений России — Казанского (Приволжского) федерального университета, на примере которого можно проследить драматические отношения теологии и науки в дореволюционный период нашей истории. Казанский императорский университет во всех смыслах слова был необычным учебным заведением. Кроме чисто учебных и научных, на него возлагались и другие функции. Особая миссия у него есть и сегодня. Это очень непростая тема, и каждая историческая эпоха предлагала свои варианты ответа на взаимосвязь различных вариантов видения мира. Относительно недавно теология и наука воспринимались как противоположные, взаимоисключающие познавательные системы. Авторы смотрят на проблему несколько иначе. Пожалуй, впервые в отечественной юридической науке телеология и теология рассматриваются как смыслообразующие факторы развития права. И не сами по себе, а в некоторой связи. В полной мере осознаем ответственность за такую постановку вопроса. Тем не менее интеллектуальная история человечества дает определенные основания для столь необычной для нашей науки точки зрения.

Ключевые слова: государство; история; наука; общество; право; религия; теология; телеология; университет; юриспруденция

Для цитирования: Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 142–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.142-151

Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law

Arkadiy V. Kornev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Valery V. Lazarev

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The problems covered in the paper are inspired by the significant anniversary of one of the oldest higher educational institutions in Russia — Kazan (Volga Region) Federal University, which can be used as an example

to trace the dramatic relationship between theology and science in the pre-revolutionary period of our history. Kazan Imperial University was an unusual educational institution in every sense of the word. In addition to purely educational and scientific, other functions were assigned to it. It still has a special mission today. This is a very difficult topic, and each historical epoch has offered its own answers to the interrelation of different worldviews. Relatively recently, theology and science were perceived as opposite, mutually exclusive cognitive systems. The authors look at the problem somewhat differently. Perhaps for the first time in Russian jurisprudence, teleology and theology are considered as sense-making factors in the development of law. And not by themselves, but in some connection. We are fully aware of the responsibility for such a statement of the issue. Nevertheless, the intellectual history of mankind provides certain grounds for such an unusual point of view for our science.

Keywords: state; history; science; society; law; religion; theology; teleology; university; jurisprudence

Cite as: Kornev AV, Lazarev VV. Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law. *Lex russica*. 2025;78(3):142-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.142-151

Юбилейная дата университета позволяет окинуть взглядом пройденный путь, всмотреться в наиболее примечательные события, отдать дань тем, кто внес в его историю частицу творческих усилий. Примечательно, что на чтениях, посвященных 220-летию Казанского университета, сразу несколько выступлений посвящены вкладу ряда ученых в развитие юридической науки. Дань памяти нашей истории. И все-таки хотелось бы предложить комплексную, всеохватывающую тему в качестве по-настоящему нового направления в отечественной науке, интегративно объединяющего историческое и современное, знание и веру, реалию и идеал, теорию и практику, право и закон, законность и нравственность, светское и религиозное. Коллективный системный поиск истины, прагматически привязанный к обстоятельствам места, времени и действиям творцов истории, а именно **телеологические и теологические смыслы развития российского права**.

Полагаем, нет ни одного ученого, кто бы сказал, что тема разработана, что есть какие-либо исследования подобного рода.

Однако найдутся и те, кто будет решительно возражать против того, чтобы наука хоть в какой-то степени занималась поиском теологических смыслов социальных реалий. Более того, последуют аргументы и ссылки на Конституцию и другие законы, согласно которым Россия — светское государство, религия отделена от государства. И в этой связи наш первый тезис в защиту темы: **можно отделить или стараться отделить религию от государства, но нельзя отделить от государства теологию**. Попытка этого напоминала бы запрет мысли, запрет постижения исторических форм государства и права, запрет прогнозного видения судеб государства и права.

Наука, увы, проявляет свою непоследовательность и слабость: с одной стороны, она настойчиво стоит на стороне того, что наукой доказано, и отвергает в качестве истины то, что не обосновано ее средствами, а с другой, хотя она не может доказать, что Бога нет, исходит именно из этого, отвергая всё, что объясняется божественным промыслом.

Мы очень долго не хотим признать очевидного факта, который состоит в том, что именно религия стала ключевым институтом, который и формировал представления человека о социальном порядке и его структурах. С возникновением письменной речи представилась возможность фиксировать существующую и желаемую реальность в знаковых формах. Язык в качестве инструмента описания дал огромные возможности для познания и стал едва ли не главным элементом в когнитивном инструментарии науки. Как тут не вспомнить «в начале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»!¹

Через религию человек познавал мир как таковой, а также *цели и смыслы собственного бытия*. Это в полной мере относится к обществу и государству, особенно в период господства теократии. Религия помогала социализироваться человеку, усваивать модели поведения в обществе. Посредством религии происходила легитимация структур и институтов. Первоначально церковь взяла на себя эту роль. Затем на эту функцию стала претендовать наука.

Странно, но наука не отваживается признать теологию своим дитятей. Между тем всё самое существенное в признании небесного творца и его земного творения обусловлено логическими заключениями умных людей от противоположного:

¹ Евангелие от Иоанна. 1:2,3.

что может быть, если исходить из того, что Бога нет и нет никакой надежды на лучшую жизнь. Наука констатировала большую роль иррационального в жизни людей и упорядочивала эти знания во имя сколько-нибудь приемлемой земной жизни.

Между тем наука выросла из религии. Есть расхожее мнение: «Бог творил природу, используя язык математики». Как и другое: «Невежество уводит от Бога, а знания приводят к Нему». Насколько серьезно можно к этому относиться? По всей видимости, можно. Девиз Оксфордского университета говорит сам за себя: *Dominus illuminatio Mea* («Господь — просвещение мое»). В данной парадигме наука не является альтернативой теологии. Наоборот, ее задача сводится к тому, чтобы открыть с помощью своего инструментария *замысел Бога*. Точное время его возникновения неизвестно. Считается, что Оксфордский университет был основан в 1096 г. Когда-то профессора и студенты относились к своим обязанностям совершенно иначе. Первые считали лекции аналогом проповеди, а вторые воспринимали экзамен как аналог страшного суда. И те и другие готовились основательно. Попробуй сегодня заставь вернуться в прошлое. Буржуазные революции «освободили» человека от необходимости учиться так, как это было принято несколько веков назад. Сегодня всё держится на интересе, а не на страхе перед Господом. Мы сегодня живем в обществе, в котором «Бог умер» (Ф. Ницше).

Наука на своем первоначальном этапе использовала познавательный инструментарий, выработанный богословием, теологией. Это подтвердит любой историк науки. Без схоластики и схоластов наука просто не могла бы состояться. Причем это относится как к естественным наукам, так и к гуманитарным, теперь социальным. Некогда практически все науки были составными частями богословия. Юридическая наука в этом смысле не была исключением. Одним из принципиальных вопросов была дискуссия о соотношении веры и разума. Принято считать, что вера черпает аргументы внутри себя. Наука не может позволить себе такого. Однако сегодня всё чаще теологи обращаются к науке, равно как и ученые — к теологии. В этом нет ничего странного.

Х. Гюйгенс изобрел часы с маятником в 1657 г. Часы символизировали собой некий

макет Вселенной, а не просто механизм, показывающий время. Ход маятника наводил на мысль о первом толчке, «запуске» Вселенной, что естественным образом сводилось к Творцу.

И. Ньютон в своей личной библиотеке имел Библию на нескольких языках. Его биографы утверждают, что гениальный физик с 33 лет по нескольку часов в день изучал Библию. В конце своей жизни он утвердился в мысли о том, что религиозная и научная картины мира не противоречат друг другу. В своем главном труде «Математические начала натуральной философии» он начертал свое знаменитое изречение: «Гипотез я не измышляю». Существует мнение, что Ньютон «принял Истину как гипотезу Бога, ибо иначе не мог найти объяснения изумительной гармонии Мироздания и происхождения законов природы — первопричине всего сущего»².

Человек уже на ранних стадиях своего интеллектуального развития убедился в разумном устройстве Вселенной. Он пытался найти свое место в ней. Но для этого нужно было познать ее. Именно неудержимая тяга к познанию и привела к зарождению научного знания. Человек наделен одновременно воистину бесценными дарами: познания и творения. Уже древние греки были убеждены, что если человек открывает тайны природы, то тем самым он приближается к богам.

Р. Декарт, и не только он, призывал не смешивать два пути познания, которые до сего времени остались неизменными: откровения и научного поиска. Тем не менее огромное количество воистину гениальных ученых были убеждены в том, что Писание и Книга природы в принципе говорят об одном и том же и когда-нибудь обретут единство.

Рассматриваемая тема располагается в области гуманитарного знания. В отличие от естественных наук, гуманитарные истины покоятся на признании и отвержении каких-либо ценностей, что придает значение субъективным обстоятельствам. Объективные факторы и математические расчеты не сыграют здесь определяющей роли. История дает свидетельства того, что люди индивидуально и коллективно могут следовать неведомой воле, имеющей право именоваться Божественной.

В представлениях древних право имело божественное происхождение. Достаточно обратиться к истории всех древних цивилизованных народов. Законы некогда были следстви-

² Баландин Р. Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей. М., 2017. С. 127.

ем верований, соответственно, в отношениях между собой люди считали законы религией. Это современный человек нередко оценивает закон с позиции: справедливо или несправедливо. У древнего человека оснований сомневаться в справедливости законов просто не было. Н. Д. Фюстель де Куланж констатирует: «Древние говорили, что они свои законы получили от богов. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру. Лакедемоняне считали, что их законодателем был не Ликург, а бог Аполлон. Римляне полагали, что Нума писал законы под диктовку одного из самых могущественных божеств древней Италии — богини Игерии. Этруски получили свое право от Бога Тагеса. Истинным законодателем древних был не человек, а религиозные верования... У древних закон был всегда священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством»³.

Подлинная наука не может игнорировать факты, в частности бесспорные исторические факты того, что люди веками жили в лоне религиозных представлений, религиозных воззрений, религиозных учений. Но именно в жизни мы ищем критерии истин. Истин исторических и современных. Вычеркивать что-либо из жизни — значит изменять науке.

Человек (*Homo sapiens*) — общественное существо, обладающее разумом и сознанием. И первое, что отличает его в этом качестве, — постановка целей. Следует сразу оговориться: сознание позволяет ему изначально определяться относительно возможности реализации соответствующих целей. Силы человека здесь оказываются ограниченными не только природными факторами, но и рядом социальных зависимостей. Познавая те и другие, человек делает сознательный выбор в вариантах своего поведения. Однако наука признает существование чего-то такого, что находится за пределами человеческого рацио.

«Теолог на все времена» Фома Аквинский в своем главном труде «Сумма теологии» стремился доказать базовый с его точки зрения тезис, а именно: человек соотносится с Богом как со своей целью. По его мнению, первоначалом всяких дел, проистекающих из практического

разума, является их конечная цель. Конечная цель человеческой жизни есть счастье, блаженство. Однако целью сообщества является общее благо. На этой основе *теолог формулирует телеологическое понимание закона*: «закон есть не что иное, как некое установление в целях общего блага, принятое и обнародованное теми, кто имеет попечение об обществе»⁴.

Исключительно Фоме Аквинскому юридическая наука и образование обязаны тем, что римское право стали преподавать в университетах. Католическая церковь очень ревностно относилась к античному наследию. Аргументация теолога сводилась к тому, что римское право следует расценивать как предписание человеческого разума, на основе которого можно строить гражданское общество. Это, по его мнению, никак не противоречит базовым христианским догматам. Тем более что каноническое право создавалось на основе римского. Таким образом, на юридических факультетах европейских университетов римское и каноническое право стали основными дисциплинами.

Более того, в некоторых университетах предпринимались попытки объединения теологического и юридического факультетов в один. Считалось, что у них есть нечто общее, им в одинаковой степени присуща догматизация структур, которые они изучают. Но не только это.

С нашей точки зрения, юридическую науку и теологию сближает именно целевая природа их собственных познавательных структур. В средневековых университетах не преподавали «практическое право». Профессор учил студентов методу, позволявшему создавать самые справедливые по содержанию нормы, более всего соответствующие морали и благоприятствующие нормальной жизни общества. Право рассматривалось как модель социальной организации. Университетская наука обращена к праву во взаимосвязи с философией, теологией и религией, она указывает судьям, как решать дела на основе справедливости, предписывает правила, которым добропорядочные люди должны следовать в своем социальном поведении⁵.

Человек не может ставить цель жить вечно. Наука не может обосновать эту цель, а религия

³ Фюстель де Куланж Н. Д. Древний город. М.: Центрполиграф, 2010. С. 190.

⁴ Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 584.

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1996. С. 34.

под авторитетом воли Всевышнего способна. Почему науке не признать этого как факта, почему не исходить из него, если это удовлетворяет людей, если это служит им в делах житейских? Тем более что множество реальных людей принимает его столетиями.

Более того, немало образованных людей посвятили себя служению теологическим истинам. Почему и этот факт не принять в обоснование привлечения теологии к активному служению людям? Хорошо известно, что И. П. Павлов, нобелевский лауреат, был глубоко верующим человеком. В. Л. Войно-Ясенецкий, одновременно религиозный мыслитель и ученый, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Сталинской премии, ставший во второй половине жизни епископом Крымским и Симферопольским, демонстративно читал лекции студентам в монашеском облачении. Его «Очерки гнойной хирургии» помогли спасти жизни миллионам солдат Великой Отечественной. При этом он три раза отбывал наказание, подвергался пыткам и издевательствам, но от Христа не отказался. И таких примеров великое множество.

Наука традиционно сопротивляется всякому «ненаучному» подходу. Вместе с тем можно убеждаться, как она сдает свои позиции. Сегодня на вопрос, существует ли другая реальность, отвечают вполне в согласии с теологией положительно и ссылаются на признание факта физической наукой⁶. Квантовая реальность — это реальность вероятности.

Несколько лет назад были актуальны дискуссии о полноценном включении теологии в образовательный процесс, и были приняты все решения на государственном уровне, поставившие ее в один ряд с другими академическими специальностями. Обоснование соответствующим

позиций хорошо даны, например, в докладе митрополита Волоколамского Илариона «Теология в современной России: становление отрасли» на пленарном заседании Первой Всероссийской конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве»⁷ и в его статье «Теология в современном российском академическом пространстве»⁸. В тексте научной статьи по специальности «Философия, этика, религиоведение» описывается история становления теологии как образовательной и научной дисциплины в российском высшем образовании и науке начиная с 1992 г.

Отмечается, что теология как образовательная дисциплина возникла не как проект религиозных организаций, а как инициатива Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ, а также научного и образовательного сообщества в ситуации институционального коллапса структур «научного атеизма» в 1991 г. В статье представлена историческая информация об изменении отношения руководства Русской православной церкви к утвержденной государством университетской теологии и роли церкви в развитии государственных образовательных стандартов по теологии, а также о внесении теологии в номенклатуру специальностей научных работников. Затрагиваются дискуссионные темы, обсуждаемые в академическом сообществе в связи с внесением теологии в номенклатуру специальностей научных работников ВАК РФ. В частности, на основе идей Ю. Хабермаса анализируется вопрос о светскости университетского образования и условиях присутствия в нем конфессиональной теологии. С философских и общественно-научных позиций рассматриваются научный статус теологии, а также вопросы предметно-методи-

⁶ Соратник А. Эйнштейна Д. Бом попытался объяснить, почему каноны квантовой механики несовместимы с законом классической физики. Он математически выявил существование двух типов реальности: непроявленной квантовой и проявленной физической. Реальность, которая описана квантовой физикой, — это как раз та, в которой представлены вероятности того, что может произойти в реальности физической. И именно ее в какой-то степени можно назвать магической. И наша вторичная реальность является некой проекцией реальности первичной, в которой начинается всё, что потом происходит...

⁷ URL: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>.

Докладчик справедливо посетовал, что на протяжении многих десятилетий теология была искусственно выброшена из образовательного пространства, что Библия, Коран и Талмуд фактически были запрещенной литературой, и высказал удовлетворение, что эта противоестественная ситуация сегодня исправлена, и теология заняла свое законное место в системе гуманитарных наук, преподаваемых в светском университете. «Вопрос о том, является ли теология наукой или нет, фактически закрыт...». Докладчик связал последнее обстоятельство с административными решениями. Но мы понимаем: для признания теологии самостоятельной наукой нужны ее результаты, ее достижения, ее открытия.

⁸ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-v-sovremennom-rossiyskom-akademicheskom-prostranstve>.

ческой демаркации теологии и смежных академических дисциплин.

Первый шаг высвобождения теологии из «светского плена» сделан. Теперь предстоит с научных позиций, исключая преходящие политические интересы, использовать возможности теологии в решении тех проблем, которые обрушились на головы землян в XXI в. Разумеется, в контексте здоровой конкуренции с классическими гуманитарными науками, каждая из которых вскрывает массу проблем, требующих новых подходов.

Предлагаемая тема — одна из тех, которых не касалась отечественная юридическая наука вообще. Это и понятно: юридические науки в большой степени когда-то отличались партийностью, и никакая методология здесь, кроме официальной марксистской, не могла быть принята. Она подвергалась исключительно критике, позитивное использование исключалось. Исключалась она и по той естественной причине, что в советское время фактически не были известны и не были востребованы труды именитых теологов, не было основополагающих руководств по изучению и использованию теологических позиций. Понятно, что только на их основе юридическая наука может ставить и решать конкретные вопросы.

Практически во всех университетах «старой» Европы и по сей день студенты изучают каноническое право. Этой традиции уже сотни лет. Так или иначе, они выходят на теологические аспекты права. С нашей точки зрения, такой подход способствует наиболее глубокому пониманию права.

Нетерпеливый читатель вправе со всей иронией или на полном серьезе, выражаясь языком В. М. Шукшина, «срезать» профессора, осведомившись, о каких вопросах, например, может идти речь. Ответим серьезно и назовем из общей массы три, в решении которых нужно точно обратиться к теологии.

Первый — вопрос о смертной казни. Нет необходимости приводить свидетельства об очередном всплеске интереса к его решению. Недавно, например, он обсуждался на НКС Федеральной палаты адвокатов, и была проявлена озабоченность по поводу легковесности мнений, связанных с мораторием. Заметим, что всегда в полемике по поводу того или другого решения вопроса в законе рассуждали о том, кем дается жизнь человеку. Однако далее очевидной сентенции дело не шло. Теология со своим научным арсеналом не подключалась.

Второй — вопрос о собственности. Различные религиозные и политические течения решали его по-разному. Правовые системы закрепляли разные правовые режимы, но, похоже, что смыслы, закладываемые человеческими целями, оказываются скорее разрушительными. Надо призвать на помощь теологию.

Русская философия собственности преимущественно исходит из того, что всё принадлежит в конечном счете Богу. Человек, как существо смертное, может только владеть и пользоваться собственностью, особенно землей. Это очень болезненный вопрос, и до настоящего времени его полемическая заостренность сохраняется.

Третий вопрос намеренно берем горячий и политически ярко окрашенный. Конфессиональный раздрой на Украине. Принятие законодательства в этой сфере не может ограничиться сугубо теологическими позициями, хотя без них тоже не обойтись. Заметим попутно, что при постановке цели выявить возможности положительного служения теологии не исключаются и сугубо критические подходы.

Ранее замечено, что юридическая наука, как и любая другая гуманитарная, в отличие от естественно-научной, не удовлетворяет строгим критериям науки. Естественные науки являются номологическими, поскольку объясняют явления через закон в точном, научном смысле этого слова. Научный закон есть абсолютная связь между явлениями. В естественных науках даже единичное явление может привести к открытию. Социальные науки являются каузальными, ибо описывают явления, которые они изучают, через причину. Следовательно, объектом их изучения является коллективный социальный опыт, на основании которого только и возможно открытие закономерностей. По всей видимости, законов в строгом смысле они не открывают. Задача социальных наук, и прежде всего юридической, заключается в том, что именно они вырабатывают те смыслы, которые закрепляются в нормах права. Мы попадаем в диалектический тупик, выход из которого можно найти в разных представлениях о науке и об истине. Общая позиция большинства юристов состоит в отрицании истины в суждениях должного характера, каковыми по природе своей являются правовые нормы.

Если это так, если в праве господствуют оценочные суждения, если его императивы не претендуют на истину, то нет причины опасаться, что некоторые нормы будут основываться на

теологических максимах. Считаем возможным сказать более решительно: право нередко находится за пределами рационального. Взять хотя бы попавшую под руку «скороговорку» британского поэта Р. Грейвса: «Память о прошлом и есть “рацио”, память о настоящем — это эмоции, а “память о будущем” — наша интуиция». Право, мораль, религия — всё это уже в сфере эмоций. Всё в качестве посредника того, что рацио, прошедшее через эмоциональное горнило, предлагается (?) в качестве будущей реальности.

Сказанное в очередной раз заставляет позитивно оценить глубокий подход к праву Л. И. Петражицкого. Эмоции (от лат. *emotio* — потрясаю, волну) — субъективное переживание нашего отношения к окружающему и к самим себе. Эти переживания объективируются в тех или других нормах, а затем — в актах реализации этих норм. Прежде всего это чувственные переживания. Однако затем приходит восприятие аналитическое, критическое, отличающееся от живого впечатления. Тогда же подключается интуиция. В итоге не просто складывается рациональное восприятие, которое сопровождало формирование норм, но через посредство понятий и логики образуется система глубоко научного знания. Иногда рациональное понимание идет в противоположность чувствованию, но наибольший эффект достигается в ходе параллельных процессов и в соединении тех и других усилий (средств).

В принятии решений представляется важным, какие смыслы имеют предпочтительное значение. Соответственно, встает вопрос о факторах, формирующих эти смыслы. Приверженцы принципа законности отдадут первенство закону (праву). Но они не отвергают роль (хотя бы и вторичную) моральных установлений. О теологических смыслах говорить не принято, и решения принимать на их основе правоприменители не уполномочиваются. Между тем никого не смущает и, больше того, вызывает поддержку общая позиция руководства естественным правом. Последнее, надо

напомнить, живет не только в светском, но и в теологическом варианте. Мягкое отношение к теологическим смыслам можно констатировать в мусульманском праве. Российское публичное и особенно частное право может отражать официальное признание некоторых из них.

На протяжении трех и более десятилетий можно слышать сентенции, что наши депутаты не знают, что творят, не пишут тех законов, в которых общество действительно нуждается. Тем самым отвергается всякое рацио правотворчества. Может быть, тем самым приветствуется иррациональная составляющая важнейшей государственной деятельности? И да и нет.

В соответствии с азами философской науки, в основе иррационального мышления лежит импульсивное принятие решений, сформированное на эмоциях, самоощущении и чувствах. Отсюда методы иррационального мышления⁹.

Интуиция. Это некое предчувствие, ощущение, не подкрепленное никакими фактами и логикой. Просто нужно поступить в этой ситуации так, как говорит сердце, а не иначе.

Озарение. Внезапное осознание верного решения, мгновенное появление правильной мысли. Озарение может прийти, например, во сне, утром за завтраком или в беседе с другом.

Воображение. Это способность человека моделировать ситуацию и решать проблему без использования практических навыков. Додумывать недостающие элементы и восстанавливать общую картину произошедшего.

Ученые будут иметь разные мнения по поводу того, что есть, а чего нет в депутатских руководствах при принятии законов. С учетом того, что депутаты разные и проблемы решаются разные. Наиболее ироничные эксперты, очевидно, отдадут предпочтение озарению и воображению. Но трезвые аналитики будут пытаться показать, что депутатские сердца говорят им о собственных интересах. В любом случае надо знать смыслы законов. Это во-первых, а во-вторых, надо иметь в виду, что в наше постмодернистское время приходится учитывать бессилие рационального в решении ряда вопросов¹⁰.

⁹ URL: <https://lifehacker.ru/irrationalnoe-myshlenie/>.

¹⁰ Общим местом становится интернетовское: «Сейчас мы создали вокруг себя искусственную среду, с которой не справляются возможности нашего логического сознания». Есть такое понятие — «ограниченная рациональность», предложенное некогда лауреатом нобелевской премии Г. Саймоном. Согласно ему, как отдельные люди, так и целые организации не в состоянии справиться с проблемами, которые превышают некоторый определенный уровень. Никто уже не в состоянии даже просто понять, что происходит вокруг.

Проблема пределов правового регулирования для науки не новая. Но внимание сосредоточивалось на заземленных, практических вопросах. Между тем исходными должны бы быть философские, теологически окрашенные позиции. Например, исходный: может ли человек повлиять на реальность, изменить существующую картину мира? Трудно однозначно ответить даже на вопрос: приблизился ли человек к пониманию мира или в силу различных обстоятельств отдалился от этой цели? Многие считают, что люди уже не в состоянии понять сложность этого мира, их сознание деформируется, и в своем поведении человек деградирует. Порой происходящее вокруг нас можно квалифицировать в качестве метафизического абсурда. Жертвами геополитики стали экономика, право, да и просто элементарный здравый смысл.

Юристы ценят фикции. Будем исходить из того, что целесообразно привести теологические ценности в юридическую материю. Встает главный вопрос: почему это надо сделать путем утверждения некой комплексной темы, некой развернутой программы именно на юридическом факультете Казанского университета? Именно здесь наиболее явственно произошло столкновение науки и теологии. Простым ответом, что никто темой не занимается, это открывает новизну и т.д., не обойтись. Есть очень серьезные аргументы другого масштаба.

Первое обстоятельство имелось в виду уже при образовании университета в Казани. Глубоко мыслящие патриоты российской государственности полагали, что именно здесь возможно **решать на научной базе вопросы противостояния западных и восточных ценностей на основе сближения трех главных религиозных конфессий: православной, мусульманской и иудаистской. Перспективы национального государства связывались с национальной религией, с формированием единой народной общности.**

Идея не получила развития в стенах университета, хотя историки найдут много фактов из жизни народов Поволжья и вообще народов России, свидетельствующих об их единении в решении общих судеб. Более того, не только исторические, но и современные реалии позволяют видеть актуальность давних вопросов единения народов России. Между тем власть скорее использовала университет как форпост

на пути проникновения западной революционной идеологии. Свидетельством этому являлись меры, принятые в отношении ряда профессоров и читаемых ими курсов, которые расходились с глубинными теологическими установками.

Есть подозрение, что теология была и останется падчерицей в университете. Причем не только в Казанском. Кафедра умозрительной и практической философии (таково первое название кафедры философии Казанского университета) была учреждена сразу в составе отделения нравственных и политических наук (в будущем — юридического факультета). Философия (в составе логики, метафизики, психологии, истории философских систем) входила в число наук «приготовительных», которым «необходимо должны учиться все... какой бы род жизни и какую службу ни избрали». В 1850 г. последовало высочайшее распоряжение о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского). Была упразднена и кафедра философии в Казанском университете «как несоответствующая видам правительства и не обещающая благоприятных последствий». Еще раньше этого времени был упразднен философский факультет. Верховная власть не без основания усматривала связь между философией и «французской пагубой» — революцией. Лекции по логике и психологии читались по программам, составленным в Духовной академии и одобренным Синодом. Надзор за их преподаванием в Казанском университете был возложен на ректора Казанской духовной академии. Теологи духовного звания входили в состав суда, учиненного над профессором Г. И. Солнцевым, обвиненным в том, что его лекции не соответствуют божественному учению.

В 1860 г. кафедры философии в университетах были восстановлены. Светская философия была реабилитирована в своих правах. Понадобилось 10 лет, чтобы пришло осознание и признание того, что «вследствие закрытия кафедр философии... ощущается большой пробел в умственном развитии студентов... они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого»¹¹.

На основании этого мы делаем вывод о существовании в университете исторического материала для современного осмысления. Благо их более чем достаточно.

¹¹ Бобров Е. А. Философия в России. Вып. 5. Казань, 1901. С. 10.

Идея, не получившая 220 лет назад практического развития, может иметь перспективу в современных условиях. И не только в силу своего позитивного содержания, но и благодаря организационной поддержке. Представляется, что власти Татарстана, что называется, кровно заинтересованы в том, чтобы полнее раскрыть роль татарского народа в формировании российской государственности. Не менее они должны быть заинтересованы и в использовании того арсенала научных знаний, который сформировался с учетом национальной специфики, при внесении всякий раз поправок в законопроекты.

Сегодня в университете функционирует кафедра религиоведения как ведущая кафедра, осуществляющая подготовку специалистов в области межконфессиональных отношений в Российской Федерации, центр религиоведческого и теологического образования и научных исследований Приволжского федерального округа. Согласно положению о кафедре, здесь ведется образовательный процесс по следующим направлениям подготовки:

- религиоведение (бакалавриат);
- религиоведение: религии России (магистратура);
- юридическое религиоведение (магистратура);
- теология: государственно-конфессиональные отношения (бакалавриат, христианская и исламская группы);
- теология: наука и религия (христианский профиль) (магистратура);
- история и теология ислама (магистратура);

— философия религии и религиоведение (аспирантура).

Как убеждаемся, представленные направления образовательного процесса органично предполагают и направления исследовательской деятельности. А если учесть, что кафедра постоянно отслеживает состояние дел в области религиозно-государственных отношений (как с позиций религиоведения, так и с точки зрения теологии), то можно представить перспективы академической аналитики и мониторинга теологической ситуации в государственно-правовой среде.

В предлагаемой теме на первом месте стоят телеологические смыслы. Фактически идет речь о правотворчестве, в процессе которого они производятся, а затем о правоприменении, в ходе которого они реализуются. Всё это является предметом юридических наук. Поэтому основное «место жительства» темы — юридический факультет. Всё остальное связано с развитием межфакультетских и межкафедральных коммуникаций. Сегодня есть все возможности проводить исследования на самом высоком современном академическом уровне.

Университет — это прежде всего сохранение традиций и производство смыслов. Социологи науки нередко именуют юриспруденцию нормативной наукой. Во всяком случае, авторы не возражают против такой постановки вопроса. Одна из функций науки есть рационализация действительности на основе открытых законов и закономерностей. Смыслы, приобретающие правовые формы, следует рассматривать как факторы развития права. В этой связи теология и телеология вполне могут дополнять друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 2. М. : Мысль, 1999. 829 с.
- Баландин Р. Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей. М., 2017. 384 с.
- Бобров Е. А. Философия в России. Вып. 5. Казань, 1901. 208 с.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. 400 с.
- Евангелие от Иоанна. М., 1994. 428 с.
- Иларион, митрополит Волоколамский. Теология в современной России: становление отрасли // URL: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>.
- Иларион, митрополит Волоколамский. Теология в современном российском академическом пространстве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-v-sovremennom-rossiyskom-akademicheskom-prostranstve>.
- Фюстель де Куланж Н. Д. Древний город. М. : Центрполиграф, 2010. 414 с.

REFERENCES

- Anthology of world legal thought: in 5 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1999. (In Russ.).
- Balandin R. Woe from wit? The vagaries of prominent thinkers. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
- Bobrov EA. Philosophy in Russia. Kazan; 1901. (In Russ.).
- David R, Geoffrey-Spinosi K. Major legal systems of today. Moscow: International Relations Publ.; 1996. (In Russ.).
- Fustel de Coulanges. The ancient city. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2010. (In Russ.).
- Gospel of John. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk. Theology in Modern Russia: The formation of the field. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/48400/>. (In Russ.).
- Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk. Theology in the modern Russian academic environment. Available at: <https://bigenc.ru/c/teologiya-v-Rossii-713316>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
kornev_av@rambler.ru

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
yalazer@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kornev_av@rambler.ru

Valery V. Lazarev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Center for Fundamental Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
yalazer@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 20.08.2024.

Revised 14.02.2025.

Accepted 15.02.2025.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

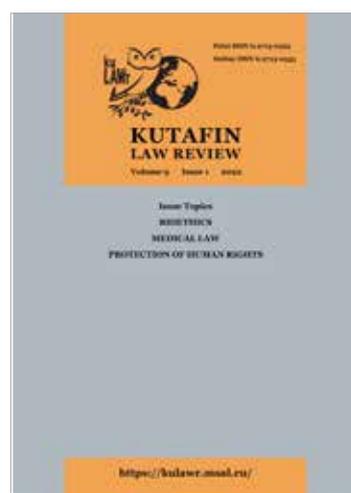
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008